

А 164
321

801-18
2049

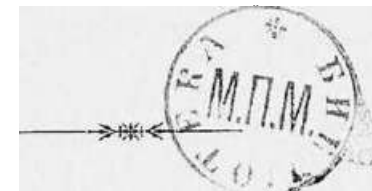
РАЗСКАЗЫ НАРТОВА

0

ПЕТРЪ ВЕЛИКОМЪ.

Л. Н. МАЙКОВА.

ПРЕДЛОЖЕНІЕ КЪ LXVIII-МУ ТОМУ ЗАПИСОКЪ ИМПЕР. АКАДЕМІИ НАУКЪ.
№ 6.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ. 1891.

ПРОДАЕТСЯ У КОММИОНЕРОВЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ:

И. Глазунова, вл. С. П. В.

Эггерса и Копп, вл. С. П. В.

И. Киммели, вл. Ригѣ.

Цѣна 1 рубль.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Октябрь 1891 года.

Непрямой Секретарь, Академикъ А. Штраухъ.

2011120983

ТИПОГРАФИЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 3 лѣт., № 12.

Любопытный историческій памятникъ, здѣсь издаваемый, извѣстенъ только по одной рукописи, хранящейся нынѣ въ Московскомъ публичномъ музеѣ подъ № 2747. Къ сожалѣнію, это не подлинникъ автора и даже не списокъ съ подлинника, сдѣланный въ прошломъ столѣтіи, а копія, снятая не раньше первой четверти текущаго вѣка; она составляетъ тетрадь листового формата, въ 116 листовъ. Тетрадь эта поступила въ музей изъ бумагъ М. П. Погодина, а ему была доставлена А. О. Бычковымъ, который приобрѣлъ ее въ Петербургѣ.

До сихъ поръ «Достоверныя повѣствованія и рѣчи Петра Великаго» не были изданы вполне, хотя большая ихъ часть и существуетъ въ печати. Впервые появилось изъ нашего памятника извлеченіе въ журналѣ «Сынъ Отечества» 1819 года (части 54—58), при чемъ изъ 162 рассказовъ напечатано только 72; какою рукописью пользовался составитель этого извлеченія — не извѣстно, но текстъ выбранныхъ имъ рассказовъ представляетъ лишь очень немногія и незначительныя отличія отъ музейной рукописи. Затѣмъ въ 1842 году въ «Москвитинѣ» (№№ 4, 6, 7, 8 и 11) была сдѣлана попытка издать полный текстъ «Повѣствованій», но она не увѣнчалась успѣхомъ, такъ какъ рассказы 3-й, 5-й, 19-й, 24-й, 87-й, 137-й, 139-й, 145-й, 146-й, 154-й, 157-й и конецъ 10-го были исключены цензурой. Это изданіе печаталось по той же рукописи Московскаго музея, которою пользовались мы, и воспроизводить ее очень точно; во всякомъ случаѣ нельзя признать справедливымъ отзывъ покойнаго П. П. Пе-

карскаго, сказавшаго, что изданіе «Повѣствованій» въ «Москвитинѣ» сдѣлано «крайне небрежно»¹⁾. Въ нашемъ изданіи не допущено никакихъ отступленій отъ рукописи, но мы сочли себя въ правѣ привести въ порядокъ ея правописаніе; кромѣ того, мы внесли въ рукописный текстъ (въ прямыхъ скобкахъ) тѣ немногія дополненія, которые нашли въ текстѣ «Сына Отечества», а текстъ русскаго перевода письма аббата Виньона, включенный въ рассказъ 91-й, проверили и исправляли по изданію того же перевода въ сочиненіи Пекарскаго: «Наука и литература въ царствованіе Петра Великаго» (т. I, стр. 530—532).

Интересъ «Повѣствованій» давно обратилъ на себя вниманіе нашихъ историковъ; всѣ они признають, что эти записки живо изображаютъ личность великаго преобразователя²⁾. Устряловъ, Соловьевъ, Пекарскій пользуются «Повѣствованіями» въ своихъ трудахъ, посвященныхъ времени Петра Великаго. Но критическая оцѣнка этого историческаго памятника еще не сдѣлана, если не принимать за нее краткихъ замѣчаній Устрялова объ общемъ характерѣ «Повѣствованій», о свойствѣ и происхожденіи нѣкоторыхъ заключающихся въ нихъ извѣстій³⁾. При новомъ полномъ изданіи «Повѣствованій» умѣсто представить соображенія по крайней мѣрѣ по важнѣйшимъ вопросамъ исторической критики этого памятника⁴⁾.

«Повѣствованія» снабжены предисловіемъ, которое подписано «Андреемъ Нартовымъ, дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ, Петра Великаго механикомъ и токарнаго искусства учителемъ» и проч.; въ немъ говорится отъ имени автора, что

¹⁾ Исторія Имп. Академіи Наукъ, т. II, стр. V.

²⁾ Ср. отзывъ о «Повѣствованіяхъ» въ книгѣ Е. Ф. Шмурло: Петръ Великій въ русской литературѣ. С.-Пб. 1889, стр. 80.

³⁾ Исторія Петра Великаго, т. I, стр. LV—LVII; т. IV, ч. I, стр. 208, 209.

⁴⁾ Критическая оцѣнка отдѣльныхъ рассказовъ отнесена нами въ примѣчанія, задачей которыхъ поставлено: 1) указать на источники «Повѣствованій», 2) дать по возможности хронологическое приуроченіе рассказываемымъ происшествіямъ, и 3) слѣдить извѣстія «Повѣствованій» съ другими однородными русскими источниками.

онъ состоялъ при государѣ «болѣе двадцати лѣтъ», и что онъ «собиралъ повѣствованія о Петрѣ Великомъ и рѣчи сего славнаго монарха, слыша оныя либо устно отъ самого государя, или отъ достовѣрныхъ особъ, въ то время жившихъ», — написалъ же свои рассказы по смерти Петра и кончилъ «въ 1727 году». Показанія эти такъ положительны, что въ достовѣрности ихъ нельзя бы, кажется, и усомниться. Однако, еще Устряловъ обратилъ вниманіе на ихъ неточность: вопервыхъ, изъ документовъ, относящихся до службы токаря Нартова, обнаруживается, что онъ былъ взятъ въ токарную Петра не ранѣе 1712 года, слѣдовательно, состоялъ при государѣ, былъ «самовидцемъ» управленій и бесѣдъ его не двадцать лѣтъ, какъ сказано въ предисловіи, а только двѣнадцать; вовторыхъ, нѣкоторые рассказы нашего памятника основаны не на личныхъ воспоминаніяхъ составителя или другихъ современниковъ Петра, а на какомъ-нибудь источникѣ, но предположенію Устрялова — на дневникѣ Корба, который могъ быть извѣстенъ А. К. Нартову въ русскомъ рукописномъ переводѣ, сдѣланномъ около 1702 года, послѣ того, какъ латинскій подлинникъ этого сочиненія былъ высланъ княземъ П. А. Голицынымъ изъ Вѣны въ Москву¹⁾. Со своей стороны замѣтимъ еще одну неточность въ предисловіи: А. К. Нартовъ называется въ немъ дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ, тогда какъ онъ умеръ въ 1756 году въ чинѣ только статскаго совѣтника²⁾. Наконецъ, нельзя не обратить вниманія на слогъ «Повѣствованій»: онъ мало походитъ на слогъ, каковы писали въ двадцатыхъ годахъ прошлаго вѣка. Изъ всего этого слѣдуетъ, что показанія предисловія не заслуживаютъ довѣрія и не могутъ быть принимаемы въ расчетъ при оцѣнкѣ самого памятника; поэтому мы предпочитаемъ оставить ихъ въ сторонѣ и рассматри-

¹⁾ Устряловъ, Исторія Петра В., т. I, стр. LXIV и 828. Переводъ сочиненія Корба былъ сдѣланъ извѣстнымъ Николаемъ Спааріемъ; рукопись этого перевода хранится въ Императорской Публичной Библіотекѣ (F. IV. № 821).

²⁾ Пекарскій, Исторія Имп. Академіи Наукъ, т. II, стр. XVII.

вать «Повѣствованіи» независимо отъ предпосланнаго имъ предисловія.

«Повѣствованія» хотя и изложены въ формѣ отдѣльныхъ разсказовъ безъ хронологической послѣдовательности, однако касаются различныхъ моментовъ жизни Петра съ самой его юности, когда токарь Нартовъ еще не находился при царѣ. Отсюда ясно, что составитель «Повѣствованій» не могъ руководствоваться только своими личными воспоминаніями и долженъ былъ искать пособія въ другихъ источникахъ. Одинъ изъ нихъ и указанъ имъ: это — преданія, слышанныя имъ отъ современниковъ Петра касательно такихъ событій, очевидцемъ которыхъ быть не могъ самъ составитель. На другой же его источникъ обратилъ вниманіе только Устряловъ: это — извѣстія, почерпнутыя изъ книгъ. Разумѣется, тотъ отдѣлъ «Повѣствованій», гдѣ мы находимъ личные воспоминанія А. К. Нартова, наиболѣе важенъ и любопытенъ, и только этотъ отдѣлъ можетъ быть названъ «первоисточникомъ» для исторіи Петра (какъ выразился Пекарскій); къ нему и относятся слова Устрялова: «Нельзя думать, чтобы Нартовъ безсовѣстно лгалъ, когда онъ говоритъ: я видѣлъ своими глазами». Но именно для того, чтобы выставить эту существеннѣйшую часть «Повѣствованій» въ ея настоящемъ значеніи, необходимо по возможности отдѣлать отъ нея тѣ разсказы нашего памятника, которые не могутъ быть названы разсказами очевидца. Притомъ, наблюдая приемы, употребленные составителемъ при пользованіи устными преданіями и въ особенности книжными источниками, мы получимъ возможность сдѣлать заключеніе о томъ, насколько онъ вообще умѣлъ сохранять историческую точность. Итакъ, составъ «Повѣствованій» необходимо разсматривать сообразно тремъ вышеуказаннымъ отдѣламъ.

Изъ 162 разсказовъ нашего памятника для 35 намъ удалось опредѣлить печатные источники болѣе или менѣе точно. Изъ слѣдующихъ, сдѣланныхъ въ примѣчаніяхъ къ издаваемому тексту, обнаруживается, что подъ руками составителя «Повѣствованій» несомнѣнно находились слѣдующія печатныя книги:

1) *Mémoires du règne de Pierre le Grand*, издавныя въ Гатѣ въ 1725—1726 годахъ Жаномъ Руссе подъ псевдонимомъ барона Nestesuranoi.

2) *Histoire de Charles XII* Вольтера, первое изданіе которой относится къ 1731 году.

3) *Histoire de Pierre, surnommé le Grand*, Элеазара Мовильона, дважды изданная въ 1742 году въ Амстердамѣ и Лейпцигѣ¹⁾.

4) *Histoire de l'empire de Russie sous Pierre le Grand* Вольтера, которая появилась въ свѣтъ впервые въ 1761—1763 годахъ.

5) Журналъ или подневная записка блаженныя и вѣчнодостойныя памяти Государя Императора Петра Великаго съ 1698 года даже до заключенія Нейштадтскаго мира. Собралъ князь М. Щербатовъ. С.-Пб. 1770—1772.

Кромѣ названныхъ сочиненій, можно предполагать, что составителю «Повѣствованій» служили пособіемъ еще другія печатныя книги, упомянутыя въ примѣчаніяхъ къ разсказамъ 96-му, 124-му, 126-му и 142-му. За то дневника Корба, въ которомъ Устряловъ искалъ источника для нѣкоторыхъ разсказовъ Нартова, мы не включаемъ въ нашъ перечень, потому что все сходное въ «Повѣствованіяхъ» съ извѣстіями Корба сообщено и Мовильономъ, пользовавшимся рѣдкою книгой австрійскаго дипломата; трудно согласиться съ предположеніемъ Устрялова, чтобы составителю «Повѣствованій» былъ извѣстенъ русскій рукописный переводъ Корба, безъ сомнѣнія, хранившійся подъ секретомъ, особенно если приять во вниманіе, что въ нашемъ памятникѣ не видно никакихъ слѣдовъ заимствованія изъ русскихъ рукописныхъ источниковъ, гораздо болѣе доступныхъ еще въ первой половинѣ XVIII вѣка, каковы записки Крещина, Матѣева и проч. Во всякомъ случаѣ, приведенный нами списокъ печатныхъ источниковъ, употребленныхъ при составленіи «Повѣсто-

¹⁾ Ссылка на это сочиненіе въ нашихъ примѣчаніяхъ относится къ трех-томному изданію въ 12-ю долю листа.

ваній», несомненно доказываетъ, что этотъ сборникъ разсказовъ о Петрѣ Великомъ не былъ оконченъ въ 1727 году (какъ утверждаетъ предисловіе), и редакцію его, до насъ дошедшую, слѣдуетъ приурочивать не ранѣе, какъ къ семидесятымъ годамъ прошлаго вѣка.

Приемы, употребляемые составителемъ «Повѣствованій» при пользованіи книжными источниками, не особенно сложны. Два разсказа (17-й и 20-й) составляютъ почти выписку изъ «Журнала» Петра Великаго, лишь слегка сокращенную противъ подлинника и нѣсколько подновленную въ языкѣ. Въ двухъ другихъ разсказахъ (25-мъ и 111-мъ) составитель беретъ изъ того же «Журнала» кое-какія частности, но именно такого рода, которыя не могли быть ему извѣстны безъ пособія названнаго источника. Наконецъ, еще въ одномъ разсказѣ (47-мъ) сообщеніе «Журнала» воспроизводится съ собственными добавленіями составителя «Повѣствованій». Въ пользованіи французскими книгами замѣчается нѣсколько большее разнообразіе приемовъ: нѣкоторые разсказы (напримѣръ, 1-й, 2-й и мн. др.) представляютъ почти прямой переводъ изъ Руссе или Мовильона; иные (напримѣръ, 7-й, 123-й и проч.) передаютъ французскій подлинникъ въ сокращеніи и съ измѣненіями; затѣмъ, есть такіе разсказы, гдѣ изъ французскихъ книгъ заимствуются только сущность фактовъ, даты и отдѣльныя подробности, и все это излагается собственными словами составителя и сопровождается его прибавками; таковы въ особенности разсказы касательно пребыванія Петра во Франціи и Австрійскихъ Нидерландахъ (125-й, 127-й, 133-й, 135-й и проч.). Сочиненіе Мовильона, очень богатое анекдотическими подробностями за первую половину Петрова царствованія, было особенно пригоднымъ для извлеченій, и составитель нашего памятника пользуется этою книгой особенно охотно. Разумѣется, отвѣтственность за достоверность извѣстій, почерпнутыхъ изъ чужихъ книгъ, падаетъ на авторовъ послѣднихъ, а не на составителя «Повѣствованій»; но для его характеристики любопытно отмѣтить его обычай присоединять свои дополненія ко взятой изъ чужой книги

основѣ фактической или хронологической: дополненіе обыкновенно состоитъ въ томъ, что приводится изреченіе Петра, будто бы сказанное имъ по тому или другому случаю; но рѣчамъ этимъ придается всегда особый правоучительный смыслъ, отзывающійся сочинительствомъ и потому подозрительный. Что составитель «Повѣствованій» вообще не чуждъ сочинительства, объ этомъ можно судить, напримѣръ, по разсказу 18-му, гдѣ онъ не затруднился вложить въ уста самого Петра разсужденія, высказанныя французскимъ писателемъ отъ своего лица. А какъ мало критическаго такта обнаруживалъ составитель при пользованіи иностранными источниками, это всего лучше доказываетъ разсказъ 142-й: сообщаемыя здѣсь рѣчи, будто бы сказанныя Петромъ при посѣщеніи Парижской обсерваторіи, очевидно вымышленныя; онѣ извлечены изъ французской книги, содержащей въ себѣ вовсе не историческое повѣствованіе о пребываніи Русскаго царя въ Парижѣ, а сатиру на нравы французскаго общества.

Другой отдѣлъ въ «Повѣствованіяхъ» составляютъ тѣ разсказы, которые взяты изъ устнаго преданія. Отличать ихъ отъ тѣхъ, которые могутъ быть признаны за собственные воспоминанія А. К. Нартова, не всегда возможно, и потому мы не рѣшаемся выставить точную цифру первыхъ. Замѣтимъ только, что количество разсказовъ не книжнаго происхожденія, относящихся ко времени до 1712 года (когда товарищъ Нартовъ былъ взятъ на службу къ царю), или мѣсто дѣйствія которыхъ само указываетъ, что любимый мастеръ Петра не могъ быть очевидцемъ описываемыхъ происшествій, простирается до 40. Составитель «Повѣствованій» не считалъ пужнымъ объяснять, какимъ путемъ дошло до него то или другое преданіе, и только въ немногихъ случаяхъ упоминаетъ о лицахъ, рассказывавшихъ ему объ извѣстномъ происшествіи; такъ, говоря о пребываніи Петра Великаго въ Англіи, онъ ссылается на графа А. А. Матвѣева и А. П. Веселовскаго (разсказы 4-й и 12-й), говоря о Персидскомъ походѣ — на Ѳ. И. Соймонова и В. Я. Левашова (разсказы 94-й—96-й), а приводя сужденіе Петра о царевнѣ Софьѣ (разсказъ 150-й) — на

князя И. Ю. Трубецкого; однако, проверка этихъ ссылокъ убѣждаетъ въ томъ, что онѣ не вполне точны: изъ семи рассказовъ о поѣздѣ Петра въ Англію два (4-й и 12-й) оказываются нижняго происхожденія, и ихъ приходится исключить изъ числа основанныхъ на устномъ преданіи. То же должно сказать и о рассказахъ 96-мъ и 150-мъ.

Подобныя неточности въ редакціи нашего памятника служатъ, конечно, доказательствомъ тому, что на него легли различныя литературныя назовнія; однако это еще не даетъ права совершенно отвергать историческое значеніе внесенныхъ въ него преданій. Если, съ одной стороны, еще Устряловъ указалъ, что нѣкоторые изъ сихъ послѣднихъ не заслуживаютъ довѣрія (см. примѣчанія къ рассказамъ 27-му, 44-му и 48-му), то съ другой — въ нашемъ памятникѣ есть и такіе основанные на устномъ преданіи рассказы, которые успѣшно выдерживаютъ проверку по подлиннымъ документамъ; таковы, напримѣръ, рассказъ 129-й, подробности котораго почти дословно подтверждаются недавно обнаруженными свидѣтельствомъ французскихъ архивовъ. Геніальная и вмѣстѣ съ тѣмъ въ высшей степени своеобразная личность Петра должна была глубоко запечатлѣться въ памяти современниковъ; рассказы о немъ ходило очень много въ русскомъ обществѣ, и мудро было не черпать изъ этого обильнаго источника: что дѣлали составитель «Повѣствованій», то же дѣлали и собиратели анекдотовъ о Петрѣ — Штелины и Голиковъ¹⁾; не удивительно поэтому, что у послѣднихъ находится довольно много рассказовъ, занесенныхъ и въ «Повѣствованія» (см. примѣчанія къ рассказамъ 13-му, 31-му, 33-му, 45-му, 50-му, 56-му, 76-му, 81-му и др.). Такимъ образомъ, эти три сборника служатъ къ взаимной проверкѣ другъ друга и все три даютъ намъ понятіе о томъ, какое представление сохраняли о Петрѣ люди, лично видѣвшіе и знавшіе его. Какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, преданіе отчасти

¹⁾ Въ примѣчаніяхъ ссылки на «Анекдоты» Штелины относятся къ русскому петербургскому изданію 1787 года (переводъ К. Рембовскаго), а ссылки на «Анекдоты» Голикова — къ московскому изданію 1798 года.

идеализировало дѣйствительное историческое лицо: воссоздаваемый воспоминаніемъ, Петръ, согласно понятіямъ и вкусамъ XVIII вѣка, явился въ образѣ классическаго героя и мудреца. Таковы онъ и въ рассказахъ нашего памятника, основанныхъ на устномъ преданіи: въ нихъ по преимуществу онъ изображается примѣромъ высокой царской доблести, и въ уста его влагаются многозначительныя нравственныя и политическія афоризмы (см. напримѣръ, рассказы 6-й, 28-й, 78-й, 99-й, 145-й и др.).

Гораздо проще и естественнѣе рисуется Петръ въ той части «Повѣствованій», которая содержитъ въ себѣ непосредственныя воспоминанія А. К. Нартова. Рассказы этого рода составляютъ около половины нашего памятника. Мы уже знаемъ, что они могутъ касаться событій не ранѣе 1712 года, а затѣмъ они идутъ до самой кончины государя. Но изъ этого періода въ двѣнадцать съ небольшимъ лѣтъ слѣдуетъ еще вычесть, во первыхъ, довольно продолжительныя отлучки царя изъ Петербурга (гдѣ проживалъ постоянно его любимый токарь) въ разное время, и вторыхъ, около двухъ лѣтъ съ половины 1718 года по 1720, когда А. К. Нартовъ находился за границей. Такимъ образомъ рассказы, содержащіе въ себѣ личные воспоминанія А. К. Нартова, относятся главнымъ образомъ къ послѣднимъ пяти-шести годамъ жизни великаго государя; такихъ рассказовъ можно насчитать въ «Повѣствованіяхъ» не менѣе 35. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ Нартовъ самъ является дѣйствующимъ лицомъ; въ другихъ онъ упоминается только какъ очевидецъ и молчаливый слушатель; въ третьихъ его присутствіе при описываемомъ только подразумевается, но съ полнымъ вѣроятіемъ, ибо дѣйствіе разсказа происходитъ въ токарной, верѣдно замѣнявшей Петру кабинетъ; наконецъ, есть и такіе рассказы, въ которыхъ присутствіе Нартова при описываемомъ не засвидѣтельствовано никакимъ осознательнымъ признакомъ, но достоверность которыхъ можетъ быть подтверждена либо посторонними показаніями (напримѣръ, рассказы 105-й, 157-й и 159-й), либо соображеніями внутренняго свойства; такъ, Оловьевъ не затруднился воспользоваться извѣ-

стіями «Повѣствованій», относящимися ко времени суда надъ царевичемъ Алексѣемъ (разказы 154-й—156-й и 158-й), потому что видѣлъ въ нихъ вѣрное изображеніе душевнаго состоянія Петра въ эти тягостныя минуты. Разказы нашего памятника, содержащіе въ себѣ личныя воспоминанія А. К. Нартова, внушаютъ къ себѣ тѣмъ большее довѣріе, что въ нихъ пестро перемѣшано важное съ неважнымъ, шутки Петра съ его серьезными рѣчами: видно, что вспоминавшій о царѣ вѣрный слуга его любилъ государя какъ человѣка и, высоко цѣня его достоинства, умѣлъ прощать ему его слабости. Самыя рѣчи Петра, приводимыя въ этомъ отдѣлѣ «Повѣствованій», отличаются простотой, свойственною здравомыслію, и совершенно не похожи на тѣ высокопарныя изреченія, которыя приписало великому государю преданіе, и которыя встрѣчаются въ другихъ отдѣлахъ нашего памятника.

Но, отдавая полную справедливость этой важнѣйшей части «Повѣствованій», нельзя не сдѣлать одного замѣчанія касательно самой личности того Петрова любимица, съ именемъ котораго дошло до насъ это сочиненіе. Нѣкоторые разказы, касающіеся до самого токаря Нартова, оказываются не вполне точными (см. примѣчанія къ разказамъ 64-му и 113-му); въ нихъ можно подмѣтить желаніе какъ бы преувеличить значеніе Нартова при царѣ: слабость довольно незначительная и очень часто встрѣчающаяся у авторовъ мемуаровъ; въ данномъ же случаѣ это стремленіе стоитъ, по видимому, въ связи съ вопросомъ о составленіи «Повѣствованій», а потому мы къ нему и обратимся.

Изъ разсмотрѣнія того отдѣла нашего памятника, который содержитъ въ себѣ заимствованія изъ печатныхъ книгъ, мы уже сдѣлали заключеніе, что «Повѣствованія» дошли до насъ въ редакціи, относящейся къ семидесятымъ годамъ прошлаго вѣка. А такъ какъ Андрей Костантиновичъ Нартовъ умеръ еще въ 1756 году, то очевидно, редакція эта принадлежитъ не ему. Нельзя предположить и того, чтобы А. К. Нартовъ занимался обработкой «Повѣствованій», напримѣръ, въ сороковыхъ годахъ, то-есть, вскорѣ

по выходѣ сочиненія Мовильона: такое предположеніе не возможно потому, что токарь Нартовъ хоть и былъ въ это время совѣтникомъ Академіи Наукъ, однако не обладалъ хорошимъ знаніемъ иностранныхъ языковъ; по крайней мѣрѣ неблагопріятель его, извѣстный Шумахеръ, далъ о немъ въ 1742 году такой отзывъ: «Онъ, Нартовъ, въ званіи чужестранныхъ языковъ необыкновененъ, а писать и читать не умѣетъ и въ пристойныхъ ко оной Академіи ученіяхъ не бывалъ, ибо кромѣ токарнаго художества не знаетъ»¹⁾. Какъ бы мы ни смягчали рѣзкость этого отзыва, недостаточность образованія А. К. Нартова должна остаться вѣдѣ сомнѣнія: почтенный токарь Петра Великаго могъ проявить себя въ академическихъ дѣлахъ добрымъ патріотомъ, могъ быть правъ въ своихъ обличеніяхъ на Шумахера и его клевретовъ, но очевидно, не былъ образованнымъ человѣкомъ, не былъ въ состояніи пользоваться французскими книгами, да можетъ быть, и по русски-то писать плохо, во всякомъ случаѣ велитературно: прошеніе, подаваемое имъ Петру въ 1723 году, писано не имъ самимъ, а другимъ лицомъ по его просьбѣ; бумаги и письма по академическимъ дѣламъ, сохранившіяся за его подписью, также, вѣроятно, составлены не имъ лично²⁾. Изъ всего этого слѣдуетъ, что участіе А. К. Нартова въ сочиненіи «Повѣ-

¹⁾ Пекарскій, Исторія Имп. Академіи Наукъ, т. II, стр. XI. — Сколько-нибудь полной біографіи А. К. Нартова до сихъ поръ не существуетъ; извѣстія о молодости его почерпаются изъ «Повѣствованій», а свѣдѣнія объ его академической службѣ можно находить въ вышеупомянутомъ трудѣ Пекарскаго, въ «Матеріалахъ для біографіи Ломоносова», собранныхъ П. С. Блжарскимъ, и въ «Матеріалахъ для исторіи Имп. Академіи Наукъ», издаваемыхъ подъ редакціей М. И. Сухомлинова; оправдывая опѣнку дѣятельности Нартова, какъ совѣтника академической канцеляріи, сдѣлала С. М. Соловьевъ въ его «Исторіи Россіи», т. XII, стр. 278—288. О трудахъ Нартова по артиллерійскому вѣдомству ничего не извѣстно въ печати. Въ приложеніи къ настоящему введенію мы печатаемъ два документа, дополняющіе біографическія извѣстія о Нартовѣ.

²⁾ Нѣкоторые изъ этихъ документовъ напечатаны въ «Матеріалахъ для исторіи Имп. Академіи Наукъ»; кромѣ того, въ сочиненіяхъ князя А. Д. Кантемира, т. II, издадено офиціальное письмо къ нему Нартова, какъ совѣтника академической канцеляріи.

ствованій» можетъ быть допущено лишь въ очень ограничен-ныхъ размѣрахъ, и что настоящаго составителя и редактора этого сборника разсказовъ о Петрѣ Великомъ слѣдуетъ искать въ другомъ лицѣ: это могъ быть только человекъ, жившій уже во второй, а не въ первой половинѣ прошлаго вѣка, знавшій иностранные языки (по крайней мѣрѣ французскій), образованный литературно (объ этомъ свидѣлствуетъ слогъ «Повѣствованій») и, наконецъ, находившійся въ близкихъ отношеніяхъ къ А. К. Нартову на столько, что могъ слышать его разсказы о Петрѣ или же получить отъ него письменное изложеніе его воспоминаній о Петровскомъ времени.

Кажется, что самая вѣроятная догадка въ этомъ отношеніи должна обратить наше вниманіе на младшаго сына Андрея Константиновича — Андрея Андреевича Нартова. Онъ родился въ 1737 году, учился сперва при Академіи, а потомъ въ Сухопутномъ Шляхетномъ корпусѣ, съ 1755 года служилъ въ военной службѣ, вѣдѣлъ по горному вѣдомству и кончилъ жизнь въ 1813 году въ званіи президента Россійской академіи. Въ теченіе своей долгой жизни А. А. Нартовъ постоянно и дѣлательно занимался литературой, писалъ стихи и посвящалъ себя переводамъ; многое изъ нихъ было напечатано, но кое-что осталось въ рукописи¹⁾. Съ 1772 по 1774 годъ А. А. Нартовъ, вмѣстѣ съ княземъ М. М. Щербатовымъ и М. М. Херасковымъ, состоялъ членомъ учрежденныхъ по волѣ императрицы Екатерины II комитетовъ «для составленія медаллической со временъ государя императора Петра Великаго исторіи», сочинилъ проекты историческихъ медалей и составлялъ объясненія къ нимъ¹⁾. Для

¹⁾ Биографическія и библиографическія свѣдѣнія объ А. А. Нартовѣ собраны М. Н. Долгиковымъ въ «Русской Старинѣ» 1873 г., т. VIII, стр. 581—584; см. кроме того записки А. Т. Болотова и С. А. Порошина, «Матеріалы для исторіи русской литературы», изданные П. А. Ефремовымъ, и «Драматическій Словарь» 1787 года.

²⁾ См. статью А. И. Артемьева о медальныхъ комитетахъ при императрицѣ Екатерианѣ II въ «Запискахъ Русскаго Археологическаго Общества», т. III, и того же автора: Описание рукописей, хранящихся въ библиотекѣ Имп.

этой работы А. А. Нартову приходилось изучать исторію Петра Великаго, и весьма естественно, что при недостаткѣ русскихъ сочиненій по этому предмету въ тогдашнее время онъ принужденъ былъ обращаться къ пособіямъ иностраннымъ: такимъ образомъ могъ онъ познакомиться между прочимъ съ сочиненіемъ Мовильона, которое тѣмъ болѣе было интересно для него, что оба изданія этой книги украшены изображеніями медалей, выбитыхъ еще въ царствованіе самого Петра. Къ порѣ тѣхъ же работъ А. А. Нартова относится, вѣроятно, и составленіе «Повѣствованій», труда, въ числѣ матеріаловъ котораго являются, съ одной стороны, печатныя пособія — книги Мовильона, Руссе и только что изданный въ 1770—1772 годахъ «Журналъ» Петра Великаго, а съ другой — рукописныя воспоминанія о славномъ государѣ, оставленные его любимымъ токаремъ. Выше мы видѣли, какіе литературные приемы употреблялъ составитель «Повѣствованій» при пользованіи печатными источниками: между прочимъ онъ исправлялъ слогъ «Журнала» Петра Великаго; безъ сомнѣнія, также поступалъ онъ и при обработкѣ записокъ токаря Нартова. Итакъ, въ томъ памятникѣ, который дошелъ до насъ и здѣсь издается, нельзя видѣть подлинника этихъ записокъ; но не подлежитъ сомнѣнію, что этотъ подлинникъ легъ въ основу многихъ и притомъ любопытнѣйшихъ статей въ издаваемыхъ «Повѣствованіяхъ». Возможно и то, что этотъ подлинникъ былъ дѣйствительно оконченъ Нартовымъ старшимъ въ 1727 году, какъ утверждаетъ предисловіе; но позднѣйшій составитель «Повѣствованій» — Нартовъ младшій — погрѣшилъ предъ истиной, выдавъ свои «Повѣствованія» исключительно за сочиненіе своего отца. Замѣтимъ еще, что, обрабатывая отцовскія записки, А. А. Нартовъ не ограничился, по видимому, передѣлкой одного изъ слоговъ, но коснулся отчасти ихъ содержанія: только такимъ образомъ можно объяснить себѣ тѣ неточности въ свѣ-

Казанскаго университета, стр. 77 и слѣд. Въ той же библиотекѣ находятся и нѣкоторые (не изданные переводы А. А. Нартова.

дѣній о токарѣ Нартовѣ, которыя поражаютъ въ разсказахъ 64-мъ и 113-мъ и въ предисловіи; но проявленное здѣсь составителемъ желаніе возвысить значеніе своего отца при царѣ встрѣтило себя разоблаченіе въ архивныхъ документахъ за подписью самого токарнаго мастера.

Послѣ всего сказаннаго очевидно, что на «Повѣствованіи» нельзя смотрѣть какъ на историческій памятникъ, принадлежащій непосредственно Петровскому времени: это — произведение болѣе позднее, и притомъ сложнаго состава, въ которомъ нужно отдѣлять нѣсколько литературныхъ наслоеній въ зависимости отъ его различныхъ источниковъ. Нѣкоторыя части «Повѣствованій» не имѣютъ никакого историческаго значенія, будучи повтореніемъ чужихъ печатныхъ извѣстій; другія, воспроизводящія преданія о Петрѣ, приравниваются къ позднѣйшимъ анекдотическимъ сборникамъ, и только за тѣми статьями нашего памятника должна быть признана несомнѣнная цѣнность, въ которыхъ мы слышимъ голосъ очевидца, къ сожалѣнію, звучащій не всегда съ желаемою отчетливостью.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Челобитная А. К. Нартова императору Петру I, 1723 года ¹⁾.

Всеправительствѣйшій, державнѣйшій императоръ и самодержецъ всероссийскій Петръ Великій, отецъ отечества, государь всемогущѣйшій! Вашему императорскому величеству работаю я, низчайшій рабъ, съ прошлаго 17[0]9-го года въ Москвѣ, на Сухаревой башнѣ; послѣ умершаго такарнаго мастера Епана Бѣтера отдаю мнѣ было подѣ охраненіе такарнаго вашего величества и обрѣтаюсь додвѣсь при всякой такарной работѣ; а въ 712-мъ году являю я въ Санктпетербургъ въ такарню вашего величества и обрѣтаюсь додвѣсь при всякой такарной работѣ; а въ 716-мъ ²⁾ году посланъ я былъ, низчайшій, по вашему императорскому величеству указу во окрестные государства для такарныхъ

¹⁾ Государственный архивъ, кабинетскія дѣла, отдѣленіе II, книга 65, л. 160, 161. Копія сообщена академикомъ А. Ф. Вычковаичъ.

²⁾ Такъ въ подлинникѣ, но это показаніе ошибочно: послышка Нартова за границу состоялась въ іюлѣ 1718 года.

машинъ и прочія къ тому принадлежащихъ дѣлъ, и привезены оныя дѣла въ Санктпетербургъ, а вашего императорскаго величества жалованія определено мнѣ только по триста рублей на годъ противъ корабельныхъ подмастерьевъ; а явилъ я, низчайшій, отправление дѣла послѣ такарнаго мастера Юрья Курвосова, а жалованія ему давалось въ годъ по четиристѣ по пятидесяти рублей, такожь ему была явля и съ напутками толькое же явлено, итого въ годъ давалъ сотъ рублей; а въ явилъшеся 1723-мъ году марта 5-го дня по явленному вашему императорскому величеству указу жалованію послѣ умершаго мастера Сингера дѣла оно вѣдать и отправлять мнѣ, низчайшему, а вашего императорскаго величества жалованія получалъ оны Сингеръ въ годъ по тысячѣ рублей, а кормовыхъ денегъ по мѣсяцъ по сор[ок]у по четыре рублю; да мнѣ же приказано, чтобъ адѣлать машину, что свинецъ тжмутъ, а оныя выше-сказанные дѣла ходяща отправлять съ великимъ прилежаніемъ и со усердіемъ безъ замедленія; и вышеписаннымъ жалованіемъ доводилось мнѣ ни по которой мѣрѣ не возможно, понеже я, низчайшій, мнѣ себя помалую пужу, что пишу живу въ чужей квартирѣ, а за квартиру по кабинету вашего императорскаго величества денегъ не выдаютъ другой годъ; такожде въ оному двору къ строенію и на прочіе домашнія нужды занималъ денегъ и мнѣ по себѣ долгу съ оному рублемъ, а заплата мнѣ оного долгу мнѣ не платятъ, понеже оны должники хотятъ меня заарестовать. Всемилостивѣйшій государь, прошу вашего императорскаго величества да повелитъ державство ваше мнѣ низчайшему учинить вашего императорскаго величества жалованія противъ машиннаго мастера Апполина Мелерова, понеже оны получаетъ вашего императорскаго величества жалованія въ годъ по штисотъ рублей; такожь и вышеозначенные должные заемные деньги должниковъ мнѣ и за квартиру, въ которой я пишу живу, дабы понеже было заплатить по кабинету вашего императорскаго величества. Вашего императорскаго величества низчайшій рабъ, межаппи такарныхъ и рѣзныхъ дѣлъ мастеръ Андрей Нартовъ, марта въ день 1723 году. Челобитную писалъ по прошенію оного мастера Андрея Нартова главный артиллерійской канцеляріи копѣецъ Федоръ Искитановъ. Андрей Нартовъ.

II.

Допомненіе А. К. Нартова въ Канцелярію Академіи Наукъ, 1754 года ¹⁾.

Въ канцелярію академіи наукъ допмненіе.

Въ присланномъ ко мнѣ сего 1754-го года февраля 29 дня указѣ, по которому, въ силѣ явленнаго Ея Императорскаго Величества указа, велѣно подать мнѣ въ реченную канцелярію академіи наукъ, къ сочиненію генеральной вѣдомости о службѣ моей къ подачѣ въ герольд-май-

¹⁾ Архивъ академической канцеляріи, кн. 2332, л. 22—24. На верху документа пометка: «Подано марта 5 дня 1754 года».

стерскую кантору и всѣхъ обрѣтающихся при дѣлахъ Ея Императорскаго Величества гражданскихъ чинахъ, состоящихъ въ генералитетскихъ, штабъ- и оберъ-офицерскихъ чинахъ и рангахъ по иманно, со опредѣленнымъ жалованьемъ, и по казнымъ указамъ, и въ которыхъ дѣлахъ, и сколько кому отъ роду гнѣть, и у кого сколько имѣть быть мужеска полу дѣтей, и въ каковы гнѣть, и гдѣ на смотрѣхъ явлены и имѣть въ службахъ какъ въ учившихъ находятся, и сколько за кѣмъ мужеска полу думъ людей и крестьянъ и въ которыхъ уѣздахъ.

Того ради канцеляріи академіи наукъ при семъ моемъ предписаніи допущеніи во извѣстіе впаисанными пунктами предлагаю.

1.

При благополучномъ царствованіи блаженныя и вѣчно достойныя памяти государя императора Петра Великаго являть я былъ, по именному Его Величества указу, въ 714 году изъ вѣдомства адмиралтейской канцеляріи въ Санктъ-Петербургъ во дворъ Его Величества и опредѣленъ въ лабораторію къ механическому искусству механикомъ, которой чинъ состоитъ въ рангѣ по табели прaporшнчѣмъ, и со опредѣленнымъ жалованьемъ по триста рублей на годъ, и былъ по 718 годъ.

2.

Въ томъ же 718-мъ году посланъ я былъ, по именному жъ блаженныя и вѣчно достойныя памяти государя императора Петра Великаго указу, въ иностранныя европейскія государства и былъ по 720-й годъ, а въ томъ же году возвратись по сему именному указу въ Санктъ-Петербургъ и будучи при дворѣ Его Величества попрежнему при своей механической должности безотлучно, за что соизволилъ усмотрѣть прозорливыми очами блаженныя и вѣчно достойныя памяти государя императора Петра Великаго и указалъ именнымъ своимъ указомъ награждать меня прибавкою жалованья по шестисотъ рублей на годъ.

3.

Въ 726 году, во дни благополучнаго царствованія блаженныя и вѣчно достойныя памяти Ея Императорскаго Величества, государыни императрицы Екатерины Алексѣевны, именнымъ указомъ посланъ былъ я въ Москву съ генераломъ Волковымъ въ монетные дворы для передѣлу монеты двухъ мильоновъ и въ произведенію мною къ напутчему механическому искусству въ дѣйствіе произведены въ монетному дѣлу многа машины.

4.

Въ 729-мъ году, въ царствованіе блаженныя и вѣчно достойныя памяти государя императора Петра Второго, по присланному ко мнѣ изъ государственной военной коллегіи указу, отправленъ былъ по должности моего механическаго искусства на Сестрорѣзские заводы для передѣлу въ монету двадцати тысячей пудовъ красной мѣди.

5.

А въ 733 году, при жизни блаженныя и вѣчно достойныя памяти государыни императрицы Анны Иоанновны, именнымъ указомъ за подписаніемъ собственныя руки, пожалованъ я изъ механиковъ ассесоромъ и опредѣленъ въ присутствіе на монетные дворы въ Москву, въ учрежденную вторую экспедицію, съ прежнимъ моимъ окладомъ по шестисотъ рублей на годъ, и сверхъ означенной должности имѣть быть мнѣ при дѣлѣ большого Успенскаго колокола.

6.

Въ 735-мъ году, по изволенію указу блаженныя и вѣчно достойныя памяти государыни императрицы Анны Иоанновны, вѣдѣ токярныя курносныя машины со инструментами отъ двора кѣ величества подѣ охраненіе въ вѣдомство академіи наукъ съ находившимися при томъ учениками и мастеровыми людьми; потоку и я кѣ Москвѣ являть съ монетныхъ дворовъ изъ второй экспедиціи, по именному жъ указу, въ томъ же 735-мъ году и опредѣленъ по должности моего искусства въ лабораторію къ механическимъ токарнымъ машинамъ и инструментамъ, при томъ и давалъ мнѣ подѣ команду находившіеся тогда ученики и мастеровые люди, и былъ при академіи наукъ съ окладомъ моимъ при учрежденной экспедиціи ассесоромъ и жалованья получалъ изъ положенной академической суммы по шестисотъ рублей на годъ и бралъ по 746 годъ.

7.

Въ 746-мъ году, въ изобрѣтеніи мною касающійся до артиллерійскаго военного снаряда разныхъ навешнѣлъ, чего въ Россіи еще не было, изъ приращенія Ея Императорскаго Величества интересу, за что и пожалованъ я, именнымъ Ея Императорскаго Величества за подписаніемъ собственныя руки указомъ, коллежскимъ совѣтникомъ съ прибавкою годового денежнаго жалованья по тысячѣ по двѣсти рублей на годъ, получая изъ штатскаго канцеляріи, и по мнѣ и при положенныхъ на мнѣ, въ силу именного Ея Императорскаго Величества указу, трудахъ съ неуспѣхъ моимъ раченіемъ и по присланной моей должности нахожусь всегда безотлучно при академіи наукъ, при главной артиллеріи и фортификаціи, при адмиралтейской канцеляріи и въ прочихъ по посланнымъ указомъ мѣстахъ, что по искусству моему касаться можетъ, исправляю и по мнѣ.

8.

Въ 747-мъ году, по указу правительствующаго сената, будучи я при присутствіи господъ сенаторовъ, при его превосходительствѣ, генералѣ и кавалерѣ Александрѣ Борисовичѣ Бутурлинѣ и при его вѣдѣлствѣ, тайномъ совѣтникѣ и кавалерѣ князѣ Иванѣ Васильевичѣ Одуевскіи и при прочихъ членахъ и мастерахъ, при Кривштанскомъ каналѣ у раз-

смотрѣнія лѣсовъ и камней, и между ними усмотрѣно мною: въ пусканію въ большой каналъ воды надлежитъ къ сѣвернымъ воротамъ сдѣлать латники и подплатники по учиненнымъ отъ меня прожектиямъ, и были представлены къ лучшему разсмотрѣнію въ правительствующій сенатъ, который разсмотрѣвъ, повелѣно было, по присланному ко мнѣ изъ правительствующаго сената указу, велѣно гдѣ надлежитъ, въ присмотрѣніи моихъ и по показаннымъ отъ меня моделямъ, дѣлать, которыя и сдѣлали и утверждены были къ тѣмъ сѣвернымъ воротамъ.

9.

А отъ роду я, Андрей Костентиновъ сынъ Нартова, имѣю себя шестидесять первой годъ. И дѣлаю у себя имѣю двухъ сыновъ, а именно: Стефанъ Андрѣевъ сынъ Нартовъ, въ службѣ Ея Императорскаго Величества въ артиллерійскомъ корпусѣ при осадной ротѣ подпоручикомъ, а отъ роду ему тридесатой годъ; Андрей Андрѣевъ сынъ Нартовъ въ подполковникъ корпусѣ въ студентскомъ классѣ, а на смотрѣ былъ въ правительствующемъ сенатѣ; отъ роду ему седьмой на десять годъ.

10.

Сверхъ вышеописаннаго имѣю у себя крестьянъ, козловъ и лошадей имѣю по писанному Ея Императорскаго Величества за подписаніемъ собственными руки указу въ 746-мъ году въ вѣчное владѣніе изъ Новгородскихъ уѣздъ, въ разныхъ мѣстностяхъ, въ усадьбахъ Крючкова сто пятьдесятъ три души, а людей имѣю при себѣ набравшихъ изъ вышеописаннаго числа крестьянъ изъ водужнаго оклада одиннадцать человекъ, за которыхъ по тамошней переписи, и въ числѣ душъ крестьянъ подужнаго оклада за нихъ платится.

Андрей Нартовъ.

Марта 5 дня
1754 году.

—оф—

ДОСТОПАМЯТНЫЯ ПОВѢСТВОВАНІЯ И РѢЧИ ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

Я собиралъ повѣствованія о Петрѣ Великомъ и рѣчи сего [славнаго] монарха, слыша оныя либо устно отъ самого государя, или отъ достовѣрныхъ особъ, въ то время жившихъ; и находясь при его императорскомъ величествѣ болѣе двадцати лѣтъ и нося милость его, бывающаго я самовидцемъ упражненій и бесѣдъ его; слѣдовательно, о вѣроятіи сихъ сказаній никто да не усумнится.

Андрей Нартовъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ, Петра Великаго механикъ и токарнаго искусства учитель, Императорской Академіи Наукъ и канцеляріи главной артиллеріи и артиллерійскихъ чашъ.

Писано мною сіе по кончинѣ его величества и кончено въ 1727 году.

1.

Первое путешествіе государя Петра Перваго въ чужія государства.

Слышалъ ли кто, или читалъ ли кто въ какихъ-либо преданіяхъ, чтобъ какой самодержецъ при вступленіи своемъ на престолъ, оставя корону, скипетръ и поруча правленіе царства ближнимъ вельможамъ, предпринималъ отдаленное странствованіе по чужимъ государствамъ единственно только ради того, чтобъ просвѣтитъ, во первыхъ, себя науками и художествами, имѣть свиданіе самолично съ прочими государями, устно съ ними о взаимныхъ пользахъ говорить, утвердить дружбу и согласіе, познать правительства ихъ, обозрѣть города, жилища, извѣдать

положеніе мѣстъ в климатѣ, примѣчать нравы, обычаи и жизнь европейскихъ народовъ, полезное отъ сего перенять, потомъ подобное водворять въ отечество свое, преобразовать подданныхъ и содѣлать себя достойнымъ владѣтелемъ пространной монархіи? Примеръ неслыханный, но въ Россіи самымъ дѣломъ исполненный!

Усердіе о благѣ и чрезвычайная любовь къ отечеству воспламенили въ великой душѣ двадцатипятилѣтняго царя Петра Алексѣевича такое похвальное желаніе. Сего ради, учредя онъ великое посольство къ европейскимъ державамъ и сокрывъ величество сана своего, дабы его не признали, помѣстилъ себя при томъ частною особою въ лицѣ простаго дворянина и въ путь при послѣхъ Лефорть, Головинъ и Возницынъ 1697 года марта 9-го днѣ изъ Москвы отправился. Путешествіе онаго было чрезъ Лифляндію и городъ Ригу, чрезъ курляндскую Митаву, оттуда въ прусскую столицу Кенягсбергъ, гдѣ курфюрстъ Фридерикъ III, потомъ король Пруссій, оказалъ отличныя посольству почести, и государь съ курфюрстомъ возстановилъ искреннюю пріязнь; тутъ же, во первыхъ, его величество дѣлалъ потребныя примѣчанія къ наставленію своему, ходилъ смотрѣть видѣнія достойное, посѣщалъ ремесленниковъ, осматривалъ работу и рукодѣліе ихъ, познакомился въ университетѣ съ учеными людьми, требовалъ мнѣнія ихъ о заведеніи наукъ въ Россіи, и потомъ съ удовольствіемъ отправился въ посольствѣ чрезъ Бранденбургскія и Люнебургскія области и чрезъ Вестфалію къ Амстердаму. Но, приближаясь къ голландскимъ границамъ, оставилъ онъ посольство свое и самъ поѣхалъ впередъ въ Амстердамъ, который желалъ съ нетерпѣливостію видѣть. Прибылъ онъ туда за пятнадцать дней прежде посольства, имѣя съ собою нѣсколько молодыхъ дворянъ, въ числѣ коихъ находился царевичъ Сибирскій да Меншиковъ, гдѣ осмотрѣвъ артіи заслуживающее, удалился немедленно въ Сардамъ въ нанятый судѣ, которымъ въ одеждѣ матросской управлялъ самъ, и, приставъ къ берегу, выскочилъ первый на землю, чтобы веревкою привязать свое судно, дабы

тѣмъ менѣе могли его узнать. Съ бывшими при немъ вошелъ онъ въ первый вольный домъ; а какъ сіи одѣты были по русски, то скоро вольный домъ наполнился любопытствующими зрителями. Его величество, убѣгая толпы народной, пошелъ въ особую комнату, приказавъ переводчику между черни провѣдать, что про него говорятъ. Сказано ему было, что вѣдаютъ уже о томъ, что Россійскій государь находится въ снѣгѣ великаго посольства; а онъ, имѣя отъ государя повелѣніе, увѣрилъ при семъ народъ, что онъ не въ числѣ томъ, а особо посланные сюда учиться корабельному строенію. На другой день его величество нарядился съ бывшими при немъ такъ, какъ одѣваются ватерлантскіе жители, въ короткой бострокъ краснаго боя и широкіе брюки (штаны) бѣлаго холста; а какъ онъ прежде путешествія своего довольно уже голландскій языкъ разумѣлъ, то сіе и помогло ему удовлетворять любопытство свое въ тѣхъ вещахъ, о которыхъ онъ спрашивалъ или которыя видѣть и знать желалъ. Здѣсь обучался онъ корабельному строенію, здѣсь работалъ, яко простой плотникъ, и съ товарищами пилъ и дѣлъ вмѣстѣ; здѣсь имѣлъ знакомство съ лучшими рукодѣльщиками и въ часы отдохновенія учился токарному искусству, а въ Амстердамѣ, съ лучшими художниками, съ мореходцами и съ знатными купцами обходился, получалъ отъ нихъ разныя свѣдѣнія. Получа онъ въ знаніи корабельнаго строенія изрядные успѣхи и купилъ себѣ одно судно, называемое буеръ, сдѣлалъ самъ-складную мачту, на двѣ части разбирающуюся, каковой до сего не бывало и никто оныя не выдумывалъ. Сія повозобрутенная мачта почтена была такимъ искусствомъ въ мастерствѣ, которое обрѣло ему право принятымъ быть въ обществѣ корабельныхъ строителей, въ которомъ записанъ былъ подъ именемъ Петра Михайлова; но ему гораздо пріятнѣе было, когда друзья его называли сардамскимъ корабельщикомъ или мастеромъ Питеромъ. На семъ-то буерѣ развѣждалъ онъ въ Амстердамъ и по другимъ мѣстамъ, права онымъ самъ, и молодые дворяне его по неволѣ принуждены были иногда претерпѣвать страхъ, ибо отважный и необязливый государь въ

самый сильный штурмъ гладнокровно по водѣ странствовалъ. Между прочими особливаго благополучія въ знакомствѣ удостоены были бургомистръ Витсенъ и мореплаватель Мусъ.

Сколько его величество ни скрывалъ о себѣ въ Сардамѣ, однако тайность сія открылась чрезъ одного голландца, получившаго письма изъ Россіи. Монархъ тотчасъ примѣтилъ по принужденному обхожденію товарищей своихъ и по ихъ почтению, чего нѣсколько мѣсяцовъ не было, и которое ему оказывать начали, что особа его была уже имъ извѣстна; досадовалъ онъ на сіе несказанно, видя, что они съ тѣхъ поръ обращались съ нимъ не столь уже откровенно; сего ради просилъ ихъ, чтобы они на царское достоинство его не смотрѣли и почитали бы его такъ, какъ прежде, говоря имъ прямо по голландски сіе: «Если хотите быть моими друзьями, такъ обходитесь со мною не какъ съ царемъ, а какъ съ своимъ товарищемъ, — внако лишите меня удовольствія быть вашимъ ученикомъ, ради чего я нарочно сюда пріѣхалъ. Я ищу не почестей, но полезныхъ знаній. Оставьте всѣ церемоніи; мнѣ свобода тысячу разъ мнѣе, нежели несносное принужденіе, которое Сардамцамъ не сродно». Такимъ-то образомъ царь Петръ Алексѣевичъ продолжалъ послѣ свободные труды свои и въ Голландіи получалъ знанія во многихъ наукахъ, а особливо въ математикѣ, архитектурѣ и инженерствѣ, посели о себѣ удивленіе во всемъ свѣтѣ.

2.

Царь Петръ Алексѣевичъ по пріѣздѣ своемъ съ посольствомъ въ городъ Ригу, желая видѣть городскія зданія и крѣпость, яко первые предметы чужестранныя, любопытства достойныя, ходилъ съ Меншиковымъ и съ прочими молодыми дворянами кругомъ по валу и осматривалъ мѣстоположеніе и укрѣпленія оной. Губернаторъ графъ Далбергъ, который отъ подчиненныхъ Шведовъ былъ о семъ увѣдомленъ, тотчасъ возымѣлъ подозрѣніе, приносилъ Лефорту, первому Россійскаго двора послу, за сіе

жалобу, яко бы они крѣпостныя строенія карандашомъ срисовали, требуя отъ него съ угрозами, чтобы онъ Россійскимъ путешественникамъ сіе дѣлать запретилъ; самъ же онъ приказалъ шведскимъ офицерамъ и стражамъ за ними строго присматривать и близъ городского вала не пускать. Лефортъ, учтивымъ образомъ извиняясь предъ нимъ, что посольство о семъ ничего не вѣдаетъ, велѣлъ градоначальнику сказать: буде въ свѣтъ посольства находящіеся знатные дворяне кругомъ вала ходили, то происходило оное не съ умысла ухищреннаго, а ради одной прогулки и позволительнаго, какъ кажется, любопытства путешествующимъ въ чужіе края видѣть славную крѣпость, которой Россіяне никогда не видывали, и если, какъ примѣчаетъ посолъ теперь, сіе не угодно господину губернатору, то увѣряетъ, что сего впредь не воспослѣдуетъ. Лефортъ не преминулъ того же вечера довести о томъ неосновательномъ неудовольствіи его величеству. Государь, услышавъ такое странное требованіе, весьма дивился неучтивому поступку Далберга, почелъ явнымъ себѣ притѣсненіемъ и обидою и съ досадою Лефорту отвѣчалъ: «Такъ мнѣ теперь запрещаютъ смотрѣть Рижскую крѣпость? Хорошо! Пойдемъ же отсюда скорѣе вонъ; видно, Шведъ насъ не любитъ, но я со временемъ увижу ее ближе и, можетъ быть, откажу въ томъ королю Шведскому, въ чемъ нынѣ отказываетъ дерзновенно мнѣ Далбергъ».

Такой суровый поступокъ губернатора Далберга, чиненныя Россіянамъ угрозы и разнаго рода притѣсненія и, наконецъ, воспащеніе свободнаго имъ входа въ городъ были явнымъ оскорбленіемъ не только посольства, но и лица царскаго, отъ чего послѣ воспослѣдовалъ разрывъ сосѣдственныя дружбы и возсталъ ужасная война между обоимъ государствамъ, которая кончилась къ великому вреду Швеціи и къ безсмертной славѣ Россіи.

3.

Его величество хаживалъ въ Сардамѣ послѣ работы съ товарищами въ одинъ винный погребъ заправлять сельди, сыръ, масло, пить виноградное вино и пиво, гдѣ у хозяина находилась

въ прислугахъ одна молодая, рослая и пригожая дѣвка. А какъ государь былъ охотникъ до женщинъ, то и была она предметомъ его забавы. Чрезъ частое свиданіе познакомилась она съ нимъ, и когда государь тамъ ни бывалъ, встрѣчала и провожала его пріятно. Въ воскресный день по утру случилось ему зайти туда одному; хозяйнѣ и прочіе были тогда въ церкви; онъ не хотѣлъ пропустить удобнаго времени, котораго было довольно, для того что предвѣки и служба продолжалась часа три; сѣлъ, завелъ съ нею полюбобной разговоръ, приказалъ налить себѣ покаяль вина, который принимая одною рукою, в другую обнявъ ее, говорилъ: «Здравствуй, красавица, я тебя люблю!» Выпивъ, поцѣловалъ ее, потомъ поподчивалъ тѣмъ же виномъ ее, вынулъ изъ кармана кошелекъ, полный червонцовъ, отсчиталъ десять червонцовъ и подарилъ дѣвкѣ на ленты. Дѣвка, принявъ подарокъ, смотрѣла на него пристально и продолжала къ нему рѣчь свою такъ: «Я вижу, ты, Питеръ, богатъ, а не простой человѣкъ!» «Я прислалъ сюда отъ Московскаго царя учиться корабельному мастерству», отвѣчалъ онъ. «Неправда! Я слышала, здѣсь говорить, что ты царь». «Нѣтъ, милая дѣвушка, цари не платячаютъ и такъ не работаютъ, какъ я; я отъ утра до вечера все на работѣ». «Это не мѣшаетъ; сказываютъ, что ты учишься для того, чтобъ послѣ учить свой народъ». «Ложь, душа, не вѣрь!» Между тѣмъ прижималъ онъ ее къ себѣ крѣпче, а она продолжала любопытствовать и убѣждала, чтобъ онъ сказалъ ей истину. Государь, желая скорѣе бесѣду кончить, говорилъ: «Любовь не разбираетъ чиновъ, такъ вѣдай, я—московскій дворянинъ». «Тѣмъ хуже и неприличнѣе для меня», отвѣчала она;—«вольнаго народа свободная дѣвка не можетъ любить дворянина; я сердца своего ему не отдамъ». При семъ словѣ хотѣлъ было онъ ее поцѣловать, но она, не допустивъ, пошла отъ него прочь. Государь, видя, что иначе раздѣлаться съ нею не можно, какъ сказать яснѣе, удержалъ и спросилъ ее: «А сардамскаго корабельщика и Русскаго царя полюбила ли бы ты?» На сіе улыбувшись, весело вдругъ сказала: «Это, Питеръ, дѣло другое. Ему сердца не откажу и любить буду».

«Такъ люби же во мнѣ и того, и другого, только не сказывай никому, буде впредъ видѣться со мною хочешь» — что она ему и обѣщала. Потомъ онъ далъ ей пятьдесятъ червонцовъ и пошелъ съ удовольствіемъ домой. Послѣ сего, во все пребываніе свое въ Сардамѣ, когда надобно было, имѣлъ ее въ своей квартирѣ и при отъѣздѣ на приданое пожаловалъ ей треста талеровъ. Картина сего любовнаго приключенія нарисована была масляными красками въ Голландіи, на которой представленъ его величество съ тою дѣвкою весьма похожимъ. Сію картину привезъ государь съ собою и въ память поставилъ оную въ Петергофскомъ дворцѣ, которую и понынѣ тамъ видѣть можно.

4.

Царь Петръ Алексѣевичъ, во полученіи довольнонаго практическаго знанія въ Голландіи морскихъ производствъ, въ началѣ 1698 года воспріять намѣреніе отправиться въ Англію, дабы корабельному строенію и флотскимъ обращеніямъ обучиться тамъ основательнѣе. Король Англійскій Вильгельмъ III прислалъ адмирала Митшеля съ эскадрою въ Голландію для отвезенія его величества съ посольствомъ въ Лондонъ. Государь прибылъ благополучно въ Гарвичъ, а оттуда въ Лондонъ, гдѣ приготовленъ былъ для него и для посольства его великолѣпный домъ близъ рѣки въ Эркъ-Билдингѣ, который онъ оставилъ посольству, а самъ, съ малымъ числомъ любимыхъ людей, перѣхалъ жить въ Депфордъ, въ квартиру Эвелина, по близости корабельной верфи, для того, чтобы удобнѣе видѣть ему строеніе кораблей, имѣть обхожденіе съ мастерами и научиться у нихъ конструкціи военныхъ и купеческихъ судовъ, при чемъ часто самъ монархъ руками своими трудился. Маркизъ Кармартенъ и Деанъ, первый—командующій на морѣ, а другой—искусный корабельный мастеръ, были тѣ особы, съ которыми молодой государь имѣлъ всегдашнее обхожденіе, и отъ которыхъ онъ получалъ удовлетворительныя къ знанію свѣдѣнія. Между тѣмъ монархъ часто видался и гова-

риваль дружески съ королемъ, осматривалъ въ Лондонѣ зрѣніи достойное, примѣчалъ нравы жителей, правленіе, бесѣдовалъ съ художниками и учеными людьми; въ корабельщицкомъ платьѣ заходилъ въ кофейные дома и къ ремесленникамъ, а чтобъ не признавали его, напивалъ шляпу распушенную и низко на брови сдвинутую. Но ничто не произвело въ немъ толкаго утѣшенія и удовольствія, какъ то, что король приказалъ адмиралу Митшелю ѣхать съ паремъ въ Портсмутъ и, въ присутствіи его величества, находившійся флотъ въ Спитхедѣ показать на морѣ и учинить примѣрное корабельному сраженію и прочія эволюціи. Возвратясь изъ Портсмута, ѣздилъ въ Оксфордскій университетъ, собиралъ модели для отечества своего, бывалъ въ церквахъ во время службы и церемоніальныхъ обрядовъ и послѣ посѣщалъ архіепископа Кантербургскаго. Король подарилъ Петру Алексѣевичу прекрасную яхту новую, о двадцати-четырехъ пушкахъ вооруженную, на которой государь отправилъ въ городъ Архангельской принятыхъ въ службу свою морскихъ англійскихъ офицеровъ, художниковъ, мастеровыхъ и корабельщиковъ, между коими находился и славный математикъ господинъ Фергусонъ, котораго у насъ въ Россіи неправильно называли Фрагурсономъ, и который первый учредилъ математическую, навигаціонную и астрономическую школу. Наконецъ, царь Петръ простясь съ королемъ, великолѣпно съ посольствомъ угощенъ былъ у герцога Ледса¹⁾ въ домѣ его въ Вимблтонѣ на Темзѣ и послѣ на трехъ яхтахъ, присланныхъ отъ короля, подъ прикрытіемъ нѣсколькихъ военныхъ кораблей, адмираломъ Митшелемъ пали въ Голландію съ принадлежащими почестями прпровожденъ. Прощаясь съ симъ адмираломъ, подарилъ его величество ему портретъ свой, богато алмазами украшенный, сказавъ: «Я вручаю вамъ, господинъ адмиралъ, свой портретъ съ тѣмъ, чтобы вы, помня меня, яко друга, оный носили; а вашъ портретъ повезу я теперь съ

¹⁾ Герцогъ Ледсѣ — одинъ изъ тѣхъ, съ которыми царь Петръ имѣлъ обхождение.

собою въ Россію въ благодарномъ моемъ сердцѣ; я прошу васъ, господинъ адмиралъ, прелать нарисованный портретъ вашъ, который вы мнѣ обѣщали, въ Москву, съ тѣмъ при томъ изображеніемъ, какъ вы флотомъ, показывая его мнѣ, командовали». Потомъ, прижавъ рукою адмирала къ груди своей, поцѣловалъ его въ лобъ и, имѣя на глазахъ слезы, съ сожалѣніемъ отъ себя отпустилъ.

Сіе происшествіе и прочія слышалъ я отъ графа Матвѣева, который въ Лондонѣ посломъ находился, то-есть, то, что только съ государемъ случилось въ Англіи.

5.

Царь Петръ Алексѣевичъ во молодыхъ лѣтахъ, въ 1698 году, будучи въ Лондонѣ, познакомился чрезъ Меншикова, который неотлучно при немъ въ путешествіи находился и въ роскоши и сладострастіи утопалъ, съ одною комедіанткою, по прозванію Крессъ, которую во время пребыванія своего въ Англіи иногда для любовныхъ забавъ имѣлъ, но никогда однакожъ сердца своего никакой женщиной въ оковы не предавалъ, для того чтобъ чрезъ то не повредить усилѣхмъ, которыхъ монархи ожидали отъ упражненій, въ пользу отечества своего воспріятыхъ. Любовь его не была нѣжная и сильная страсть, но единственное только побужденіе натуры. А какъ при отъѣздѣ своемъ съ Меншиковымъ послалъ къ сей комедіанткѣ пятьсотъ гиней, то Крессъ, будучи симъ подаркомъ недовольна, на скупость Россійскаго царя жаловалась и просила его, чтобъ онъ государю о семъ пересказалъ. Меншиковъ просьбу ея исполнялъ, донесъ его величеству, но въ отвѣтъ получилъ слѣдующую резолюцію: «Ты, Меншиковъ, думаешь, что и я такой же мотъ, какъ ты! За пятьсотъ гиней у меня служатъ старики съ усердіемъ и умомъ, а эта худо служила своимъ передомъ. На сіе Меншиковъ отвѣчалъ: «Какова работа, такова и плата».

6.

Апрѣля 12-го скрытно былъ государь въ парламентѣ; тамъ видѣлъ онъ короля на тронѣ и всѣхъ вельможъ королевства, сидѣвшихъ купно на скамьяхъ. Прослушавъ нѣкоторыхъ судей произносимыя рѣчи, которыхъ содержаніе государю переводили, его величество къ бывшимъ съ нимъ Россіянамъ сказалъ: «Весело слышать то, когда сыны отечества королю говорятъ явно правду, сему-то у Англичанъ учиться должно».

7.

Король Англіійскій Вильгельмъ, примѣтя безпримѣрную охоту царя Петра Алексѣевича къ морскимъ подвигамъ, приказалъ въ удовольствіе его представить флоту примѣрную морскую баталію. Изъ многочисленныхъ кораблей составленный флотъ въ присутствіи его чинилъ разныя эволюціи и довелъ снѣ государя до такого восхищенія, что будто бы снѣ отъ радости, не постыдись, послѣ сего командовавшему адмиралу при прочихъ флотскихъ офицерахъ сказалъ, что онъ на сей случай званіе англійскаго адмирала предпочитаетъ званію царя Россійскаго. Только влюбленъ былъ царь Петръ въ морскую службу!

Но я знаю достоверное, понеже я слышалъ изъ устъ монаршихъ, что онъ сказалъ такъ: «Если бы я не былъ царемъ, то желалъ бы быть адмираломъ великобританскимъ».

8.

Въ 1698 году, въ маѣ мѣсяцѣ, Петръ Первый, прибывъ изъ Англіи пакы въ Голландію, предъ отъѣздомъ своимъ оттуда вздумалъ еще разъ повеселиться на морѣ; сего ради, имѣя при себѣ Меншикова, отправился на суднѣ въ городъ Гардервикъ, лежащій на берегу моря. На возвратномъ пути къ ночи возсталъ такая ужасная буря, что корабельщики потеряли надежду ко спасенію и въ страхѣ ожидали бѣдственнаго поглощенія. Но го-

сударь, мужествомъ огражденный, ободривъ ихъ, показывалъ видъ безстрашія и смѣючись имъ говорилъ: «Слыхали ль вы когда-нибудь, чтобъ какой царь утонулъ въ морѣ? Не бойтесь, кормило въ моей рукѣ». Наконецъ, по претерпѣннѣмъ штурма, благополучно пріѣхалъ въ прежнее пристанище и, возвратясь въ жилище, обнявъ Лефорта, который въ посольствѣ главнымъ находился, съ радостію сказалъ: «Благодарю Бога, что еще вижу тебя, друга моего; Провидѣніе хранитъ меня для отечества вездѣ».

Посольство состояло изъ слѣдующихъ особъ: первый былъ генераль-адмиралъ Лефортъ, второй — бояринъ Федоръ Алексѣевичъ Головинъ, генераль кригсъ-коммиссаръ и намѣстникъ Сибирскій, и третій — Прокофій Богдановичъ Возницынъ, думный дьякъ или статскій секретарь, бывшій прежде во многихъ посольствахъ. Въ свитѣ посольской находился самъ царь Петръ Алексѣевичъ, молодой князь Сибирскій, происходящій отъ древнихъ царей Сибирскихъ, нѣсколько молодыхъ дворянъ, которыхъ его величество съ собою взялъ изъ знатныхъ фамилій яко аманатами вѣрности ихъ отцовъ, да около семидесяти солдатъ гвардіи. Начальникомъ сихъ дворянъ былъ князь Черкасскій, бывшій потомъ канцлеромъ; при чемъ находился и Меншиковъ, котораго государь любилъ отлично. Посольство сіе отправилось изъ Москвы въ 1697 году черезъ Ригу, гдѣ его величество съ Меншиковымъ и съ прочими свиты своей осматривалъ укрѣпленія крѣпости, что подало шведскому губернатору графу Далбергу подозрѣніе, почему и приказано было ихъ туда не пущать; присматривали за ними и дѣлали имъ разныя препятствія и неучтивости, а сіе самое и было послѣ причиною воспослѣдовавшей войны съ Карломъ XII.

9.

Во время пребыванія Петра Великаго въ Лондонѣ случилось ему видѣть на площади Фоксала англійскихъ бойцовъ, сражающихся другъ съ другомъ лбами, изъ которыхъ одинъ побивалъ всѣхъ. Возвратясь къ себѣ въ домъ, рассказывалъ о такомъ сра-

желіи прочимъ Россіянамъ и спрашивалъ: нѣтъ ли охотниковъ изъ гвардейскихъ гренадеровъ, при свитѣ находявшихся, по- биться съ силачемъ лондонскимъ? Вызвался одинъ гренадеръ мочной, плотной, бывалый въ Москвѣ часто на бояхъ кулачныхъ и на себя надѣявшійся; онъ просилъ государя, чтобъ приказано было сперва посмотрѣть ему такой битвы, что было позволено. Гренадеръ, примѣтя всѣ ухватки ихъ, увѣрялъ государя, что онъ перваго и славнаго бойца сразить разомъ такъ, что съ Русскими впрямь биться не пожелаешь. Его величество улыбувшись говорилъ ему: «Полно, такъ ли? Я намѣренъ держать закладъ, не постыди насъ». «Изволь, государь, смѣло держать, надѣйся, я не только этого удалца, да и всѣхъ съ нимъ товарищей вмѣстѣ однимъ кулакомъ размечу; вѣдь я, царь государь, за Сухаревою башнею противъ кулашной стѣны хаживалъ. Я зубы съ челюстями и ребры Англичанину высажу». Спусти нѣсколько дней, его величество, обѣдавъ у герцога Ледеса, завелъ разговоръ о бойцахъ, которыхъ онъ видѣлъ, и сказывалъ ему, что гренадеръ его перваго ихъ витязя побѣдитъ. Прочіе лорды, увѣренные о силѣ и мастерствѣ побѣдителя своего, противъ котораго никто стоять не могъ, осмѣлились предложить: не угодно ли государю подержать закладъ, что Англичанинъ верхъ одержитъ? «А сколько?» спросилъ государь. «Пятьсотъ гиней!» «Пятьсотъ гиней? Добро! Но вѣдайте, господа, что мой боецъ лбомъ не бьется, а кулакомъ обороняется». Къ сраженію назначенъ былъ садъ Кармартена, сына Ледсова. Его величество, бывшіе при немъ Россіяне, Кармартенъ и Деанъ (сей послѣдній былъ искусный корабельный мастеръ, которыхъ обоимъ государь любилъ, и они всегда при немъ находились) и прочіе лорды прибыли туда. Явились два бойца; Англичанинъ богатырскимъ своимъ видомъ, при первомъ на соперника своего взглядѣ, увѣрялъ уже почти каждаго зрителя, что сія есть для него малая жертва. Всѣ думали, что гренадеръ не устоитъ. Тотъ вызывалъ соперника своего, но гренадеръ, поджавъ руки, стоялъ прямо, не спускалъ съ ратоборца глазъ и ожидалъ его къ себѣ. Зрители смотрѣли со вниманіемъ. Англи-

чанинъ, по обыкновенію, нагнувъ шею, устремилъ твердый лобъ свой противъ груди гренадерской, шель его сразить, и лишь только чаяли произведеннаго лбомъ удара, какъ вдругъ увидѣли, что гренадеръ, не допустивъ его до себя, въ мигъ кулакомъ своимъ треснулъ Англичанина по нагбенной шеѣ въ стантовую жилу столь мѣтко и проворно, что шотландскій гигантъ палъ на землю и растянулся. Зрители вскричали: «гусс, гусс!» ударили въ ладоши, поклонились государю и закладъ заплатили. При семъ его величество, оборотясь къ своимъ, весело сказалъ: «Русской кулакъ стоитъ англійскаго лба; я думаю онъ безъ шенъ». Тотчасъ сраженному бойцу пущена была кровь; думали, что онъ умретъ, но онъ очнулся. Побойщикъ тѣмъ кончилось, и слава бойца сего сямъ случаемъ погибла. Его величество весьма старался, чтобъ англійскаго бойца вылѣчили; сего ради, подзываетъ къ себѣ лѣкаря и наказывая о налѣченіи, далъ врачу двадцать гиней; изъ выигрышнаго заклада пожаловалъ побѣдившему гренадеру двадцать гиней, Англичанину бойцу — двадцать гиней, бывшимъ съ нимъ гренадерамъ — тридцать гиней, черня бросилъ пятьдесятъ гиней, а достальныя деньги отослалъ въ инвалидный домъ. Потомъ государь приказалъ тутъ же всѣмъ своимъ гренадерамъ прежде бороться, а послѣ между собою сдѣлать кулашную бой, чтобъ показать лордамъ проворство, силу и ухватки русскихъ богатырей, чему все собраніе весьма удивлялось, ибо всѣ находившіеся при Петрѣ Великомъ въ путешествіи гренадеры выбраны были люди видные, рослые и сильные и прямо похожи были на древнихъ богатырей.

10.

Въ 1698 году, когда царь Петръ Алексѣевичъ находился въ Вѣнѣ у Римскаго цесаря Леопольда и намѣренъ былъ оттуда отѣхать въ Италію, получилъ его величество изъ Москвы съ нарочно присланнымъ гонцомъ отъ правителей вѣдомость о ужасномъ бунтѣ десяти тысячъ послѣднихъ стрѣльцовъ, съ литовскихъ границъ отшедшихъ самовольно, куда они нарочно для

безопасности отъ столицы удалены были подъ видомъ наблюденія польскихъ поступковъ при избраніи новаго короля, которые умыслили, по наущенію царевны Софіи, которая по прежнимъ мятежамъ находилась тогда уже подъ стражею въ Дѣвичьемъ монастырѣ, освободивъ ее, завести ее на царство, а царя Петра Алексѣевича, не допустивъ изъ чужихъ странъ въ отечество, заставши на пути, убить, равнобѣрно предати смерти нѣкоторыхъ бояръ и всѣхъ чужестранцевъ, въ Нѣмецкой слободѣ жившихъ и въ военной службѣ находившихся; сего ради, оставя государь дальнѣйшее странствованіе, ради пользы государства своего воспріятное, спѣшилъ немедленно въ престольной своей градъ, чтобы утушить возгорѣвшій пламень измѣнниковъ, возстановить тишину и оградить все безопасностію. Итакъ, оставя въ Вѣнѣ Прокофья Богдановича. Возницына полномочнымъ, поѣхалъ его величество съ Лесортомъ, Головиннымъ и Меншиковымъ къ Москвѣ и подъ проводеніемъ изъ Польши взятаго отъ короля Августа генерала Карловича въ Преображенское село свое въ тайнѣ благополучно прибылъ. Неожиданное прибытіе царя ободрило вѣрно-подданныхъ и произвело страхъ и ужасъ въ ненавистникахъ особы и царствованія его. Онъ обрѣлъ уже опаснѣйшій бунтъ сей чрезъ военачальника Шеина и генерала Гордона помощію царедворцевъ и солдатъ разрушеннымъ и бунтовщиковъ подъ стражею содержаннымъ. На другой день представлены были ему заговорщики мятежа, отъ которыхъ выслушавъ достовѣрную исповѣдь злаго умысла, предъ всѣми вельможами и при многочисленномъ народѣ, и видя, что прежде, при многократныхъ бунтахъ, стрѣльцамъ оказанныя милосердія и прощенія не помогаютъ, беззаконія же такіа угрожаютъ впредъ вѣщей погубелью, предпріалъ до крайности ожесточенный монархъ, по единогласному вѣрныхъ сыновъ отечества убѣжденію и по суду, искоренить до конца главныхъ злодѣевъ, изверговъ государства, а достальныхъ разослать въ отдаленнѣйшія мѣста Сибири, Астрахани и Азова и ненавистное званіе стрѣльцовъ уничтожить на вѣчныя времена. А какъ такое по закону смертное наказаніе

начальникамъ и прочимъ виновникамъ сего бунта продолжалось нѣсколько дней сряду висѣлищами, усѣченіемъ главъ и колесованіемъ и еще не преставало, то патріархъ задумалъ идти на мѣсто сего страшнаго позорища въ процессіи къ государю, чтобы просить о пощадѣ оставшихся еще стрѣльцовъ, ибо съ три тысячи оныхъ уже казнены были. Въ намѣреніи умиловленія несть его святѣйшество образъ Богоматери, воображалъ, что царь казнь сію оставитъ. Но государь, увидѣвъ его тако изъ себѣ шествующимъ, удивился, во первыхъ воздалъ иконѣ достолюбезное поклоненіе и потомъ патріарху съ гнѣвомъ говорилъ: «Всѣ употребляешь святыню сію; зачѣмъ пришелъ сюда? Возвратись и отнеси образъ святой туда, гдѣ онъ стоялъ. Знай, что я разумѣю страхъ Божій и почитаю Святую Дѣву столько же, какъ и ты. Но вѣдай при томъ и то, что долгу велитъ мнѣ спасать подданныхъ и по правосудію наказывать злодѣевъ. Требуется законъ, требуется и народъ». Такимъ изрѣченіемъ показалъ царь Петръ Алексѣевичъ самодержавную власть правосудія и предѣлъ сана духовнаго, дабы впредъ въ гражданскія и государственныя дѣла его святѣйшество не мѣшался, — не тако, яко бывало сіе при прежнихъ царяхъ, когда патріархи участвовали во всемъ, и безъ совѣта ихъ ничто не исполнялось, подобно Римскимъ папамъ почти, которые императорами и королями нѣкогда повелѣвали. Царь Алексѣй Михайловичъ, мудрый государь и законодатель, первый явилъ примѣръ надъ патріархомъ Никономъ, лишивъ его чина чрезъ вселенскихъ патріарховъ за разныя безпокойствія, которыми чинилъ сей архипастырь сему монарху, а Петръ Великій, прозрѣвъ такожде великія въ томъ санѣ неудобства, послѣ достоянство патріаршеское въ Россіи совѣтъ отставилъ.

11.

Царь Петръ Алексѣевичъ взялъ съ собою въ Архангельскъ принятаго имъ въ службу звающаго сардамскаго мореплавателя, прозваніемъ Муса, гдѣ, построивъ съ нимъ военный корабль по

голландскому образцу, пожаловалъ сего Сардамца капитаномъ корабля, на которомъ его величество воспріялъ желаніе проходить всѣ чины флотскіе отъ нижняго до высшаго. Нѣкогда случившійся государь на семь кораблей спрашивалъ у Муса: съ какого чина начинаютъ служить на кораблѣ; а какъ капитанъ доносилъ: съ матроса, то на сіе ему государь сказалъ: «Хорошо, такъ я послужу теперь у тебя матросомъ». Мусъ, думая, что государь шутитъ, приказалъ ему развязать въ верху веревку мачты, а онъ, кинувшись туда немедленно, исполнялъ должность сію съ такою проворностію, какъ бы дѣлалъ то настоящий и знающій матросъ. Между тѣмъ Мусъ, смотря на государя, отъ ужаса и страха трепеща, кричалъ ему въ верхъ: «Довольно, хорошо, царь Питеръ, полѣзай внизъ!» Ибо тогда былъ сильный вѣтръ, и легко могъ бы онъ оттуда слетѣть. Государь спустился назадъ благополучно и, увидя капитана совсѣмъ въ лицѣ измѣнившимся, спросилъ его: «Чего ты испугался? Не того, чтобъ я погибъ, а того, чтобъ море не проглотило русскаго сокровища! Не бойся, капитанъ: когда бояться звѣря, такъ и въ лѣсъ не ходить». Послѣ сего Мусъ, мало по малу опомнясь, сталъ веселѣе, приказывалъ государю раскурить себѣ трубку табаку, налить пуншу и, словомъ сказать, отправлять и прочія должности простаго корабельщика. Монархъ исполнялъ всѣ его повелѣнія скоростію, подавая ему примѣръ прочимъ находившимся на кораблѣ подчиненнымъ и поданнымъ своимъ, какимъ образомъ надлежитъ повиноваться командиру и отправлять должность.

12.

При отъѣздѣ государевомъ изъ Англіи нѣкоторые лондонскіе купцы приходили къ его величеству съ предложеніемъ, дабы позволено было учредить имъ табашный въ Россіи торгъ, который прежде былъ запрещаемъ, и употребляли оный одни только тамо чужестранцы, обѣщая за такое позволеніе въ казну внести двадцать тысячъ фунтовъ стерлинговъ и, сверхъ того,

платить таможенную по договору пошлину, если бы только патриархъ не учинилъ имъ въ томъ запрещеніемъ своимъ какого подрыва. Его величество, усматривая немалый государству доходъ, согласился на сіе и одному изъ сихъ купцовъ, Гильберту Гаткоту, въ разсужденіи преткновенія такой рѣшительный отвѣтъ сказалъ: «Не опасайтесь; возвратясь въ Москву, дамъ я о семъ узнать и постараюсь, чтобы патриархъ въ табашныя дѣла не мѣшался. Онъ при мнѣ блюститель только вѣры, а не таможенный надзиратель».

Сіе слышалъ я отъ російскаго въ Лондонѣ резидента Веселовскаго.

13.

Его величество, отмѣняя старинные обряды, изъявляющіе униженности человѣчества, въ 1701 году, декабря 30-го дня, запретилъ, чтобъ не писать и не называть уменьшительными именами вмѣсто полнаго имени Дмитрія Митькою или Ивашкою, чтобъ не падать предъ нимъ на колѣни, и чтобъ зимою, когда морозно, не снимать шляпъ и шапокъ съ головы, проходя мимо того дворца, гдѣ обитаетъ государь, говоря о сихъ обычаяхъ такъ великодушно: «Какое различіе между Бога и царя, когда воздавать будутъ равное обоемъ почитеніе? Колѣнопреклонное моленіе принадлежитъ Единому Творцу за тѣ благости, какими Онъ насъ награждаетъ. [Къ чему] унижать званіе, безобразить достоинство человѣческое, а въ жестокіе морозы почестъ дѣлать дому моему бесплодную съ обнаженною главою, вредить здоровью моему, которое милѣе и надобнѣе мнѣ въ каждомъ подданномъ чѣмъ всякихъ бесполезныхъ поклоновъ? Менѣе чуждости, болѣе усердія къ службѣ и вѣрности ко мнѣ и государству — сія-то почестъ свойственна царю».

14.

Его величество, пиршествуя у Лефорта, гдѣ находились всѣ генералы и чужестранные министры, между разговорами о пу-

тешествіи своемъ польскому резиденту говорили, что онъ, про-
бавая чрезъ Польшу, чуть было на пути съ голоду не умеръ, та-
кую-то бѣдность нашелъ онъ тамъ, — на что резидентъ отвѣчалъ:
«Удивляюсь сему, всемплодивѣйшій государь! Я тамъ рожденъ
и воспитанъ, однакожь со всеѣмъ тѣмъ, слава Богу, живъ, здоровъ
и тожстъ». «Хорошо», сказалъ ему государь; — «ты думаешь,
что разжирѣлъ въ Польшѣ; а я думаю такъ въ Москвѣ, пируя
часто съ нашими». Резидентъ позадумался, прочіе смѣялись, а
государь, примѣся, что онъ не веселъ сталъ, съ улыбкою рѣчь
свою къ нему продолжалъ такъ: «Не гнѣвайся, господинъ резид-
ентъ; я — Польшѣ пріятель и шутяль. Знаютъ все, что она
изобильна и богата; только теперь богаче она еще тѣмъ, что
Августъ у васъ король». Потомъ приказалъ поднести ему покая
венгерскаго вина, сказавъ: «Выпьемъ за здравіе Августа; за сей
напитокъ благодаримъ мы вамъ; у насъ въ Москвѣ доморощенной
квасъ, медъ да пиво, а со временемъ изъ Астрахани и съ Дона
имѣть будемъ и вино; тогда господъ министровъ попотчую я сво-
имъ, а не чужимъ».

15.

Нѣкогда у Лефорты на пиру были государь съ генералами и
министрами; а какъ за столомъ довольно пили, и лишь только
было развеселилось, какъ нечаянно зашелъ разговоръ такой, ко-
торый всю забаву обратилъ на печаль и наполнилъ всеѣхъ стра-
хомъ и ужасомъ. Завели рѣчь о войскахъ и военномъ порядкѣ
или дисциплинѣ, — при которой одинъ изъ собесѣдниковъ сказывалъ:
«Чтобъ имѣть исправныхъ и добрыхъ офицеровъ, то на-
добно для того наблюдать службу и старшинство». Вслушавшись
въ сіе, Петръ Великій отвѣчалъ ему: «Ты говоришь правду. Это
есть самое то правило, которое желалъ я установить, и для при-
мѣра быть барабанщикомъ въ ротѣ у Лефорты». Но при семъ,
взглянувъ тотчасъ грознымъ видомъ на генерала Шеина, про-
тивъ него сдѣлашаго, продолжалъ далѣе: «Я знаю; нарушая мои
наказанія и указы, нѣкоторые господа генералы продаютъ ула-

дая мѣста въ своихъ полкахъ и торгуютъ такою драгоценностію,
которую подлежало бы давать за достоинство». Шеинъ спраши-
валъ государя: кто бы такіе были? А сіе самое и воспламенило
вдругъ монарха, съ сердцемъ отвѣчающаго: «Ты первый, ты тотъ
самый!» При чемъ, выхватя изъ ноженъ шпагу, началъ ею ру-
бить по столу такъ, что все присутствующіе гости затрепетали:
«Въ мигъ истреблю тебя и полкъ твой! Я имѣю списокъ проданныхъ
тобою мѣстъ и усмирю сею шпагою плутовство твоё!» При сихъ
словахъ хотѣли было прочіе генералы извинить генерала Шеина,
однако государь, не внимая ничего, кромѣ праведнаго гнѣва, въ
такую пришелъ запальчивость, что началъ махать шпагою на все
стороны безъ разбору. Слегка досталось оному князю Ромодановскому и Зотову, а между тѣмъ добрался онъ до самаго
Шеина, чтобъ его поранить, но любимцемъ своимъ Лефортомъ,
который въ такихъ случаяхъ одинъ имѣлъ смѣлость удерживать
царя, былъ схваченъ. Государь, воспаленный сердцемъ, высту-
пившій изъ самого себя, оттолкнулъ Лефорты и его ранилъ. Ле-
форты, оставя страхъ и вѣдая правъ, сколь молодой монархъ
скороотходчивъ и мягкосердъ, пренебрегъ безъ смятенія нане-
сенный себѣ ударъ, остановилъ его, просилъ, чтобъ онъ пре-
сталъ гнѣваться, вспомнилъ бы, что онъ есть исправитель, и что
великодушіе сопряжено со славою и честію героя и законодателя.
Такимъ образомъ смягчилъ онъ государя такъ, что его вели-
чество, опомнясь, простилъ Шеина, а принятыхъ имъ офицеровъ
уничтожилъ; потомъ, признавшись предъ всеѣми въ слабости
своей, тотчасъ съ раскаяніемъ и сожалѣніемъ, обнявъ Лефорты,
говорилъ: «Прости, любезный другъ, я виноватъ; я исправляю
подданныхъ своихъ и не могу исправить еще самого себя: про-
клятая привычка, несчастное воспитаніе, котораго по сію пору
преодолѣть не могу, хотя всячески стараюсь и помышляю о
томъ!»

Такимъ-то образомъ кончилось страшное сіе происшествіе,
которое послѣ сдѣлало государя воздержнѣе, ибо сею незап-
ностію чуть не лишился было друга своего Лефорты, котораго

рана безъ дальнѣйшихъ слѣдствій, скоро и благополучно исцѣлена была. Многіе обвиняютъ государя посему безмѣрной потостію; но представьте себѣ, какой бы монархъ снесъ такое пренебреженіе, когда, не изирая на все понеченіе и усиленные труды для пользы отечества, вводимый порядокъ расторгаютъ, и вмѣсто блага чинятся злоупотребленія?

16.

По смерти любимца Лесфорта государь учинилъ ему совсѣмъ почестіямъ, достоинству и заслугамъ его принадлежащимъ, славное погребеніе, при которомъ шелъ монархъ за гробомъ до самой реформатской церкви, гдѣ при сказываніи предки пасторомъ Стумфусомъ, когда вычислялъ онъ сего мужа заслуги, оказанныя имъ государю и Россіи, его величество обливался слезами и, по окончаніи оныя, повелѣвъ снять крышку съ гроба, подошелъ къ покойному генералу-адмиралу, обнялъ его и прощался съ нимъ въ послѣдній разъ съ такимъ сокрушеніемъ, что всѣ бывшіе при семъ чужестранные министры съ чрезвычайнымъ удивленіемъ на сіе плачевное зрѣлище смотрѣли. Потомъ провожающія знатныя особы званы были въ домъ покойнаго адмирала, гдѣ приготовленъ былъ, по обычаю тогдашнему, поминочный ужинъ. Между тѣмъ какъ уряжали столъ, и государь тогда на короткое время отлучился, то нѣкоторые бояре потихоньку убрались домой, но его величество по возвращеніи своемъ, встрѣтя ихъ сходящихъ съ крыльца, воротилъ назадъ за собою, вошелъ въ залу и, съ негодоваціемъ смотря на нихъ, говорилъ: «Я вижу, вы спѣшите для того, чтобъ дома веселиться смертію адмирала. Вы боитесь быть при семъ печальномъ пирѣ для того, чтобъ ложно принимаемый видъ печали скоро не исчезъ, и радость ваша предо мною не обнаружилась. Боже мой, какіе ненавистники! Вы торжествуете теперь, какъ будто получили великую побѣду смертію такого мужа, котораго я искренно любилъ, и который служилъ мнѣ столь вѣрно. Я научу васъ почитать достойныхъ людей! Вѣрность

Франца Яковлевича пребудетъ въ сердцѣ моемъ, доколѣ я живъ, и по смерти понесу ее съ собою во гробъ!»

17.

Въ 1703 году, когда Канецкая крѣпость, или Канды, взята была, то получена вѣдомость о приходѣ на заморье шведскихъ кораблей, и что они у устья Невы рѣки сдѣлали въ городъ лозунгъ двумя выстрѣлами изъ пушки. Фельдмаршалъ Шереметевъ приказалъ отвѣчать имъ въ своемъ обозѣ также двумя выстрѣлами, чтобъ тѣмъ скрыть отъ кораблей взятіе сего города и чтобъ ихъ обмануть. По сему лозунгу присланы были на берегъ съ адмиральскаго корабля ботъ для дознаванія российскихъ войскъ; караулъ, скрывшійся въ лѣсу, поймалъ одного изъ шведскихъ матросовъ (прочіе же ушли), отъ котораго свѣдали, что тою эскадрою командуетъ вице-адмиралъ Нумерсъ; потомъ пришли два шведскія военныя судна и стали предъ устьемъ Невы рѣки. Увѣдомленный о семъ, царь Петръ Алексѣевичъ, яко капитанъ бомбардирской роты, и поручикъ Манинковъ, въ тридцати лодкахъ, съ гренадерами и солдатами Преображенскаго и Семеновскаго полка, отправились туда и, въ вечеру прибывъ на устье, скрылся за островомъ противъ деревни Калинкиной къ морю. На разсвѣтѣ государь съ половиною лодокъ поплылъ греблею подлѣ Васильевскаго острова подъ прикрытіемъ лѣса и обѣхалъ сіи суда отъ моря, а другой половиной велѣлъ пуститься на нихъ сверху. Непріятель, увидѣвши сіе, вступилъ въ бой и на парусахъ пробивался къ эскадрѣ. Однако его величество, догнавъ сіи суда и не изирая на жестокую стрѣльбу изъ пушекъ, одною ружейною стрѣльбою и граватами оба судна взял и привелъ въ лагерь къ фельдмаршалу. На одномъ было десять пушекъ, а на другомъ—четыренадцать. Государь, возблагодаривъ за сію первую морскую побѣду Богу при троекратной стрѣльбѣ изъ пушекъ, послѣ молебна фельдмаршалу и прочимъ генераламъ говорилъ: «Я рекомендую вамъ, господи фельдмаршалъ, бывшихъ со мною офицеровъ и солдатъ; сія побѣда храбростію ихъ получена. Бла-

годари Вышняго, не бывало сбылось: мы лодками начинаемъ уже брать неприятельскіе корабли». За сію викторію бомбардирской капитанъ и поручикъ Меншиковъ сдѣланы кавалерами ордена святаго Андрея, также и господинъ постельничій Головинъ, который въ той же партіи находился. Кавалеріи наложены были на нихъ чрезъ адмирала графа Головина, яко перваго кавалера сего ордена, а офицерамъ даны золотыя медали съ цѣпями, солдатамъ же — медали безъ цѣпей.

18.

Петръ Великій, желая Россію поставить на степень европейскіхъ народовъ, нравственныхъ какъ просвѣщеніемъ наукъ и художествъ, такъ обращеніемъ в одежду, выдалъ указъ брить бороды и носить платье короткое нѣмецкое, говоря при томъ придворнымъ боярамъ. «Я желаю преобразить свѣтскихъ козловъ, то-есть, гражданъ, и духовенство, то-есть, монаховъ и поповъ, первыхъ — чтобы они безъ бородъ походили въ добръ на европейцевъ, а другихъ — чтобы они, хотя съ бородами, въ церквахъ учили бы прихожанъ христіанскимъ добродѣтелямъ такъ, какъ видалъ и слышалъ я учащихся въ Германіи пасторовъ». При чемъ разсмѣявшись примолвилъ къ сему еще и то: «Вѣдь наши старики по невѣжеству думаютъ, что безъ бороды не выйдутъ въ царство небесное, хотя у Бога отверзато оно для всѣхъ честныхъ людей, какого бы закона вѣрующіе въ Него ни были, съ бородами ли они, или безъ бородъ, съ париками ли они, или плѣшивые, въ длинномъ ли сарафанѣ, или въ короткомъ кафтанѣ».

19.

По кончинѣ перваго любимца генерала-адмирала Лесорта мѣсто его заступилъ у царя Петра Алексѣевича графъ Ѳеодоръ Алексѣевичъ Головинъ, а по особенной милости — Меншиковъ, но онъ беспокоился еще тѣмъ, что видѣлъ себя противуборниду свою при его величествѣ Анну Ивановну Монахъ, которую тогда государь любилъ, и которая казалась быть владычицею сердца мла-

дого монарха. Сего ради Меншиковъ предарялъ, всячески стараясь о томъ, какимъ бы образомъ ее привести въ немелость и совершенно разлучить. Анна Ивановна Монахъ была дочь ливонскаго купца, торговавшаго въ пами, чрезвычайная красавица, пріятнаго вида, ласковаго обхожденія, однакожь посредственной остроты и разума, что слѣдующее происхожденіе доказываетъ.

Не смотря на то, что государь нѣсколько лѣтъ ее при себѣ жилъ и безмѣрно обогатилъ, начала она такую глупость, которая ей служила пагубою. Она попозннулась принять любовное предложеніе Бранденбургскаго посланника Кейзерлинга и согласилась идти за него замужъ, если только царское на то будетъ благословеніе. Представьте себѣ: не сумашествіе ли это? Предпочесть двадцатисемилѣтнему, разумомъ одаренному и видному государю чужестранца, ни тѣмъ, ни другимъ не блистающаго! Здѣсь скажутъ мнѣ, что любовь слѣпа: подлинно такъ, ибо она на самомъ верху благополучія дѣвину сію нелѣпой и необузданной страсти покорилась. Но исполненію такого намѣренія положила она посовѣтовать о томъ съ Меншиковымъ и просить его, чтобы онъ у государя нѣтъ споспѣшествовалъ. Кейзерлингъ нашелъ случай говорить о томъ съ любимцемъ царскимъ, который внутренне сему радовался, нѣтъ лукавства оказывалъ ему свое доброхотство, въ такомъ предпріятіи болѣе еще его подкрѣплялъ, изъясняя ему, что государю, конечно, не будетъ сіе противно, если только она склонна; но прежде, нежели будетъ онъ о семъ дѣлѣ его величеству говорить, надлежитъ ему самому слышать сіе отъ нея и письменно показать, что она желаетъ вступить въ бракъ съ Кейзерлингомъ. Для сего послалъ онъ къ ней вѣрную ся подругу Вейдиль, чтобы она съ нею обо всемъ переговорала, которой призналась Монахъ чистосердечно, что лучше бы хотѣла выйти за Кейзерлинга, котораго любить, нежеле за иного, когда государь позволяетъ. Меншиковъ, получивъ такую вѣдомость, не упустилъ самъ видѣться съ сего дѣвицею и отобрать подлинно не только устно мысли ея, но и письменно. Сколь скоро получилъ онъ такое отъ нея прошеніе, немедленно пошелъ къ государю и хитрымъ

образомъ сказывалъ ему такъ: «Ну, всемилостивѣйшій государь, ваше величество всегда дозволили думать, что господа Монсъ васъ паче всего на свѣтѣ любить: но что скажете теперь, когда я вамъ противное доложу?» «Перестань, Александръ, врать», отвѣчалъ государь; — «я знаю вѣрно, что она одного меня любить, и никто инако меня не утѣритъ; развѣ скажетъ она то мнѣ сама». При семъ Меншиковъ вынулъ изъ кармана своеоручное ей письмо и поднесъ государю. Монархъ, увидя во ономъ такую не ожидаемую переписку, хотя и прогнѣвался, однако не советѣмъ по отличной къ ней милости сему вѣрилъ. А дабы вѣще въ дѣлѣ семъ удостовѣриться, то его величество, носѣтивъ ее въ тотъ же день, рассказывалъ ей безъ сердца о той вѣсти, какую ему Меншиковъ отъ нея принесть; она въ томъ не отрипалась. И такъ государь, изблотивъ ее невѣрностію и дурачествомъ, взявъ отъ нея алмазами украшенный свой портретъ, который она носила, и при томъ сказала: «Любить царя — надлежало имѣть царя въ головѣ, котораго у тебя не было; и когда ты обо мнѣ мало думала и невѣрною стала, такъ не для чего ужемнѣть тебѣ мой портретъ». Но былъ такъ великодушенъ, что далъ уборы, драгоценныя вещи и все пожалованное оставить ей для того, чтобъ она, пользуясь оными, со временемъ почувствовала угрызение совѣсти, колико она противъ него была неблагодарна. Вскорѣ послѣ того вышла она замужъ за Кейзерлинга, но опомнясь о неопѣленной потерѣ, рассказывалась, плакала, терзалась и крушилась ежедневно такъ, что получила гентическую болѣзнь, отъ которой въ томъ же году умерла.

Такою-то хитростію и лукавствомъ генералъ-маіоръ Меншиковъ, свергнувъ съ себя опасное иго, сдѣлался потомъ игралищемъ всякаго счастья и былъ первымъ государевымъ любимцемъ, ибо при ней таковымъ еще не былъ. Послѣ сего приключенія государь Петръ Великій никакой уже прямой любовницы не имѣлъ, а избралъ своею супругою Екатерину Алексѣевну; которую за отличныя душевныя дарованія и за оказанныя его особѣ и отечеству заслуги при жизни своей короновалъ.

20.

Въ 1702 году города Олонца поимъ Иванъ Окуловъ, увѣдавшій о Шведахъ, что они стояли въ Карельскомъ уѣздѣ, собралъ охотниковъ изъ порубежныхъ жителей съ тысячу человекъ, пошелъ за шведской рубежъ, разбилъ непріятельскія заставы, побѣдилъ до четырехъ-сотъ Шведовъ, взявъ рейтарскія знамена, барабаны, ружья и провіантъ. А какъ такое неожиданное происшествіе дошло до свѣдѣнія его царскаго величества, то государь фельдмаршалу Шереметеву сказалъ: «Слыхалъ ли кто такое диво, что поимъ мой учить духовныхъ сыновъ: отворите врата купно въ рай и въ Шведскую область!» Пожаловалъ его величество поиму двѣсти рублей, краснаго сунна, съ позументомъ, расу и золотую медаль и бывшимъ при томъ дѣйстви по хорошему русскому кафтану, по два рубля денегъ и по тесаку для обороны впредь, чтобъ они его носили за свою службу. Нѣсколько лѣтъ послѣ государь бывалъ въ Олонцѣ, пристагъ у сего попа въ домѣ, который построить ему велѣлъ на казенныя деньги.

21.

Въ началѣ 1701 года король Польскій отправился въ принадлежащую князю Радзивилу при курляндскихъ гравцахъ крѣпость Виржу, куда прибылъ и государь Петръ I, равномерно и герцогъ Курляндскій Фердинандъ для того, чтобъ о тогдашнихъ дѣлахъ противошведскихъ переговоры и учинить условіе. Сего ради его величество король Польскій всячески старался Россійскаго монарха разными забавами угостить; и когда за столомъ были они уже веселы, то Петръ Великій пилъ за здоровье короля Польскаго и, пожавъ при томъ ему руку, говорилъ: «Да будутъ мысли наши столь тверды, сколь сильны наши тѣлеса!» На сіе отвѣтствовалъ король: «Да здравствуетъ сила, съ силою соединенная, которая враговъ разсѣетъ въ прахъ». При семъ герцогъ Курляндскій поклонился обоимъ государямъ и при отпѣхъ за здравіе ихъ сказалъ: «А мнѣ остается благополучно подѣ защи-

тою силъ нашихъ жить, чтобы левъ не проглотилъ Курляндцевъ живыхъ!» Царь Петръ разсѣявшись ему сказалъ: «Не бойся, братъ, у насъ для этого звѣря есть желѣзные сѣти; когда разпнеть звѣвъ, такъ дадимъ ему покушать картечей».

22.

При свиданіи съ королемъ Августомъ въ городкѣ Биржѣ царь Петръ Алексѣевичъ остался у него ужинать. Во время стола примѣтилъ Августъ, что поданная ему тарелка серебряная была не чиста и для того, согнувъ ее рукою въ трубку, бросилъ въ сторону. Петръ, думая, что король щеголяетъ предъ нимъ силою, согнувъ также тарелку виѣстъ, положилъ передъ себя. Оба сильные государя начали вертѣть по двѣ тарелки и перепортили бы весь сервизъ, ибо сплюснули потомъ между ладонь двѣ большія чаши, если бы шутку сію не кончили Россійскій монархъ слѣдующею рѣчью: «Братъ Августъ, мы гнемъ серебро изрядно, только надобно потрудиться, какъ бы согнуть намъ шведское желѣзо».

23.

Извѣстно, что Петръ Великій и Августъ, король Польскій, имѣли силу тѣлесную необычайную и превосходящую силу человеческую. Въ одинъ день, когда случилось быть обоимъ симъ монархамъ виѣстъ въ городѣ Торнѣ, представлено было зрѣлище битвы буйволовъ. Тутъ захотѣлось поблестать Августу предъ царемъ богатырствомъ своимъ, и сего ради, схватя за рогъ разсвирѣпѣшаго буйвола, который упрямился идти, однимъ махомъ саблею отсѣкъ ему голову. «Постой, братъ Августъ», сказалъ ему Петръ, — «я не хочу являть силы своей надъ животнымъ, прикажи подать свертокъ сукна!» По принесеніи онаго царь, взявъ одною рукою свертокъ, кинулъ его вверхъ, а другою рукою, выдернувъ вдругъ кортикъ свой, ударилъ на лету по нему такъ mocno, что раскрылъ его на двѣ части. Августъ сколько потомъ ни старался учинить то же, но не былъ въ состояніи.

24.

Петръ Великій имѣлъ частое въ Варшавѣ свиданіе съ одною умною и доброю старостиною, которая, будучи въ родствѣ съ первыми польскими магнатами, вѣдала политическую связь и разныя дѣла королевства, а особливо кардинала и примаса Радзівскаго интриги и къ королю Шведскому наклонность, и государю по дружеской привязанности многое открывала. Старостина, зная, что его величество жаловалъ иногда быть въ бесѣдѣ съ польскими красавицами, пригласила къ себѣ нѣсколько госпожъ, женъ польскихъ вельможъ, и сего знаменитаго гостя вечернимъ столомъ, при огромной музыкѣ, угощала. А какъ разговоръ нечаянно зашелъ о Карлѣ XII, предпріявшимъ вступить съ войсками чрезъ Польшу въ Украинскія земли, и одна изъ нихъ, противной стороны Августа, слѣдовательно, и Петра Великаго, бывъ по любовнымъ интригамъ съ королемъ въ ссорѣ, подъ видомъ учтивой шутки на счетъ обоихъ монарховъ нѣчто остро сказала, то государь, оборотясь къ ней, говорилъ: «Вы шутите, сударыня, за столомъ при всѣхъ, такъ позвольте мнѣ послѣ ужина пошутить съ вами наединѣ». Сія живочная рѣчь въ такое привела ее смѣненіе, что послѣ не могла она ничего уже промолвить. Но государь умѣлъ такъ сію загадку перевернуть, смягчить и обласкать сію госпожу, что въ самомъ дѣлѣ съ нею была наединѣ и послѣ имѣлъ ее своею пріятельницею.

25.

Государь Петръ Первый, ѣхавъ въ Варшавѣ ¹⁾, вздумалъ посмотреть одинъ монастырь, чего ради, приближаясь къ монастырскимъ воротамъ, приказывалъ оныя отворить; но приворотникъ, не смѣя сего по обряду учинить, доносилъ ему, что сіи врата святыя; государь отвѣчалъ: «Джешъ, Полякъ, каменные; врата въ царство небесное [святыя]; здѣсь вѣдемъ мы верхомъ,

¹⁾ Въ 1707 году въ полѣ мѣсяцѣ; при государѣ былъ и князь Меншиковъ, да князь Долгорукий, майоръ гвардіи.

а туда съ добрыми дѣлами пойдемъ пѣшкомъ. Отворяй!» Но Полякъ говорилъ: «Святый Непомученъ запретя!» «И то для Поляковъ», сказалъ его величество, — «а для меня разрѣшить». Приворотнякъ, поклонясь низко, громко возгласилъ: «Взмилуйся, наяснѣйшій цане, я того не зналъ». Потомъ отворилъ ворота.

26.

По дошедшимъ слухамъ къ государю, что чужестранцы почитаютъ его немилосерднымъ, говорилъ его величество слѣдующую рѣчь, достойную блюсти въ вѣчной памяти: «Я вѣдаю, почитаютъ меня строгимъ государемъ и тираномъ. Ошибаются въ томъ не знающіе всѣхъ обстоятельствъ. Богу извѣстны сердце и совѣсть моя, koliko соболѣзнованія имѣю я о подданныхъ и сколько блага желаю отечеству. Незнѣжество, упрямство, коварство ополчались на меня всегда, съ того самого времени, когда полезность въ государство вводить и суровые нравы преобразовать намѣреніе принялъ. Сія-то суть тиралы, а не я. Честныхъ, трудолюбивыхъ, повинующихся, разумныхъ сыновъ отечества возвышаю и награждаю я, а непокорныхъ и зловерныхъ исправляю по необходимости. Пускай злость клеветаетъ, но совѣсть моя чиста. Богъ судія мой! Неправое разглагольствіе въ свѣтѣ аки вихрь преходный».

Читающій сіе примѣтитъ можетъ, съ какою порывистою обаяженностію и соболѣзнованіемъ говорилъ о себѣ сей великій государь. Имѣвшимъ счастье быть близъ лица монарха сего извѣстна великая душа его, человеколюбіе и милосердіе. Много было ему домашнихъ горестей и досадъ, на гнѣвъ преклоняющихся, и хотя въ первомъ жару былъ вспыльчивъ, однако скороотходчивъ и невамятозлобенъ. Ахъ, еслибъ знали многіе то, что извѣстно намъ, дивились бы снисхожденію его. Всѣ судятъ только по наружности. Если бы когда-нибудь случилось философу разбирать архиву тайныхъ дѣлъ его, вострепеталъ бы отъ ужаса, что содѣлывалось противъ сего монарха.

27.

О бунтахъ стрѣльцкихъ пѣкогда промолвилъ государь: «Отъ воспоминанія бунтовавшихъ стрѣльцовъ, гдѣрь отечества, всѣ уды во мнѣ трепещутъ; помысли о томъ, заснуть не могу. Такова была сія кровожаждущая саранча!»

Государь по истинѣ имѣлъ иногда въ ночное время такіа конвульсіи въ тѣлѣ, что клялъ съ собою денщика Мурзина, за плеча котораго держась, засыпалъ, что я самъ видѣлъ. Днемъ же не рѣдко вскидывалъ головою кверху. Сіе началось въ тѣлѣ его быть съ самого того времени, когда одинъ изъ мятежныхъ стрѣльцовъ въ Троицкомъ монастырѣ предъ алтаремъ, куда его царя, мать его, рада безопасности привела, приставя ножъ къ шеѣ, умертвить его хотѣлъ; а до того личныхъ ужимокъ и кривленія шеею не бывало.

28.

Буде виноватый принесетъ чистую повинную государю, прощаль милосердо или умѣрялъ наказаніе по важности преступленія и говаривалъ: «Не дѣлай впредъ того, за признаніе — прощаніе, за утайку нѣтъ помплованія. Лучше грѣхъ явный, нежели тайный».

29.

Императрица, узнавъ, что государь пощю безпокоился и мало печивалъ, на другой день спрашивала его о причинѣ, — на что онъ ей отвѣчалъ: «Ахъ Катинька, какой сонъ начальнику, когда судьи его спятъ».

30.

Его величество, сдѣлавъ маскарадъ публичный, состоящій изъ одеждъ различныхъ народовъ, и самъ присутствуя при томъ въ голландскомъ шкиперскомъ платьѣ, ѣздивъ съ государынею и съ прочими въ маскахъ по городу и при семъ случаѣ ей говорилъ: «Радуюсь, видя въ самомъ дѣлѣ въ новой столицѣ разныхъ

странъ народовъ». Сказалъ сіе въ такомъ чяніи, что тогда уже чужестранные въ Петербургъ какъ сухимъ путемъ, такъ и моремъ прїѣзжать начали, чѣмъ онъ былъ весьма доволенъ.

31.

Когда государь въ присутствіи своемъ, въ саду, подчивалъ кушаньемъ и напѣтками одного голландскаго шкипера и, видя, что шкиперъ пьетъ и ѣстъ много и проворно, тѣмъ веселился и деньщикамъ говорилъ: «Этотъ Емеля все перемелетъ. Фельтентъ ¹⁾, подавай сему гостю больше! У насъ всего довольно пусть ѣстъ и пьетъ безъ платы. Это не въ Амстердамѣ. Шепелевъ ²⁾ знаетъ то, что я трактирщику заплатилъ въ Нимведенѣ сго червонцовъ за двѣнадцать яицъ, за сыръ, масло и двѣ бутылки вина».

32.

По привезеніи Готторпскаго глобуса въ Петербургъ и по постановленіи оного близъ Лѣтняго дворца въ особомъ мѣстѣ, часто хаживалъ Петръ Великій его смотрѣть. А какъ въ семь глобусѣ только есть пространства, что за круглымъ столомъ на лавкахъ десяти человѣкамъ сидѣть можно, то однажды государь Блументросту, мужу ученому, сказалъ: «Мы теперь въ большомъ мірѣ; этотъ міръ есть въ насъ; тако міры суть въ мірѣ». Не дальновидная ли мысль сія, заключающая въ себѣ познаніе міровъ?

33.

О Жидяхъ говорилъ его величество: «Я хочу видѣть у себя лучше магометанской и языческой вѣры, нежели Жидовъ. Они — плуты и обманщики. Я искореняю зло, а не расклажаю. Не будетъ для нихъ въ Россіи ни жилища, ни торговли, сколько о томъ ни стараются и какъ ближнихъ ко мнѣ ни подкупаютъ». Сколько

¹⁾ Фельтентъ — мундхотъ его величества.

²⁾ Дмитрій Андреевичъ Шепелевъ былъ путевымъ кардиналомъ.

ни старался Жиды получить позволеніе быть въ Россіи и торговать, однако государь на то не склонился и всѣ просьбы объ нихъ уничтожилъ.

34.

Петръ Великій, купилъ въ Амстердамѣ рѣдкіе кабинеты, одинъ — анатомической, а другой — разныхъ животныхъ, по привезеніи оныхъ въ Петербургъ расположилъ въ Смольномъ дворѣ, отъ прочаго строенія отдаленномъ, и зрѣніемъ оныхъ вещей часто по утрамъ занимался, чтобъ имѣть въ натуральной исторіи систематическое понятіе. Его величество бралъ меня съ собою туда же, гдѣ въ одно время прілучился быть и графъ Ягужинскій, который предлагалъ государю, чтобъ для ежегоднаго содержанія и размноженія такихъ рѣдкостей съ зрителей брать нѣкоторую плату, на что государь съ неудовольствіемъ при лейбъ-модикѣ своемъ Аришинѣ и библиотекарѣ Шумахерѣ, которымъ поручена была въ смотрѣніе кунсткамера и которымъ велѣно было каждаго зрителя впускать, вещи тѣ показывать и объ нихъ объяснять, сказалъ: «Павелъ Ивановичъ, гдѣ твой умъ? Ты судишь не право; по твоему — наитреніе мое было бы бесполезно. Я хочу, чтобъ люди смотрѣли и учились. Надлежитъ охотниковъ пріучать, подчивать и угощать, а не деньги съ нихъ брать». Потомъ, обратясь къ Аряшину, о семъ новелтнѣ давалъ, опредѣляя на то особую сумму денегъ. Такое-то стараніе имѣлъ монархъ сей о насажденіи наукъ и знаній въ государствѣ своемъ. Мало было ему видѣть подданныхъ своихъ, упражняющихся въ наукахъ и художествахъ, и такіе-то люди были прямыми друзьями его, съ которыми онъ просто и милостиво обходился.

35.

Неблагодарныхъ людей государь ненавидѣлъ и объ нихъ говаривалъ такъ: «Неблагодарный есть человѣкъ безъ совѣсти, ему вѣрить не должно. Лучшее явное врагъ, нежели подлый льстецъ и лицемеръ; такой безобразитъ человѣчество».

36.

Заслуженныхъ и вѣрныхъ сыновъ отечества Петръ Великій награждалъ скоро чинами и деревнями и за долговременную службу при отставкѣ давалъ полное жалованье. Мнѣ случилось слышать, что при отставкѣ одного полковника Карпова, мужа заслуженнаго, но малоимущаго, государь говорилъ: «Когда служить не можешь, производи ему по смерти его жалованье, да сверхъ того дай изъ отпущенныхъ деревень пятьдесятъ дворовъ, чтобъ въ ней по трудахъ, которыми свидѣтель я и генералитетъ, спокойно жилъ. Ужели за пролитую кровь и рапы для отечества при старости и дряхлости съ голоду умереть? Кто будетъ о немъ печься, какъ не я? Инако служить другимъ не охотно, когда за вѣрную службу нѣтъ награды. Вѣдь я для такихъ не скупъ».

Въ такомъ случаѣ государь былъ щедръ и милостивъ; ходатаевъ имѣть не надлежало, понеже самъ зналъ онъ отлично служащихъ, а о незнакомыхъ приказывалъ себѣ обстоятельно доносить чрезъ сенатъ, военную и адмиралтейскую коллегіи.

37.

Его величество на пути своемъ въ Воронежъ, подъ вечеръ въ ненастливую погоду, заѣхалъ ночевать въ деревушку къ одному вдовому дворянину, котораго не случилось тогда дома, и который по дѣламъ былъ въ городѣ. А какъ государь ѣзжалъ просто, съ малымъ числомъ людей, да и кромѣ одного крестьянина и двухъ дворовыхъ старухъ, никого изъ служителей тутъ не находилось, то и сочли его проѣзжимъ офицеромъ. Государь, вошедъ въ покой, встрѣченъ былъ дворянина того дочерью семнадцатилѣтнюю, которая его спрашивала: «Ваша милость кто такой?» «Я проѣзжій офицеръ, заѣхалъ къ отцу твоему переночевать». «А какъ тебя зовутъ?» «Петромъ!» отвѣчалъ монархъ. «Много есть Петровъ», продолжала она, — «скажи свое прозваніе». «Михайловъ, голубушка». «Петръ Михайловъ!» повторяла дѣвушка съ нѣкоторымъ видомъ удивленія и радости; — «ахъ,

если бы ты былъ тотъ Петръ Михайловъ, который ѣздитъ въ Воронежъ строить корабли, и который слыветъ нашимъ паремъ, какъ бы счастлива была я!» «А что жь?» «Я бы попросила у него милости!» «Куда какъ ты смѣла», сказалъ онъ ей, — «какую милость и за что?» «Такую, чтобъ онъ пожаловалъ что-нибудь отцу моему за то, что подъ городомъ Орѣшкомъ¹⁾ на приступѣ весь израненъ и отставленъ капитаномъ, получаетъ только поручицкое жалованье, имѣетъ двадцать душъ и на силу себя и меня пропитать можетъ, да изъ этого удѣляетъ еще брату моему, который въ службѣ консталеменъ». «Правда, жалкое состояніе, да что дѣлать? Знать, царь про то не вѣдаетъ. Скажи мнѣ, училась ли ты чему-нибудь?» «Отецъ мой выучилъ меня читать и писать, а покойная мать моя учила меня шить и хозяйничать». «Не худо; прочитай-ка что-нибудь и наизусть». Дворянка сіе исполнила, показывала ему шитье и холсты, который сама ткала. «Хорошо», сказалъ ей проѣзжій офицеръ, «[ты]—достойная дѣвушка; жаль, что я не тотъ Петръ Михайловъ, который можетъ дѣлать милости; однако молись Богу; можетъ быть, при случаѣ царю донесу; онъ меня довольно знаетъ и жалуетъ!» Дѣвушка поклонилась, побѣжала, принесла ему тотчасъ квасу, хлѣба, масла, яицъ, ветчины и безъ всякой застѣнчивости отъ всего сердца потчевала; потомъ отвела ему особую горницу, приготовила изрядную постелью, а государь, поконясь, всталъ рано и, подаривъ дворянской дочерѣ пять рублей, сказалъ: «Поклонись отцу, и скажи, что заѣхалъ къ нему офицеръ корабельный Петръ Михайловъ. Прощай! Желаю, чтобъ подаренные пять рублей принесли тебѣ за доброе поведеніе и за стараніе объ отцѣ своемъ пять сотъ рублей». На возвратномъ изъ Воронежа пути его величество отправилъ къ сей дворянской дочерѣ деищика съ такимъ приказаніемъ: «Бывшій недавно у тебя въ гостяхъ офицеръ есть самой тотъ Петръ Михайловъ, котораго видѣть и просить желаю. Хотя по пословицѣ: Богъ высоко, а царь далеко, однако у пер-

¹⁾ Шлиссельбургъ.

наго молитва, а у другого служба не пропадаетъ. За службу отца твоего указалъ его величество давать ему капитанское жалованье, а тебѣ, яко достойной дочерѣ его, посылаетъ приданое пять сотъ рублей съ тѣмъ, что женахъ сыщеть самъ,» — что государь вскорѣ и исполнилъ, выдавъ ее за зажиточнаго дворянина и «золотскаго офицера въ Воронежѣ.

38.

Государь любилъ читать лѣтописи и, собравъ ихъ довольно, нѣкогда Θεοфану Прокоповичу говорилъ: «Когда увидимъ мы полную Россіи исторію? Я велѣлъ перевести многія полезныя книги» ¹⁾. А Нартову, механику своему, промовилъ: «Плюміера любимое искусство мое точить уже переведено и Штурмова механика».

Я видѣлъ самъ переведенныя на руссійской языкъ книги, въ кабинетѣ у государя лежавшія, которыя напередъ изволилъ онъ читать и послѣ указалъ напечатать: 1) Дѣянія Александра Великаго; 2) Гибнерова Географія; 3) Пуфендореа Введеніе въ познаніе европейскихъ государствъ; 4) Леслерна Архитектурное искусство; 5) Бринкена Искусство корабельнаго строенія; 6) Кугорна Новый образецъ укрѣпленія; 7) Боргедорфа Непобѣдимая крѣпость; 8) Блонделя и Вобава Искусство укрѣпленій, и еще другія книги, принадлежащія до устройства шлюзовъ, мельницъ, фабрикъ и горныхъ заводовъ.

39.

По случаю вновь учрежденныхъ въ Петербургѣ ассамблей или съѣздовъ между знатыми господами похваляемы были въ присутствіи государя парижское обхожденіе, обычай и обряды, на которыя отвѣчалъ онъ такъ: «Добро переимать у Французовъ художества и науки; сіе желалъ бы я видѣть у себя, а въ прочемъ Парижъ воняетъ».

¹⁾ Съ латинскаго языка переводили новгородскіе старцы два брата Лихудевы, съ французскаго — Горюхидіѣ, съ нѣмецкаго — Остерманъ.

40.

Въ бытность въ Олонцѣ при штии марціальныхъ водъ, его величество, прогуливаясь, сказалъ лейбъ-медику Арешкину: «Врачую тѣло свое водами, а подданныхъ — примѣрами; и въ томъ, и въ другомъ испѣленіе вижу медленное; все рѣшить время; на Бога полагаю надежду».

41.

Государь, точа человѣческую фигуру въ токарной машинѣ и будучи веселъ, что работа удачно идетъ, спросилъ механика своего Нартова: «Какое точу я?» И когда Нартовъ отвѣчалъ: «Хорошо», то сказалъ его величество: «Таково-то, Андрей, кости точу я долотомъ изрядно, а не могу обточить дубиною упрямовъ».

42.

За обѣденнымъ столомъ въ токарной пилѣ государь такое здоровье: «Здравствуй тотъ, кто любитъ Бога, меня и отечество!»

43.

Денщики, жившіе въ верхнемъ жильѣ дворца, каждую почти ночь по молодости заводили между собою игру и такой иногда шумъ и топотъ ногами при пляскѣ дѣлывали, что государь, самъ обезпокоиваемый, неоднократно унималъ ихъ то увѣщаніями, то угрозами. Наконецъ, для удобнаго продолженія забавъ, задумали они, когда ложился государь почивать, уходить ночью изъ дворца, таскаться по шинкамъ и бесѣдовать у своихъ пріятельницъ. Его величество, свѣдавъ о такомъ распутствѣ, велѣлъ для каждого девицы сдѣлать шкапъ съ постелью, чтобъ въ nocturne время ихъ тамъ заперать и чтобъ тѣмъ укротить ихъ буйство и гулянье. А какъ нѣкогда въ самую полночь надлежало отпразднить одного изъ нихъ въ посылку, то, не видя въ передней комнатѣ дневальнаго, пошелъ самъ на верхъ въ провожаніи Нартова съ фонаремъ, ибо Нартовъ сыпалъ въ токарной. Его величество,

отпирая ключемъ шкапъ за шкапомъ и не найдя въ нихъ ни одного денщика, удивился дерзости ихъ и съ гнѣвомъ сказалъ: «Мои денщики летаютъ сквозь замки, но я крылья обстригу имъ завтра дубиной».

На утрѣ собрались они и, узнавъ такое посѣщеніе, ожидали съ трепетомъ встрѣчи дубиной. Государь, вышедъ изъ спальни въ переднюю, увидѣлъ всѣхъ денщиковъ въ стройномъ порядкѣ стоящихъ и воротился вдругъ назадъ. Они испугались пуще прежняго, думали, что пошелъ за дубиной; но онъ, выйдя изъ спальни и державъ ключъ шкапной, говорилъ имъ: «Вотъ вамъ ключъ; я спалъ безъ васъ спокойно, вы такъ исправны, что записать васъ не для чего; но впредъ со двора уходить безъ приказа моего никто не дерзнетъ, — вѣрно преступника отворочаю такъ дубиной, что забудетъ по ночамъ гулять и забывать свою должность, или вѣлю держать въ крѣпости коменданту». Денщики поклонились низко, благодарили судьбу, что гроза миновала благополучно, а государь, улыбувшись и погрозивъ имъ тростью, пошелъ въ адмиралтейство.

Изъ сего случая видно, koliko былъ отходчивъ и милостивъ монархъ, прощая по младости человѣческія слабости.

Денщики были слѣдующіе: два брата Аванасій и Алексѣй Татищевы, Иванъ Михайловичъ Орловъ, Мурзигъ, Поспѣлой, Александръ Борисовичъ Бутурлинъ, Древникъ, Блеклой, Нелюбохтинъ, Суворовъ, Андрей Константиновичъ Нартовъ, любимый его механикъ, который училъ государя точить. Для дальнихъ посылокъ непрѣбныя курьеры — Шемякинъ и Чеботаевъ, да для услугъ его величества — спальный служитель или камердинеръ Полубояровъ. Вотъ всѣ его приближенные. Для письменныхъ же дѣлъ — секретарь Макаровъ, при немъ два писца — Черкасовъ и Замятинъ.

44.

Въ самое то время, когда Петръ Первый съ Меншиковымъ въ 1700 году намѣренъ былъ съ нововзбраннѣмъ войскомъ

идти изъ Новгорода къ Нарвѣ и продолжать осаду сего города, получилъ онъ извѣстіе о несчастномъ пораженіи бывшей своей арміи при Нарвѣ съ потерянiемъ артиллеріи и со взятiемъ въ полонъ многихъ генераловъ и полковниковъ и, огорчась на самого себя, что при семъ случаѣ своею особою не присутствовалъ, великодушно печаль сію снесъ и, непоколебимымъ оставшись продолжать военные подвиги противъ непріятеля, сказалъ слѣдующее: «Я знаю, что Шведы насъ еще нѣсколько разъ побѣждать будутъ; но наконецъ научимся симъ побивать ихъ и мы».

45.

Послѣ первой неудачной осады города Нарвы, государь Петръ Первый, будучи въ Москвѣ и прилагая попеченіе о наборѣ войскъ и о снаряженіи ихъ амунициею и орудіями, имѣлъ недостатокъ въ пушкахъ; сего ради, для скорѣйшаго вылитія оныхъ, принужденъ былъ прибѣгнуть къ церковнымъ колоколамъ, которыхъ находилось множество лишняхъ. А какъ и въ деньгахъ былъ также недостатокъ, то въ крайности такой намѣренъ былъ поубавить монастырскихъ сокровищъ, въ золотѣ и серебрѣ состоящихъ. Оба сіи предпріятія могли въ неразумительномъ народѣ поселить негодованіе, который по суевѣрію и по стариннымъ предразсужденіямъ лучше бы хотѣлъ видѣть великолѣпіе церковное, нежели благополучіе государства, подкрѣпляемое такимъ имуществомъ. Не вѣдая иного способа, чтобы сдѣлать скорый оборотъ къ вооруженію себя противъ непріятеля, ибо къ собиранію съ государства податей требовалось долго времени съ отягощеніемъ народнымъ; и не приступая еще къ исполненію такой мысли, находился государь въ задумчивости и цѣлыя сутки никого къ себѣ не допускалъ. Koliko Меншиковъ ни былъ любимъ, не смѣлъ однакожъ являться тогда къ нему. Тѣмъ менѣе прочіе бояре, понеже запрещено было допускать, да и не желалъ его величество имъ о томъ намѣреніи объявлять. Князь Ромодановскій, хотя впрочемъ и былъ прилѣпленъ къ ста-

риннымъ обычаемъ, однако любилъ государя и вѣренъ былъ ему паче многихъ прочихъ, а по сему не только носилъ отъ монарха отличную милость, да и былъ отъ него почтенъ. Узнавши онъ о сокрушеніи и уединеніи его величества, отважился идти къ нему, чтобъ посовѣтовать съ нимъ, какимъ бы образомъ смутному состоянію помочь. Стража, стоявшая у дверей чертоговъ парскихъ, вѣдая, коликую князь имѣлъ довѣренность, не смѣла его остановить, ибо всѣ боялись того, что онъ за воспещеніе ему входа велѣтъ по полномочію своему ихъ лишитъ живота, не спрашивая о томъ государя; такимъ образомъ вошелъ прямо и, видя Петра Перваго по комнатѣ въ глубокой задумчивости въ задъ и въ передъ ходящаго, остановился и посмотрѣлъ на него; но государь его не примѣчалъ. Князь рѣшился идти ему на встрѣчу и съ нимъ столкнулся. Его величество пасмурнымъ взоромъ взглянулъ на него и аки бы удивляющимся его нечаянному приходу, опаматовавшись спросилъ: «Какъ ты, дядя! — такъ его государь иногда называлъ — съюда забрелъ? Развѣ не сказано тебѣ, что не велѣно пускаться?» «Другихъ, можетъ быть, а не меня», отвѣчалъ Ромодановскій; — «меня и родитель твой царь Алексѣй Михайловичъ безъ доклада къ себѣ пускалъ; вѣдомо тебѣ, что при кончинѣ своей имѣ тебя вѣрилъ; кто жъ въ негодѣ пещься будетъ о тебѣ, какъ не я? Полно крушиться! Скажи, о чемъ цѣлыя сутки думаешь? Царь отецъ твой и царица мать твоя наказывали совѣта моего слушать. Размысливать горе подобаетъ вмѣстѣ, а не одному!» «Полно, дядя», сказалъ государь, — «пустое молоть; какой совѣтъ, когда въ казны денегъ нѣтъ, когда войско ни чѣмъ не снабдено, и артиллерія нѣтъ, а сіе потребно скоро». Потомъ началъ опять ходить и предаваться размышленіямъ. Князь Ромодановскій, видя парское отчаяніе, остановилъ его пакъ и говорилъ сердито: «Долгая дума — большая скорбь; полно крушиться, открой думу свою, какой къ тому находишь способъ, авось-либо вѣрный твой слуга промыслитъ полезное». Его величество, зная, что сей достойный мужъ всегда былъ блюститель вѣрности и правды, объявлялъ ему тайность свою такъ: «Чтобъ имѣть артил-

лерію, для которой нѣтъ мѣди, думаю я по необходимости взять лишніе колокола, которые дѣлаютъ только пустой трезвонъ; переливъ ихъ въ пушки, загремлю ими противъ Шведовъ полезнымъ отечеству звукомъ». «Добро мнѣ, Петръ Алексѣевичъ, а о деньгахъ какъ же?» «Такъ, чтобъ въ монастыряхъ и церквахъ безплодно хранящееся сокровище въ золотѣ и серебрѣ убавить и натиснуть изъ него деньги». «На сіе нѣтъ моего совѣта; народъ и духовенство станутъ роптать и почтутъ грабежемъ святыни». «О народѣ я такъ не мню, для того что я не разоряю налогами подданныхъ и защищаю отечество отъ врага, а прочимъ зажиму ротъ болтать; лучше пожертвовать суетнымъ богатствомъ, нежели подвергнуться игу иноплеменниковъ». «Не всѣ такъ здраво думаютъ, Петръ Алексѣевичъ; сіе дѣло щекотно, должно придумать иное». «Вѣдь деньги, дядя, съ неба не упадутъ, какъ маина, а безъ нихъ войско съ холоду и голоду умретъ! Теперь много средства нѣтъ». «А я такъ знаю, что есть, и что Богъ тебѣ пошлетъ; только, сколько надобно?» «На первый случай около двухъ милліоновъ рублей, пока безъ притѣсненія народнаго болѣе получу». «Не можно ли поменѣе?» отвѣчалъ князь голосомъ надежнымъ, — «такъ я тебѣ промышлю». Къ сему слову государь приставъ съ веселымъ уже видомъ началъ убѣждать Ромодановскаго, чтобъ онъ скорѣе ему тайность сію объявилъ, ибо звалъ, что онъ лгать не любилъ. «Не скажу, а услужу. Успокойся! Довольно того, что я помощь государству въ такой крайности учинить долженъ». При семъ, когда наступила уже ночь, хотѣлъ было Ромодановскій идти отъ него прочь; но Петръ Великій обнялъ его, просилъ неотступно, чтобъ онъ долѣе не думалъ, открылъ бы ему сіе и увѣрилъ бы, когда получить деньги, — не выпуская его изъ своихъ рукъ. Князь, видя, что уже ему никакъ отдѣлаться было не можно, сказалъ: «Жаль мнѣ тебя, Петръ Алексѣевичъ, быть такъ! Поѣдемъ теперь, но не бери съ собою никого». Обрадованный государь и аки бы вновь отъ сего переродившійся слѣдовалъ за нимъ; поѣхали они обще въ Преображенска въ Кремль; прибыли въ тайный приказъ, надъ которымъ былъ князь

Ромодановскій главноначальствующимъ, вошли въ присутственную палату, въ которой, кромѣ сторожа, никого не было. Князь приказывалъ ему отодвигать стоящій у стѣны шкафъ, въ которомъ находились приказныя книги; дряхлый и престарѣлый сторожъ трудился, — недоставало его силы: принялся помогать ему самъ государь; шкафъ былъ отодвинутъ, появилась желѣзная дверь. Любопытство монаршее умножалось. Ромодановскій, приступивъ къ дверямъ, осматривалъ висящую восковую печать, слыхалъ ее съ тѣмъ перстнемъ, который былъ на его рукѣ и которымъ входъ былъ запечатанъ, при чемъ свѣчу держалъ его величество. Потомъ, вынувъ изъ кармана хранящійся въ кошелькѣ ключъ, отпиралъ онымъ дверь, — замокъ заржавѣлъ, понеже дѣтъ съ двадцать отпиралъ не былъ, и про что никто, кромѣ князя и сторожа, не вѣдалъ, ибо не токмо переставлять шкафъ на иное мѣсто, да и любопытствовать о семъ подъ лишеніемъ живота подзаконнымъ запрещено было со времени царя Алексѣя Михайловича. Подъ видомъ тѣмъ, яко бы въ находящихся за онымъ шкапомъ палатахъ хранились тайныя дѣла. Потомъ государь нытъся отворить самъ, но не могъ; послалъ сторожа сыскать ломъ и топоръ, принявъ всѣ трое работать, наконецъ чрезъ силу свою великую ломомъ монархъ дверь отпиралъ. При входѣ своемъ въ первую палату, которая была со сводомъ, къ несказанному удивленію увидѣлъ его величество наваленныя груды серебряной и позолоченой посуды и обруи, мелкихъ серебряныхъ денегъ и голландскихъ ефимковъ, которыми торговцы чужестранные платили таможенную пошлину, и на которыхъ находилось въ среднѣмъ начеканное московское мѣло для того, чтобъ она вышла рублей въ Россіи хождение свое имѣла, множество соборей, причей мягкой рухляди, бархатовъ и шелковыхъ матерій, которые либо мода пошла, или сгнили. А какъ государь, смотря на сіе послѣднее и пожиналъ плечали, сожалѣлъ и говорилъ: «Дядя, это все сгнило», — то князь отвѣчалъ: «Да не пропажо». По семъ любопытство побуждало Петра Великаго идти въ другую палату посмотреть, что тамъ находится, но князь, его не

пустя, остановилъ и сказалъ: «Петръ Алексѣевичъ, полно съ тебя теперь и этого; будетъ время, такъ отдамъ и достальное. Возьми это и, не трогая монастырскаго, вели чиновать себѣ денегъ». Государь расцѣловалъ почтениаго и вѣрнаго старика, благодарилъ его за соблюденіе сокровища и спрашивалъ: какими образомъ безъ свѣдѣнія братьевъ и сестры его Софій по сію пору сіе оставалось. «Такими образомъ», отвѣчалъ Ромодановскій; — «когда родитель твой царь Алексѣй Михайловичъ въ разные времена отъѣзжалъ въ походы, то по довѣренности своей ко мнѣ лишніе деньги и сокровища отдавалъ на сохраненіе мнѣ. При концѣ жизни своей, призывая меня къ себѣ, завѣщалъ, чтобъ я никому сего изъ послѣдниковъ не отдавалъ до тѣхъ поръ, развѣ воспослѣдуетъ въ деньгахъ при войнѣ крайняя нужда. Сіе его повелѣніе наблюдалъ свято и видя нынѣ твою нужду, вручаю столько, сколько надобно, а впредь все твое». «Збыло благодаренъ тебѣ, дядя! Я вѣрности твоей никогда не забуду». Въ самомъ дѣлѣ, сіе помогло только, что напечатанными изъ сего деньгами не только войски всѣмъ потребнымъ снабдены были, но и войну безпрепятственно продолжать было можно. Перелитые же колокола доставили довольное число пушекъ. Сія-то великая заслуга поселила въ сердцѣ Петровомъ благодарности такую къ князю Ромодановскому, что онъ предъ всѣми прочими вельможами князя Ромодановскаго, которому отъѣзное почтеніе монархъ оказывалъ и довѣренность, болѣе любилъ.

46.

Въ 1702 году генералъ-фельдмаршалъ Шереметевъ, разбивъ шведскаго генерала Шлиппенбаха войско, одержалъ надъ нимъ побѣду, съ полученіемъ многихъ плѣнныхъ, знаменъ и всей тяжелой артиллеріи, и принудилъ Шлиппенбаха съ достальнымъ войскомъ отступать къ Пернову. Царь Петръ, получивъ о сей побѣдѣ вѣстіе, сказалъ: «Благодареніе Богу! Наконецъ достигли мы до того, что Шведовъ уже побѣждаемъ».

47.

По взятіи отъ Шведовъ Митавы, когда російскія войски вошли въ городъ и увидѣли въ главной церкви подъ сводомъ, гдѣ погребены тѣла герцоговъ Курляндскихъ, что тѣла ихъ въ гробовъ выброшены и ограблены, то остановясь, прежній карауль шведскій оставили, призвали полковника шведскаго и коменданта Кнорринга, котораго обличивъ святотатствомъ гробницъ и храма, взяли отъ него и отъ жителей сего города письменное свидѣтельство, что сіе учинено его товарищами. Государь, ужаснувшись такому беззаконію, повелѣлъ сіе свидѣтельство обнаруживать, чтобъ знали безчеловѣчіе шведскихъ солдатъ, и чтобъ такимъ злѣствомъ послѣ напрасно Россіяны не безчестили, сказавъ при томъ сіе: «Шведская алчность не даетъ и мертвымъ костямъ покоя; не довольствуясь грабежами на землѣ, грабятъ и подъ землею».

48.

Генераль-маіоръ князь Голицынъ, одержавъ надъ шведскими генераль-маіоромъ Розеномъ подъ Добрымъ близъ рѣки Наны знатную побѣду, спрошенъ былъ Петромъ Великимъ: «Скажи, чѣмъ тебя наградить?» На что онъ отвѣчалъ: «Всемилюбіишій государь, простите князя Репнина» (который внаглъ не задолго передъ сѣмъ въ немилость государскую). «Какъ!» сказалъ государь, — «развѣ ты забылъ, что Репнинъ твой врагъ?» «Знаю», говорилъ Голицынъ, — «и для того вашего величества о помилованіи его прошу». На сіе Петръ Великій отвѣчалъ: «Великодушіе твое похвально, заслуга твоя достойна награды, и для тебя его прощаю». Но сверхъ того, князю Голицыну пожаловалъ орденъ святаго апостола Андрея. Князь Голицынъ приобрѣлъ при сѣмъ случаѣ сугубую славу какъ храбростію, такъ и великодушіемъ, а государь показавъ, сколь умѣетъ онъ воздавать подданному за его заслуги.

49.

Его величество, получа отъ генераль-фельдцейхмейстера Брюса письмо, которое прочитавъ, весело сказалъ: «Благодарю

Бога! Изъ Нейштата благопріятны вѣтры къ намъ дуютъ». Послѣ сего вставъ пошелъ съ такимъ вѣстіемъ къ императрицѣ.

50.

Разговаривая государь о безчеловѣчныхъ поступкахъ Шведовъ при Нарвѣ, сказалъ: «Герои знамениты великодушіемъ, а звѣри — лютостію. Въ Шведахъ перваго нѣтъ, но послѣднее вездѣ явно».

51.

Государь, возвратясь изъ сената и видя встрѣчающую и прыгающую около себя собачку, сѣлъ и гладилъ ее, а при томъ говорилъ: «Когда бъ послушны были въ добръ такъ упрямцы, какъ послушна мнѣ Лизета (любимая его собачка), тогда не гладилъ бы я ихъ дубиною. Моя собачка слушаетъ безъ побой; знать, въ ней болѣе догадки, а въ тѣхъ заматерѣлое упрямство».

52.

Разсматривая съ Брюсомъ проекты укрѣпленія крѣпостей, мысли свои о сѣмъ государь объяснялъ такъ: «Правда, крѣпость дѣлаетъ непріятелю отпоръ, однако у Европейцевъ не надолго. Побѣду рѣшить военное искусство и храбрость полководцевъ и неустрашимость солдатъ. Грудь ихъ — защита и крѣпость отечеству. Слѣдѣтъ за стѣною удобно противъ Азіатцевъ».

53.

«Отпиши, Макаровъ, къ Астраханскому губернатору, чтобъ впредь лишняго ко мнѣ не бредилъ, а писалъ бы о дѣлѣ кратко и ясно. Знать, онъ забылъ, что я многоглазыхъ вралей не люблю; у меня и безъ того хлопотъ много; или велю ему писать къ князю Ромодановскому, такъ онъ за болтаніе его проучитъ».

54.

«Если Богъ продлитъ жизнь и здравіе, Петербургъ будетъ другой Амстердамъ».

55.

«Объѣди, Мурзавитъ, къ князю-цесарю, чтобъ пожаловалъ къ намъ хлѣба кушать. Мы и прочіе милостію его царскаго величества довольны. Онъ повысилъ насъ чинами».

Надлежитъ знать, что государь за морскую у Гангута баталію объявленъ былъ отъ князя-цесаря Ромодановскаго въ разсужденіи вѣрнооказанныхъ и храбрыхъ службы вице-адмираломъ.

56.

Государю предлагаема была для забавы въ одно время въ Польшѣ отъ магнатовъ охота за звѣрями, на что онъ отвѣчалъ имъ благодарствуя: «Довольно охоты той, чтобъ гоняться и за Шведами».

57.

О писаніи указовъ Петръ Великій говорилъ Макарову въ токарной: «Надлежитъ законы и указы писать ясно, чтобъ ихъ не переголковать. Правды въ людяхъ мало, а коварства много. Подъ нихъ такіе же подкопы чипать, какъ и подъ «фортецію».

58.

При строеніи Кронштадтской гавани и Кроншлота въ морѣ присутствовалъ государь часто самъ и князю Мещикову о семъ говорилъ: «Теперь Кронштадтъ въ такое приведетъ состояніе, что непріятель въ морѣ близко появиться не смѣетъ. Инако разшибемъ корабли въ щепы. Въ Петербургѣ свать будемъ спокойно».

59.

Въ день торжественнаго мира съ Швеціею, въ комнатѣ своей государь къ ближнимъ при себѣ говорилъ, будучи чрезвычайно веселъ: «Благодать Божія чрезъ двадцать лѣтъ вѣнчаетъ тяжкіе труды и утверждаетъ благополучіе государства, благополучіе и спокойствіе мое. Сія радость превышаетъ всякую радость для меня на земли».

60.

Когда императрица сама трудилась съ комнатными своими дѣвицами въ вышиваніи по голубому гарнитуру серебромъ кафтана я, по окончаніи работы, поднесла оный его величеству, прося, чтобы благоволилъ онъ удостоить труды ея и надѣть его въ день торжественнаго ея коронованія, то государь, посмотрѣвъ на платье, взялъ кафтанъ и тряхнулъ его. Отъ потрясенія полетѣло съ платья нѣсколько на полъ канители, чему подивясь сказалъ: «Смотри, Катенька, пропало дневное жалованье солдата». Сей кафтанъ въ угодность супруги своей имѣлъ государь на себѣ только во время празднества коронаціи и послѣ никогда его не надѣвалъ, почитая оный неприличною себѣ одеждою, ибо обыкновенно носилъ гвардейскій мундиръ или флотскій ¹⁾.

61.

Его величество, чувствуя въ себѣ болѣзнь, но пренебрегая оною, отправился въ сырую погоду на Ладожской каналъ, а оттуда въ Сестрелекъ водою я, по возвращеніи видя оную умножившуюся, Блуменгросту говорилъ: «Болѣзнь упряма, знаетъ то натура, что творить, но о пользѣ государства пещись надлежитъ неусыпно, доколѣ силы есть».

62.

Весѣдуя государь съ корабельными и парусными мастерами и флотскими офицерами такъ развеселился, что самъ пуще подчинять началъ. Тогда каждый, обнимая Петра Великаго, увѣрялъ о любви своей и о усердной службѣ, а монархъ отвѣчалъ имъ: «За любовь, за вѣрность и службу награда не словомъ, а дѣломъ; сіе вы доказали. Я вамъ благодаренъ».

¹⁾ [Сей кафтанъ находится изъ воспоминаній его изображеніи въ Санктпетербургской кунсткамерѣ].

63.

Петръ Великій, проходя за полночь чертежную свою и прибитыя Нартова, сидящаго за чертежемъ Кропштадтскаго канала, къ которому поручено было ему придумать механическіе способы, какъ бы легче и прямѣе колоть и пилить камень, которыми каналъ устилаться долженствовалъ, и какимъ образомъ отворить и запирагь слюзные ворота, подошелъ къ нему, посмотрѣлъ на труды его и, видя его вздремавшаго, а себѣу оплывшую и пылающую, ударилъ по плечу, сказавъ: «Прилежность твоя, Андрей, похвальна; только не сожги дворца!» На другой день пожаловалъ ему пятьдесятъ червонцевъ двурублевыхъ, говоря при томъ: «Ты помогаешь мнѣ въ надобности моей, а я помогаю тебѣ въ нуждѣ твоей».

64.

Когда Нартовъ просилъ его величество окрестить сына его поворожденнаго, тогда отвѣчалъ ему: «Добро!» И оборотясь къ государынѣ, съ усмѣшкою сказалъ: «Смотри, Катенька, какъ мой токарь вь дома точить хорошо». Окрестя, пожаловалъ онъ ему триста рублей да золотую медаль: подарокъ при крещеніи весьма рѣдкій, ибо Петръ Великій на деньги былъ не чливъ и свободнѣе давалъ деревни; тогда обѣщалъ государь ему деревню, однако за скоро приключившеюся болѣзнію и ковычною сего не воспользовало.

65.

Государь, разсматривая въ токарной планъ учрежденія Академіи Наукъ въ Санктпетербургѣ съ архіатеромъ Блуменстромъ при Брюсѣ и Остерманѣ, взглянувъ на Нартова, говорилъ ему: «Надлежитъ при томъ быть департаменту художествъ, а паче механическому; привезенное изъ Париза отъ аббата Биньона и писанное тобою о семъ прибавить. Желаніе мое — насадить въ столицѣ сей рукоесліе, науки и искусства вообще». При семъ случаѣ его величество назначилъ быть президентомъ сей Академіи Блуменстрога.

66.

Докладывано было государю, что въ Петербургъ пріѣхали плясуны и балансеры, представляющіе разныя удивительныя штуки, на что его величество генералу-полицеймейстеру Девіеру отвѣчалъ такъ: «Здѣсь надобны художники, а не фигляры. И видѣтъ въ Парижѣ множество шарлатановъ на площадяхъ. Петербургъ по Парижъ; пускай чиновные смотрятъ дурачества такія недѣлю, только съ каждаго зѣваки не больше гривенны, а для простого народа выставить сихъ бродягъ безденежно предъ моими садомъ на лугу; потомъ выслать изъ города вонъ. Къ такимъ праздностямъ пріучать не должно. У меня вь своихъ фигляровъ между матросами довольно, которые по корабельнымъ снастямъ пляшутъ и головами внизъ становятся на мачтовомъ верхнемъ марсѣ. Пришельцамъ, шатунамъ сорить деньги безъ пользы — грѣхъ».

67.

При случаѣ фейерверка, которымъ императоръ во время мѣрнаго торжества управлялъ и самъ оный зажигалъ, когда онъ удачно кончился, то придворные льстецы, выхваляя, что огни государь удивительно пускалъ хорошо, однако при томъ дѣйствіи быть опасно, получили слѣдующій отъ монарха отвѣтъ: «Такіе ли огни пущалъ я при Полтавѣ, да не раненъ!»

68.

Его величество, взявъ съ собою прибывшаго изъ Париза, въ службу принятаго, славнаго архитектора и инженера Леблоня, при которомъ случаѣ по повелѣнію монаршему находился и Нартовъ съ чертежемъ, который дѣлалъ онъ, поѣхалъ въ шлюбкѣ на Васильевскій островъ, который довольно былъ уже выстроенъ, и каналы были прорыты; обходя сей островъ, разсматривая мѣста и показывая архитектору планъ, спрашивалъ: что при такихъ погрѣшностяхъ дѣлать надлежитъ. Леблонъ, пожавъ плечами, доносилъ: «Все срыть, государь, сломать, строить вновь и дру-

гѣ вырыть каналы». На что его величество съ великимъ неудовольствіемъ и досадою сказалъ: «И я думалъ тожь». Государь возвратился потомъ во дворецъ, развернулъ пакъ планъ, видѣлъ, что по оному не исполнено, и что ошибки невозвратныя, призвалъ князя Меншикова, которому въ отсутствіе государево надъ симъ главнымъ смотрѣніемъ поручено было, и съ гнѣвомъ грозно говорилъ: «Василья Корчмина батареи лучше распорядены были на острову, нежели подъ твоимъ смотрѣніемъ теперешнее тутъ строеніе. Отъ того былъ успѣхъ, а отъ сего убытокъ невозвратный. Ты безграмотной, ни счета, ни мѣры не знаешь. Чортъ тебя побери въ островомъ!» При семъ, подступая къ Меншикову, схватилъ его за грудь, потрясъ его столь сильно, что чуть было душа изъ него не выскочила, и вытолкнулъ потѣмъ вонъ. Всѣ думали, что князь Меншиковъ чрезъ сію вину лишится милости; однако государь послѣ, пришедъ въ себя, кротко говорилъ: «Я виноватъ самъ, да поздно; сіе дѣло не Меншиково; онъ — не строитель, а разоритель городовъ».

Василій Корчминъ — бомбардирской роты офицеръ, котораго батареи на Васильевскомъ острову на берегу устья рѣки Невы съ великимъ успѣхомъ дѣйствовали [въ морѣ] противъ приближавшихъ Шведовъ, [и] по имени котораго прозванъ сей островъ.

69.

[Петръ Великій, сажая самъ дубовые желуди близъ Петербурга по Петергофской дорогѣ, желалъ, чтобъ вездѣ разводимъ былъ дубъ, и, примѣтивъ, что одинъ изъ стоящихъ тутъ знатныхъ особъ, трудясь его улыбуясь, оборотясь къ нему, гнѣвно промолвилъ: «Понимаю! Ты мнишь, не доживу я матерыхъ дубовъ. Правда! Но ты — дуракъ; я оставлю примѣръ прочимъ, чтобъ, дѣлая то же, потомки со временемъ строили изъ нихъ корабли. Не для себя тружусь, польза государству впредь».]

О разведеніи [и] соблюденіи лѣсовъ изданы были государемъ многіе указы строгіе, ибо сіе было одно изъ важнѣйшихъ его предметовъ.

70.

Будучи на строеніи Ладожскаго канала и радуясь успѣшной работѣ, къ строителямъ государь говорилъ: «Невою видѣли изъ Европы ходящія суда, а Волгою нашею» — указавъ на каналъ — «увидятъ въ Петербургѣ торгующихъ Азіатцевъ».

Желаніе его величества было безмѣрное соединить симъ море Каспійское съ моремъ Балтійскимъ и составить въ государствѣ своєюмъ коммерцію съверо-западную и восточную чрезъ сопряженіе рѣкъ Мсты и Тверды однимъ каналомъ изъ Финляндскаго залива чрезъ Неву рѣку въ Ладожское озеро, оттуда чрезъ рѣку Волховъ въ озеро Ильмень, въ которое впадаетъ Мста, а тою рѣкою до рѣки Тверцы, впадающей въ Волгу, а сию — въ Каспійское море.

71.

Петръ Великій былъ истинный богопочитатель и блюститель вѣры христіанскія и, подавая многіе собою примѣры того, говорилъ о вольнодумцахъ и безбожникахъ такъ: «Кто не вѣруетъ въ Бога, тотъ либо сумасшедшій, или съ природы безумный. Зрячій Творца по твореніямъ познать долженъ».

72.

Генералъ-полѣмейстеру Девіеру, доносившему о явившихся кликунахъ, приказывалъ его величество такъ: «Кликушѣ за первый разъ — плети, за второй — кнутъ, а если и за сими не уймется, то — быть безъ языка, чтобъ впредь не кликали и народъ не обманывали!»

73.

О ложнобѣснующихся говорилъ государь: «Надлежитъ попытаться изъ бѣснующагося выгнать бѣса кнутомъ; хвостъ кнута длиннѣе хвоста чертоваго. Пора забужденія искоренять изъ народа!»

74.

Когда о корыстолюбивыхъ преступленіяхъ князя Меншикова представляемо было его величеству докладомъ, домогавсь вслучески при такомъ удобномъ случаѣ привести его въ совершенную немилость и несчастіе, то сказалъ государь: «Вина немалая, да прежнія заслуги болѣе. Правда, вина была уголовная, однако государь наказалъ его только денежнымъ изысканіемъ, а въ токарной тайно при мнѣ однимъ выколотилъ его дубиной и потомъ сказалъ: «Теперь въ послѣдній разъ дубина; ей, впредь, Александра, берегись!»

75.

Его величество, присутствуя на іордани и командуя самъ полками, возвратясь во дворецъ, императрица говорила: «Зрѣлище пріятное—видѣть строй десяти полковъ на льду Невы, кругомъ іордани стоящихъ. Во Франціи не повѣрили бы сему». Потомъ, обратясь къ штабъ-офицерамъ гвардейскимъ, сказалъ: «Морозъ сильный, только солдаты мои сильнѣе. Они маршировали такъ исправно, что паръ только шелъ столбомъ, и усами только покачивали. Я примѣтилъ, господа чужестранные министры закутались въ шубы, дивились тому и пожимали плечами, почитая, можетъ быть, сіе жестокостію, но мы родились въ сѣверѣ и сносить такой морозъ можемъ; приучать солдата къ теплу не должно».

76.

Шествующему императору въ сенатъ, на дорогѣ палъ въ ноги юноша лѣтъ пятнадцати и, подавая челобитную, просилъ въ ней о прощеніи отца своего, за преступленіе къ смерти осужденнаго, возгласивъ со слезами такъ: «Всемигостивѣйшій государь, помилуй несчастнаго отца моего, повели вмѣсто его наказывать меня; готовъ умереть за него». Его величество, развернувъ бумагу и посмотрѣвъ въ нее, сказалъ: «Онъ виноватъ, а ты нѣтъ». Потомъ хотѣлъ идти далѣе; однако просящій юноша палъ ваки лицомъ къ земли, схватилъ за ноги монаршіи и рыдая говорилъ: «Помилуй

отца и меня; я вину его вашему величеству заслужу и Богомъ исполнить сіе обещаюсь». Государь, сожалѣніемъ тронутый, спросилъ его: «Кто тебя научилъ?» «Никто», отвѣчалъ сѣбя стоящій на колѣняхъ отрокъ,—«сыновняя любовь; со смертію его смерть [и] моя». По семъ Петръ Великій, пристально посмотрѣвъ на лицо юноши сего, коего черты обѣщавали быть въ немъ честнаго человѣка и добраго слугу государству, понеже его величество прощаніемъ своимъ въ избраніи подданныхъ нелегко ошибался и имѣлъ дарованіе по наружности людей познавать, сказалъ: «Убѣдительный примѣръ: счастливъ отецъ, имѣя такого сына!»

Его величество вошелъ въ сенатъ, пересказывалъ сыновнюю къ отцу горячность, велѣлъ прошеніе сіе прочесть и несчастному даровалъ жизнь. А сынъ его, записанный въ службу, самымъ дѣломъ, усердіемъ и вѣрностію своею убѣреніе сіе исполнилъ, достигнувъ заслугами до чина генеральскаго, который былъ мнѣ хорошій пріятель и по фамиліи прозывался Желябужской.

77.

Его императорское величество, ради мирнаго со Швеціею торжества возблагодаря Бога и желая къ народу показать милосердіе, отпустилъ преступленія тяжкихъ винъ, оставлялъ государственныя долги и недоимки, отворилъ заключеннымъ двери темницъ и даровалъ свободу, говоря съ восхищеніемъ: «Прощаю и молю Бога, да проститъ мнѣ; но никто же безъ грѣха, кромѣ Сотворшаго насъ; отпуская другимъ, отпустится и намъ; пусть веселятся и радуется со мною Россія, чувствуя промыслъ Вышняго!»

78.

Нѣкогда отданъ былъ въ походъ одинъ офицеръ гвардіи полъ военный судъ, который за неосторожный противъ военныхъ законовъ проступокъ, учиненный имъ противъ непріятеля, присудилъ его повѣсить. Сентенція объявлена была ему въ присутствіи его полковника, государя. Осужденный, поклонясь его величеству,

просилъ такъ: «Виновать, но будь милостивъ яко Богъ, избавь отъ вѣнчанья и отъ позорной смерти!» Петръ Великій на сіе отвѣчалъ: «Добро, ради прежней службы облегчить и разстрѣлять!» А офицеръ, поклонясь, говорилъ такъ: «Я лучше бы желалъ быть застрѣленъ отъ непріятелей, нежели отъ своихъ солдатъ, съ которыми защищалъ отечество. Прощай, государь, вспомни прежнюю вѣрность мою, посмотри на раны и прости! Обещаюсь быть осторожнѣе и вину свою заслужить. Оплошность моя, а не вѣдѣна». При чемъ вдругъ открылъ грудь свою, обнажилъ руку и показывалъ язвы и пластыри. Монархъ перемѣнился въ лицѣ, на глазахъ явились слезы; всталъ съ мѣста своего и къ судящимъ штабъ- и оберъ-офицерамъ спускательнымъ сказалъ: «Что теперь, господа, скажете?» А какъ они молчали и ожидали послѣдняго рѣшенія отъ государя, то гласомъ милосерднымъ заключилъ сей судъ такъ: «Сія свидѣтельства даруютъ тебѣ жизнь; прощаемъ, только блюди обѣщаніе», — что сей офицеръ въ самомъ дѣлѣ исполнилъ. Вскорѣ послѣ того выпросился онъ у государя съ особымъ отрядомъ, впадалъ съ такою храбростію на Шведовъ, что, разбивъ ихъ, одержалъ побѣду и, будучи при семъ случаѣ вновь раненъ въ голову, умеръ. Однако, будучи нѣсколько часовъ до смерти живъ, при концѣ послѣдняго выдыханія въ палаткѣ къ офицерамъ съ радостію говорилъ: «Генеръ-то, братцы, умираю я спокойно и честно, заслуживъ вину свою предъ государемъ».

79.

Петръ Великій не любилъ никакой пышности, великолѣпія и многихъ прислужниковъ. Публичные столы отправлялъ у князя Меншикова, куда званы были и чужестранные министры; у себя же за обыкновеннымъ столомъ не приказано было служить придворнымъ лакеемъ. Кушанье его было: кислый щи, студень, каша, жареное съ огурцами или лимонами соевыми, солонина, ветчина, да отиѣнно жаловалъ лимбургскій сыръ; все сіе подавалъ мундиромъ его Фельтенъ. Водку употреблялъ государь анисовую, обыкновенное питье — квасъ, во время обѣда пилъ вино эрми-

тажъ, а иногда венгерское; рыбы никогда не кушалъ; за столомъ стоялъ всегда одинъ изъ дневальныхъ дежурныхъ; о лакеяхъ же говаривалъ: «Не должно имѣть рабовъ свидѣтелями того, когда хозяинъ ѣстъ и веселится съ друзьями. Они — переносчики вѣстей, болтаютъ то, чего не бывало».

80.

Въ бесѣдахъ его величество бывалъ веселъ, разговорчивъ, обходителенъ въ простотѣ, безъ церемоній и вычуровъ и любилъ около себя имѣть веселыхъ, но умныхъ людей; досадчиковъ въ бесѣдѣ не терпѣлъ и въ наказаніе тому, кто кого оскорбилъ словомъ, давалъ пить покаяна по три вина или ковшъ съ виномъ, называемый Орель, чтобъ лишняго не вралъ и не обижалъ; словомъ, онъ и гости его забавлялись равно; непримѣтно было въ немъ того, что онъ былъ самодержавный государь, но казался быть простымъ гражданиномъ и пріятелемъ. Я многаяжды бывалъ съ императоромъ въ такихъ бесѣдахъ и такому обхожденію его былъ свидѣтель.

Обыкновенно вставалъ его величество утромъ часу въ пять, съ полчаса прохаживался по комнатѣ; потомъ Макаровъ читалъ ему дѣла; послѣ, позавтракавъ, выѣзжалъ въ шесть часовъ въ одноколѣ или верхомъ къ работамъ или на строенія, оттуда въ сенать или въ адмиралтейство. Въ хорошую погоду хаживалъ пѣшкомъ. Обѣдалъ въ часъ по полудни. Въ десять часовъ пилъ одну чарку водки и заѣдалъ крекелемъ; послѣ того, спустя полчаса, ложился почивать часа на два; въ четыре часа послѣ обѣда отправлялъ такіе разные дѣла; по окончаніи оныхъ тачивалъ; потомъ либо выѣзжалъ къ кому въ гости, или дома съ близкими веселился. Такая-то жизнь была сего государя. Голландскія газеты читывалъ послѣ обѣда, на которыя дѣлывалъ свои примѣчанія и надобное означалъ въ нихъ карандашомъ, а иное — въ записной книжкѣ, имѣя при себѣ готовальню съ потребными инструментами математическими и хирургическими. Допускъ по дѣламъ предъ

государя былъ [въ] особый кабинетъ подлѣ токарной или въ самую токарную. Обыкновенно допускаемы были: съ доклада— канцлеръ графъ Головкинъ, генераль-прокуроръ графъ Ягужинской, генераль-фельдцейхмейстеръ графъ Брюсъ, вице-канцлеръ баронъ Шафировъ, тайный совѣтникъ Остерманъ, графъ Толстой, сенаторъ князь Долгорукій, князь Меншиковъ, генераль-поліцеймейстеръ Дивіеръ, флотскіе флагманы, корабельные и прочіе мастера; безъ доклада—князь-цесарь Ромодановскій, фельдмаршалъ графъ Шереметевъ, которыхъ провожалъ до дверей кабинета своего, да ближніе комнатные: механикъ Нартовъ, секретарь Манаровъ, денщики, камердинеръ Полубояровъ. Черезъ сихъ-то послѣднихъ докладываемо было его величеству о приходившихъ особахъ. Даже сама императрица Екатерина Алексѣевна обсылалась напередъ, можетъ ли видѣть государя, для того, чтобъ не помѣшать супругу своему въ упражненіяхъ. Въ сихъ-то комнатахъ произносились всѣ государственныя тайности; въ нихъ оказываемо было монаршее милосердіе и скрытое хозяйское наказаніе, которое никогда не обнаруживалось и вѣчному забвенію предаваемо было. Я часто видалъ, какъ государь за вины знатныхъ чиновъ людей здѣсь дубиною подбивалъ, какъ они послѣ сего съ веселымъ видомъ въ другія комнаты выходили и со стороны государевой, чтобъ посторонніе сего не примѣтили, въ тотъ же день къ столу удостоиваны были. Но все такое исправленіе чинилось не какъ отъ императора подданному, а какъ отъ отца сыну: въ одинъ день наказанъ и пожалованъ. Сколь монархъ былъ вспыльчивъ, столько и снисходителенъ; да иначе и быть ему почти не можно было по тѣмъ досадамъ, которыя противъ добра, устрояемаго имъ, чинились. При всемъ томъ былъ великодушенъ и прощалъ вины великія неоднократно, если раскаяніе принесено ему чистосердечное.

81.

Петръ Великій, употребляя марціальныя воды на Истедскихъ желѣзныхъ заводахъ, разстояніемъ отъ Москвы въ девяносто

верстахъ по Калужской дорогѣ, отъ Баева колодезя вправо, принадлежавшихъ тогда заводчику Миллеру, куда привезенъ былъ и токарный станокъ, и имъ при томъ быть приказано было, впервыхъ, для того, чтобъ обще съ государемъ точить, а восторыхъ, чтобъ разные дѣлать опыты надъ плавкою чугуна для литья пушекъ. Для тѣлодвиженія, кромѣ точенія, выковывалъ самъ его величество желѣзныя полосы, при плавкѣ изъ печей выпускалъ чугунъ, на перейкѣ бывалъ въ греблѣ и осматривалъ на ней укрѣпленія плотинъ. Во время пребыванія своего тамо болѣе четырехъ недѣль выковалъ нѣсколько пудъ желѣза, положивъ на немъ клейма съ означеніемъ года, мѣсяца и числа, которые и повинѣ въ память трудовъ сего монарха хранятся на тѣхъ заводахъ. Наконецъ, освѣдомясь, какую ковать-мастеръ получаетъ за то плату, при отъѣздѣ своемъ у заводсодержателя Миллера требовалъ заработныхъ денегъ, сказавъ ему: «Я выработалъ у тебя за осьминадцать пудъ осьминадцать алтынъ; заплати!» И когда Миллеръ сіи деньги государю вручилъ, тогда его величество говорилъ: «Бродя по заводу, набилъ я подошвы; возвратясь въ Москву, на эти деньги куплю въ радахъ башмаки»,—которые, подлинно купя и нося, показывалъ многимъ и рассказывалъ, что выработалъ онъ ихъ самъ своими руками. Черезъ сіе подавалъ онъ подданнымъ образецъ, что воздаяніе пріобрѣтается трудами, и что онъ даже низкія работы не пренебрегалъ и всему учился самъ.

82.

Его величества камердинеръ Полубояровъ жаловался государю, что жена его ослушается и съ нимъ не спитъ, отговариваясь зубною болью. «Добро», сказалъ онъ, — «я ее поучу». Въ одинъ день, зашедши государь къ Полубояровой, когда мужъ ея былъ въ дворцѣ, спросилъ ее: «Я слышалъ, болитъ у тебя зубъ?» «Нѣтъ, государь», доносила камердинерша съ трепетомъ, — «я здорова». «Я вижу, ты трусишь». Отъ страха не могла она болѣе отрицаться, повиновалась. Онъ выдернулъ ей зубъ здоро-

вый и послѣ сказалъ: «Повинуйся впредь мужу и помни, что жена да боится своего мужа, инако будетъ безъ зубовъ». Потомъ, возвратясь его величество во дворецъ, при мѣ усмѣхнувшись Полубоярову говорилъ: «Поди къ женѣ, я выѣзжалъ ее; теперь она ослушна тебѣ не будетъ».

Сие было точно такъ, а не инако, какъ прочіе рассказываютъ, будто бы Полубояровъ, осердясь на жену свою, о зубной боли государю извелъ напрасно жалобу, будго бы государь, узнавъ такую ложь, послѣ за то наказалъ его дубиной. Намѣреніе его было дать женѣ почувствовать и привести ее въ повиновеніе къ мужу, понеже жалоба на нее отъ мужа была еще и та, что она, имѣя любовника, его презрала.

Надобно вѣдать, что государь часто хирургическія операціи при разныхъ случаяхъ дѣлывалъ самъ и имѣлъ въ ономъ знаніе. Вырванныхъ зубовъ находится цѣлый ящикъ съ пелюками и пещами въ кунсткамерѣ.

83.

Его величество, сидя у окна и увидѣвъ, что на Невѣ при вѣтрѣ плаваютъ буеры и другія суда подъ парусами, прилучившемуся тогда фанъ-Брунису, флотскому овицеру и Экипажмейстеру, котораго онъ жаловалъ, сказалъ: «Господиъ фанъ-Брунису, приготовь мой богъ, я съ ними повеселюсь. Слава Богу, вижу, что труды мои не тщетны!» Потомъ, сѣвъ съ Брунсомъ въ богъ, плавалъ противу крѣпости, встрѣчался съ другими судами, кричалъ: «гусс, гусс», поворотилъ къ Лахтѣ, оттуда путь воспріалъ къ Дубкамъ, гдѣ переночевалъ; на другой день благополучно возвратился въ Петербургъ.

NB. Государь велѣлъ парусныя и гребныя суда комиссару Потемкину разныхъ чиновъ людямъ раздать безденежно, а какимъ образомъ оными управлять — написалъ собственноручную инструкцію, повелѣвъ въ указный часъ по сигналу съѣзжаться для обученія на Невѣ.

84.

Его величество, получивъ отъ Прусскаго короля письмо, въ которомъ онъ благодарилъ за присланную, собственными руками Петра Великаго точеную табакерку, на которой изображенъ былъ портретъ его, сказалъ Нартову: «Я зналъ, что работа наша королю пріятнѣе золота. Онъ — такъ, какъ и я: роскоши и лотоства не любить».

85.

Государь, вспомя о фельдмаршалѣ графѣ Борисѣ Петровичѣ Шереметевѣ, вздохнувъ, съ сожалѣніемъ сказалъ: «Бориса Петровича нѣтъ уже, не будетъ скоро и насъ. Храбрость и вѣрная его служба не умрутъ и памяты будутъ въ Россіи всегда».

Мнѣ самому случалось видѣть неоднократно, что Петръ Великій, уважая его отменно, встрѣчалъ и провожалъ его не яко подданнаго, а яко гостя-героя, и говорилъ: «Я имѣю дѣло съ командиромъ войскъ».

86.

Въ 1719 году, по одержаніи совершенной побѣды надъ Шведами генераломъ княземъ Голицынымъ, его величество вознамѣрился пожаловать его деревнями, но онъ, отъ сего отрекшись, получилъ вмѣсто сего шпату драгоцѣнную и денежное награжденіе. Князь Голицынъ, получивъ отъ государя деньги, купилъ на оныя шапки, коты и фуфайки и въ жестокую зиму роздалъ ихъ въ походѣ бывшимъ съ нимъ солдатамъ. Петръ Великій, увѣдомясь о такомъ безкорыстіи и человеколюбіи, душевно былъ доволенъ; увидя князя Голицына и поцѣловавъ его въ лобъ, сказалъ ему: «Прямой сынъ отечества; ты печешься болѣе о здоровьѣ моихъ солдатъ, чѣмъ о себѣ».

87.

О духовныхъ имѣніяхъ разсуждалъ Петръ Великій такъ: «Монастырскіе съ деревень доходы употреблять надлежитъ на

богоугодныя дѣла и въ пользу государства, а не для тунеядцевъ. Старцу потребно пропитаніе и одежда, а архіерею — довольное содержаніе, чтобъ сану его было прилично. Наши монахи за- жирѣли. Врата къ небесамъ — вѣра, постъ и молитва. Я очищу имъ путь къ раю хлѣбомъ и водою, а не стерлядьми и виномъ. Да не дастъ пастырь Богу отвѣта, что худо за заблудшими овцами смотрѣлъ!»

О семъ учрежденіе вышло 31-го генваря 1724 года.

88.

Его величество, возвратясь изъ сената, о князѣ Яковѣ Федоровичѣ Долгоруковѣ, который былъ изъ первыхъ сенаторовъ, генераль-прокурору графу Ягужинскому говорилъ: «Князь Яковъ въ сенатѣ прямой помощникъ; онъ судить дѣльно и мнѣ не потакаетъ, безъ красноты рѣжетъ прямо правду, не смотря на лицо».

89.

О произвожденіи генераловъ, полковниковъ и офицеровъ, оказавшихъ услугу, Петръ Великій сказалъ: «Я постараюсь, только какъ посудитъ князь-цесарь. Видите, что я и о себѣ просить не смѣю, хотя отечеству съ вами послужилъ вѣрно. Надлежитъ избрать удобную часть, чтобъ частымъ представленіемъ его величество не прогнѣвать. Что ни будетъ, я ходатай за васъ, хоть и разсердится. Сердце цесаря въ рукахъ Божіей; помолимся прежде Богу, авось либо будетъ ладъ».

Сей князь-цесарь имѣлъ такую власть и довѣренность, что самаго государя въ чинъ вице-адмирала пожаловалъ за морскую у Гангута баталію. При выѣздахъ садился Петръ Великій въ каретъ противъ князя-цесаря, а не рядомъ съ нимъ, показывая подданнымъ примѣръ, какое оказывать онъ почтеніе и повиновеніе къ высшей особѣ.

Чинъ вице-адмирала отъ князя-цесаря объявленъ былъ царю Петру Алексѣевичу, яко бывшему контръ-адмиралу, въ сенатѣ,

гдѣ князь-цесарь сидѣлъ посреди всѣхъ сенаторовъ на тронѣ и давалъ аудиенцію государю при прочтеніи письменной реляціи подвиговъ его, въ образецъ прочимъ, что воинскія достоинства получаютъ единственно по заслугамъ, а не породю и счастіемъ. Такое произведеніе случилось въ 1714 году.

90.

Нѣкогда князь Меншиковъ, пришедъ къ дверямъ токарной коннаты его величества, требовалъ, чтобъ его туда пустили, но, увидя въ томъ препятствіе, началъ шумѣть. На сей шумъ вышелъ къ нему Нартовъ и, удержавъ силою туда войти хотѣвшаго князя Меншикова, объявлялъ ему, что безъ особаго приказа отъ государя никого впускать не велѣно, и потомъ двери тотчасъ заперъ. Такой непріятный отказъ сего честолюбиваго, тщеславнаго и гордаго вельможи столь разсердилъ, что онъ въ заняти- чивости, оборотясь, съ великимъ сердцемъ сказалъ: «Добро, Нартовъ, помни это». О семъ происшествіи и угрозахъ донесено было тогда же императору, который въ то время точилъ паникадыю въ соборную церковь святыхъ апостоловъ Петра и Павла, яко благоговѣнный даръ, посвящаемый имъ Богу въ благодареніе за полученное имъ облегченіе отъ маршіальныхъ водъ, — на что его величество, разсмѣявшись, произнесъ такую рѣчь: «Гдѣ жъ скрыться отъ ищущихъ и толкущихъ?» Потомъ, взглянувъ взоромъ увѣрительнымъ, сказалъ: «Кто дерзнетъ противъ мастера моего? Посмотрю. Невѣжество художествъ и наукъ не терпитъ, но я наглость рѣшу; подай, Андрей, чернила и бумагу!» Государь тотчасъ написалъ на токарномъ станкѣ слѣдующее и, отдавъ Нартову, промолвилъ: «Вотъ тебѣ оборона; прибери сіе къ дверямъ и на угрозы Меншикова не смотри»: «Кому не приказано, или кто не позванъ, да не входитъ сюда не токмо посторонній, но ниже служитель дома сего, дабы хотя сіе мѣсто хозяинъ покойное имѣлъ». Сей собственною Петра Великаго рукою писанный указъ, данный мнѣ, Нартову, находится у меня понынѣ соблюденнымъ.

Послѣ сего не являлись болѣе докучатели, и тишина была около того мѣста толь велика, что монархъ, видя себя спокойнымъ и забавляясь тѣмъ, механику своему говорилъ: «Теперь, Андрей, по почтѣ ходящихъ сюда не слышно; знать, грома колесъ нашихъ бояться», то-есть, обращенія или движенія колесъ машинныхъ; но въ самомъ дѣлѣ мнилъ его величество чрезъ сіе о прибитой къ двери бумагѣ.

91.

Андрей Нартовъ въ 1718 году, іюня 30-го дня, отправленъ былъ отъ лица царскаго съ дарами и съ нѣсколькими великорослыми солдатами къ королю Прусскому, имѣвшему тогда полкъ потсдамскихъ великановъ. По прибытіи его въ Берлинъ и Потсдамъ, принятъ былъ онъ королемъ весьма милостиво и, живши съ полгода при дворѣ, обучалъ короля нѣсколько точить по собственному желанію его величества и въ угодность Петру Великому, съ которымъ находился онъ въ великой дружбѣ и согласіи. Отъѣзжая изъ Берлина въ Лондонъ и въ Парижъ, въ знакъ отличнаго благоволенія пожалованъ былъ Нартовъ отъ короля портретомъ, осыпаннымъ алмазами, и на дорогу получилъ подарокъ тысячу червонныхъ, который въ разсужденіи извѣстной королевской экономіи былъ знатный.

Путешествіе Нартова въ Парижъ и Лондонъ по повелѣнію государеву было ради того, дабы пріобрѣлъ онъ вѣщшіе успѣхи въ механикѣ и математикѣ, а притомъ, чтобъ сдѣлалъ тамъ для собственнаго упражненія его величества токарныя машины, которыя понынѣ въ сохраненіи находятся въ Санктпетербургской кунсткамерѣ, съ вырѣзаніемъ на каждомъ станкѣ имени сего російскаго механика; сверхъ того, поручено было ему въ Лондонѣ помогать получить свѣдѣнія о нововымышленномъ лучшемъ пареніи и гнутіи дуба, употребляющагося въ корабельное строеніе, съ чертежемъ потребныхъ къ сему печей, и собрать въ обоихъ мѣстахъ для любопытства монарха своего лучшихъ художниковъ физическихъ инструментовъ механическихъ и

гидравлическія модели; сего ради препорученъ онъ былъ особливо академіи президенту аббату Биньону, астроному де-Латаю, славному художнику Пижону и математику Вариньону, при которыхъ онъ знаніе свое въ потребномъ и порученномъ ему отъ государя дѣлѣ къ пользѣ отечества и къ чести своей усугубилъ.

Окончивъ надлежащее въ Парижѣ и долженствуя переселиться въ Лондонъ, оставилъ онъ Парижской академіи въ знакъ почтенія и памяти выточенные имъ въ присутствіи президента Биньона портреты короля Лудовика XIV и XV и дюка Орлеанскаго, правителя Франціи, которые доднесъ, съ начертаніемъ имени Нартова, въ Парижской академіи между рѣдкостями хранятся и обще съ точеными фигурами Петра Великаго любопытствующимъ Россіянамъ показываются.

Сей знаменитый ученіемъ аббатъ Биньонъ во удовлетвореніе успѣховъ, ученическихъ Нартовымъ въ наукахъ, написалъ и отправилъ къ Петру Великому, имѣя счастье быть самолично знакомымъ и носить его милость по случаю посѣщенія его величествомъ академіи, одобрительное письмо, которое по тогдашнему переводу на російскомъ языкѣ отъ слова до слова гласитъ тако:

«Государь!

«Не могу изречь вашему величеству, съ какою радостію пользуюсь случаемъ, который представляется къ тому, дабы я могъ возватися въ честь вашего напominанія.

«Господинъ Андрей Нартовъ, который отъѣзжаетъ, далъ намъ знать, что радъ бы онъ былъ, дабы мы подали какое-либо свидѣтельство вашему величеству о томъ, еже онъ между нами чинилъ. И потому перенялъ я на себя оное стараніе съ толико вѣщшею охотою, что, кромѣ превеликой чести, которая мнѣ отъ того приходитъ въ писаніи къ вашему величеству, имѣемъ мы объ немъ донести токмо дѣла вѣдо полезныя. Постоянная его прилежность въ ученіи математическомъ, великіе успѣхи, которые онъ учинилъ въ механикѣ, навпаке же во оной части, которая касается до токарнаго станка, и иныя его добрыя качества дали

намъ знать, что во всѣхъ вещахъ ваше величество не ошибается въ избраніи подданныхъ, которыхъ вы изволите употреблять въ свою службу. Сей совершенно сходствуетъ съ тѣмъ дѣломъ, на которое ваше величество его изволили опредѣлить; и не возмѣните ваше величество случая казаться въ издѣвіяхъ правдиво королевскихъ, которыя вы изволите чинить, дабы онъ могъ, путешествуя по вашему указу, получать знанія, которыя ему потребны. Мы видѣли недавно три медаліи его работы, которыя онъ оставилъ академіи, яко памятной знакъ такъ его искусства, какъ благодарности его. Одна изъ тѣхъ медалій есть Лудвика XIV, другая — королевская, а третія — его королевскаго высочества, моего милостиваго государя дукъ д'Орлеана. Не возможно ничего видѣть дивнѣйшаго! Чистота, исправность и сукральность находится въ нихъ, а металлъ не лучше выдѣланъ выходитъ изъ-подъ штемпеля, якоже онъ выходитъ изъ токарнаго станка господина Нартова. Онъ благоволилъ меня участникомъ учинить въ своемъ секретѣ и позволилъ, чтобы я видѣлъ самъ, какъ онъ работаетъ. Усумляю меня, правду сказать, дивное досужество, съ которыми онъ изображаетъ однимъ разомъ лучка черты или характеры, которые обыкновенными граблтихелями или рыльцами трудно вырѣзать такъ хорошо, хотя ими водятъ гораздо тише.

«Вы разумѣете, государь, лучше другакъ всю хитрость онаго художества, совершенству котораго не уничтожили сами споспѣшествовать. Ваше величество напомяте, безъ сумнѣнія, о медаліи, которую вы изволили показать, во время пребыванія своего въ Парижѣ, моему милостивому государю дукъ д'Орлеану. Не одинъ онъ опытъ, который ваше величество изволили дать о любви своей къ наукамъ и изряднымъ художествамъ.

«Франціи, имѣвшая счастье стяжать вами нѣсколько времени, и ея же ученые люди имѣютъ оное жъ въ томъ, что могутъ на васъ взирать, яко на свою главу, соединилася съ достальною Европою, дабы дивиться тому, еже ваше величество по вся дни чинить, да успѣваютъ тѣ же изрядныя художества въ вашихъ областяхъ.

«Державцы, государь, увѣковѣчиваютъ себя не меньше дѣй-

ствительно оною охотою, якоже шумомъ своихъ побѣдъ, и оной имперіумъ, идеже вы государствуете съ толикою славой и премудростію, тако процвѣтаетъ отъ славнаго защищенія, которое вы тамо даете изряднымъ художествамъ и наукамъ, якоже отъ числа и простиранія вашихъ завоеваній.

«Въ тѣхъ мысляхъ высочайшаго движенія и вкупѣ же глубочайшаго респекта, прошу васъ всепокорно милостиво принять, дабы я имѣлъ честь нарешиася, государь, вашего величества всепокорнымъ и всепослушнымъ слугою Аббатъ Биньонъ».

Государь велѣлъ письмо сіе перевести и нѣкогда отправляющимся по указу его въ чужіе прай для обученія наукъ и художествъ Россіянамъ: Броккину, Хрущову, Земцову, Овсову, Матвѣеву, Захарову и Меркурьеву прочесть, сказавъ имъ: «Желаю чтобы и вы съ такимъ же успѣхомъ поступали». Потомъ онъ переводъ отдалъ Нартову, а оригиналъ сохранилъ у себя въ кабинетѣ, Каспійскаго моря съ географическимъ и физическимъ описаніемъ, который и понынѣ хранится въ той академіи и путешествующимъ Россіянамъ показывается.

92.

При разсужденіи о мирѣ со Швеціею государь министрамъ своимъ сказалъ: «Я къ миру всегда былъ склоненъ, но того непріятель слышать не хотѣлъ. Что Карлъ XII запуталъ упрямствомъ, то распутывать будемъ умомъ; а буде и сіе нынѣ не поможетъ, распутывать будемъ силою и оружіемъ, доколѣ миръ рѣшитъ самъ Богъ».

93.

Его величество, идучи отъ строенія Санктпетербургской крѣпости и садясь въ шлюпку, взглянулъ на первый свой домикъ и говорилъ: «Отъ малой хижинны возрастаетъ городъ. Гдѣ прежде жили рыбаки, тутъ сооружается столица Петра. Всему время при помощи Божіей».

94.

Господень Соймоновъ, бывшій въ Персидскомъ походѣ элотскимъ офицеромъ, сказывалъ слѣдующую веселую повѣсть:

Государи вздумалъ единожды по корабельному обычаю сдѣлать забаву и небывалыхъ на какомъ-либо морѣ въ водѣ оваго купать. Его величество самъ себя отъ такой веселости не исключилъ; за нимъ послѣдовали адмиралъ и прочіе, хотя для нѣкоторыхъ то и было страшно, чтобъ, на доскѣ сидя, трижды съ корабля въ воду спускаться. Всего болѣе императоръ тѣшился при купаніи Ивана Михайловича Головина, котораго обыкновенно изволилъ называть адмиралтейскимъ басомъ. Сколь скоро его величество самъ его спускать сталъ, то засмѣявшись сказалъ: «Опускается басъ, чтобъ похлѣбалъ каспійской квасъ!» Окунувъ его [глубоко] трижды, слѣдовалъ послѣ самъ. По сказанію Соймонова, такое увеселеніе поручено было дѣлать отъ государя надъ всѣми подъ управленіемъ его.

95.

Отъ генерала Василя Яковлевича Левашова слышала я включеніе страшное:

Когда войски, высаженные на берегъ, шли къ Дербенту и, расположившись станомъ въ такомъ мѣстѣ, гдѣ пресмыкающіяся змѣи въ палаткахъ солдатъ не только беспокоили, но и жалили, отъ чего люди начали роптать, — о семъ тотчасъ доведено было государю. Его величество, зная въ лѣчебной наукѣ разные способы противу ядовъ и желая скорѣе отвратить вредъ и правильное негодование и безъ того утружденныхъ войскъ, велѣлъ добыть растенія, называемыя зоря, которой змѣи не терпятъ. Наловя нѣсколько змѣй, приказалъ тайно, чтобъ прочіе не вѣдали, бросить ихъ въ зорю, въ которую траву они ядъ свой испустили. Учинивъ сіе, вышелъ императоръ предъ войско, держа въ рукѣ змѣй, показывалъ ихъ солдатамъ и говорилъ: «Я слышу, змѣи чинятъ вамъ вредъ; не бойтесь: отъ сего

времени того не будетъ. Смотрите: онѣ меня не жалить, не будутъ жалить и васъ». Солдаты, видя такое чудо, дивились, присваивали сіе премудрости государевой и стали спокойнѣе. Между тѣмъ, подъ видомъ благоуханія, потому, что отъ сильныхъ жаровъ въ воздухѣ былъ запахъ несносный, собрано было по близости множество зори и приказано раскласть по палаткамъ, къ которымъ змѣи, чувствуя сей духъ, больше уже не позвали.

Такимъ-то образомъ знаніе естественныхъ вещей, отвращая зло, приносить великую пользу, а въ не знающихъ такого средства производятъ удивленіе чрезвычайнаго могущества. Но все ли роды ядовитыхъ змѣй не терять зори, того за вѣрное сказать не могу, — только съ тѣми змѣями было точно такъ, какъ сказано.

96.

Отъ него же генерала Левашова слышала я, что Петръ Великій, въѣзжая торжественно на конѣ въ городъ Дербентъ и зная по преданіямъ, что первоначальный строитель онаго былъ Александръ Великій, къ бывшему при немъ генералитету сказывалъ: «Великій Александръ построилъ, а Петръ его взял». Сіе изрѣченіе заключало въ себѣ мысль по истинѣ справедливую, хотя скромностію сего мудраго монарха прикрытую, такую, что Дербентъ сооруженъ былъ Александромъ Великимъ и покоренъ власти Петра Великаго, то-есть: великій его строилъ и великій его взялъ.

На триумфальныхъ воротахъ, при торжественномъ въѣздѣ его императорскаго величества по возвращеніи изъ Персидскаго похода въ Москву, надъ проспектомъ города Дербента поставлена была слѣдующая латинская надпись, 1722 годъ въ себѣ содержащая: «Сію крѣпость соорудилъ сильный или храбрый, но владѣетъ ею сильнѣйшій или храбрѣйшій».

97.

Его величество въ Персидскомъ походѣ, расположась лагеремъ близъ города Тарлу, намѣрился съ войскомъ идти къ Дер-

бенту; весьма дальній походъ, трудныя по морю переправы и по степямъ знойный жаръ изнуряли крайне силы солдатскія и причиняли въ нѣкоторыхъ уныніе; но государь, преодолевая всё препятствія, былъ войску своему всегда примѣромъ мужества и неустранимой храбрости. Подъ вечеръ ходилъ онъ по лагерю, примѣчалъ упражненія солдатскія и охотно желалъ слышать самъ, что о семъ походѣ начальники и подчиненные говорятъ. Наконецъ, зашелъ онъ къ генералъ-маіору Кропотову въ палатку, сѣлъ и разсуждалъ, какимъ образомъ выгодеѣе продолжать путь свой далѣе. Солдаты, близъ сей палатки варившіе тогда для ужина себѣ кашу, вели между собою разговоръ, и когда между прочимъ одинъ въ разныхъ походахъ бывавшій и заслуженный солдатъ, мѣшавъ кашу и отвѣдавъ оную, къ прочимъ товарищамъ сказалъ: «То-то, братцы, каша, каша — веселая прилука наша», — а другой недавно служившій солдатъ, вспомяну жену свою и вздохнувъ, на то ему отвѣчалъ: «Ахъ, какое, братъ, веселье, разлука — несгода наша!» «Врешь, дуракъ», продолжалъ старый солдатъ, ударивъ его по плечу, — «въ походѣ съ царемъ быть, должно жену и несгodu забыть». Петръ Великій, услышавъ сіе, вдругъ выскочилъ изъ палатки и спросилъ у солдатъ: «Кто кашу весельемъ и кто разлукой называетъ?» Стоявшіе при томъ солдаты показали ему обоихъ. Монархъ, оборотясь потомъ къ Кропотову, приказывалъ такъ: «За такое веселье жалую сего солдата въ сержанты (давъ ему на позументъ пять рублей), а того, который въ походѣ воспоминаетъ разлуку, послать при первомъ случаѣ на приступъ, чтобъ лучше къ войнѣ привыкалъ, о чемъ въ приказѣ во всемъ войскѣ объявить», — что и исполнено было.

98.

Въ 1722 году, въ іюнѣ мѣсяцѣ, императоръ Петръ Великій, собиравъ изъ Астрахани въ походъ къ Дербенту, давалъ аудіенцію прибывшему изъ заволжскихъ кочевыхъ улусовъ для учиненія всеподданнѣйшаго поклона хану Калмыцкому, подъ покровительствомъ Россіи находившемуся, который просилъ государя и

супругу его императрицу Екатерину Алексѣевну, чтобъ она благоволила осчастливить посѣщеніемъ своимъ за Волгою, верстахъ въ пятнадцать, его ханское жилище, гдѣ онъ съ двадцатью тысячами кибитками подданныхъ своихъ Калмыкъ кочевалъ. Его величество, принявъ милостиво ханское прошеніе, на другой день изъ Астрахани туда отправился, въ препровожденіи Астраханскаго губернатора, прочаго генералитета, нѣсколько эскадроновъ драгунъ и казаковъ, верхами къ хану, а императрица ѣхала въ открытой коляскѣ, везомой шестью персидскими конями. Калмыцкій ханъ съ князьями и чиновниками встрѣтилъ ихъ величествъ версты съ три и, потомъ поскакавъ напередъ къ кочевью, у разставленнаго на возвышенномъ мѣстѣ великолѣпнаго персидскаго шатра, съ женою, дѣтьми и прочими знатыми Калмыками, при собраніи калмыцкаго войска, по степи насѣянаго, сихъ драгоценныхъ и высокихъ гостей съ лущечною пальбою принялъ. По обычаю своему угощалъ ханъ разными яствами и плодами на серебряныхъ лоткахъ, а чихирь подавали самъ ханъ и ханка въ золотыхъ кубкахъ. Во время обѣда императоръ разговаривалъ съ нимъ о персидскихъ возмущеніяхъ, а какъ рѣчь дошла и до европейскихъ военныхъ дѣлъ, то ханъ разсказывалъ государю обращенія европейскихъ дворовъ столь обстоятельно, какъ будто бы имѣлъ онъ съ ними сношенія. Петръ Великій, подивясь такому свѣдѣнію, спрашивалъ: чрезъ кого онъ сіе вѣдаетъ? «Чрезъ сего Калмыка», отвѣчалъ ханъ, — «котораго видите позади меня стоящаго. Я посылаю его учиться языкамъ; онъ былъ въ Вѣнѣ, въ Парижѣ и въ Лондонѣ; чрезъ Москву получаетъ онъ печатныя вѣдомости, переводитъ на калмыцкій языкъ и читаетъ имѣ онныя». Его величество похвалилъ такое любопытство.

Послѣ обѣда представилъ ханъ императору войско свое на коняхъ, которое покрывало все поле на пространство, едва-едва глазомъ объять могущее. Калмыки по обряду своему дѣлали коньями экверсціи и изъ луковъ кидали стрѣлы столь проворно и мѣтко, что его величество немало симъ забавлялся и самъ съ ханомъ стрѣлялъ изъ лука. Потомъ пожаловалъ хану саблю,

украшенную алмазами, которую ханъ поцѣловалъ и, обнаживъ, велѣлъ Калмыкамъ составить кругъ. По возгласу его, однимъ разомъ изъ луковъ вылетѣла тѣмъ стрѣлъ, въ верхъ воздуха пущенныхъ; и Калмыки съ ужаснымъ крикомъ императора поздравляли, при чемъ ханъ, поклонясь его величеству, говорилъ: «Сія сабля и пущенныя стрѣлы всегда со мной готовы противъ непріятеля; вели только, и поражу».

Петръ Великій, доволень будучи усердіемъ ханскимъ, велѣлъ Астраханскому губернатору подать привезенный штандартъ, на которомъ на одной сторонѣ изображенъ былъ россійскій гербъ, а на другой — вензелевое имя его величества, и, въ виду всего калмыцкаго войска хану вручивъ, сказалъ: «Сіе знамя хану и войску его жалую за усердіе, въ знакъ покровительства». Потомъ подарилъ ему перо страусово въ шапку, бархатомъ малиновымъ покрытую соболью шубу и парчевой кафтанъ, чиновнымъ людямъ — по суковному красному кафтану, а войску его велѣлъ чрезъ губернатора раздать двадцать тысячъ рублей. Императрица же пожаловала ханшѣ поясъ парчевой съ изумрудною пряжкой, кисть жемчужную на шапку да нѣсколько кусковъ парчи и шелковыхъ матерій.

99.

Его величество за столомъ съ знатными генералами и полководцами о славныхъ государяхъ и о Александрѣ Великомъ говорилъ: «Какой тотъ великій герой, который воюетъ ради собственной только славы, а не для обороны отечества, желая быть обладателемъ вселенныя! Александръ — не Юлій Цесарь. Сей былъ разумный вождь, а тотъ хотѣлъ быть великаномъ всего свѣта; послѣдователями его неудачный успѣхъ». Подъ послѣдователями разумѣлъ государь Густава-Адольфа и Карла XII.

100.

О мирѣ промовилъ имъ государь такъ: «Миръ хорошо; однако, притомъ дремать не надлежитъ, чтобъ не связали руки, да и солдаты чтобъ не сдѣлались бабами».

101.

При опытахъ машиною пневматическою, показываемыхъ императрицѣ, когда подъ хрустальный колоколъ посажена была ласточка, государь, видя, что воздуха вытянуто было столько, что птичка зашаталась и крыльями затрепетала, Аряшкину сказалъ: «Полно, не отнимай жизни у твари безвредной; она — не разбойникъ». А государыня къ нему примолвила: «Я думаю, дѣти по ней въ грѣзѣ плачутъ». Потомъ, взявъ у Аряшкина ласточку, поднесла къ окну и выпустила.

Не изъясняетъ ли сіе милосердія монаршаго даже до животной птички? Кольми ль паче имѣлъ онъ сожалѣніе о челоуѣкахъ! Его величество множество дѣлывалъ вспоможеній раненымъ и болящимъ, чиня своими руками операціи, перевязывая раны, пуская кровь, прикладывая коріи и пластыри, посѣщая больницы, врачую и покой въ нихъ воиновъ, учреждая богадѣльни для больныхъ и увѣчныхъ, дряхлыхъ и престарѣлыхъ, повелѣвая здоровымъ и силы еще имѣющимъ работать и не быть въ праздности, для сиротъ и малолѣтнихъ заводя училища, а для зазорныхъ младенцевъ или подкидышей устроая при церквахъ госпитали для воспитанія. Все сіе не доказываетъ ли истиннаго императорскаго и отеческаго сиродобіи? Мы, бывшіе сего великаго государя слуги, воздыхаемъ и проливаемъ слезы, слыша иногда упреки жестокосердію его, котораго въ немъ не было. Наказанія неминуемыя происходили по крайней ужѣ необходимости, яко потребное врачеваніе ала и въ воздержаніе подданныхъ отъ пагубы. Когда бы многіе знали, что претерпѣвалъ, что сносилъ и какими уязвляемъ былъ онъ горестями, то ужаснулись бы, колько снисходилъ онъ слабостямъ челоуѣческимъ и прощалъ преступленія, не заслуживающія милосердія; и хотя нѣтъ болѣе Петра Великаго съ нами, однако духъ его въ душахъ нашихъ живетъ, и мы, имѣвшіе счастье находиться при семъ монархѣ, укрѣмъ вѣрными ему и горячую любовь нашу къ земному богу погребемъ вмѣстѣ съ собою. Мы безъ страха возглашаемъ объ

отца нашемъ для того, что благородному безстрашию и правдѣ учились отъ него.

102.

Его величество въ кунсткамерѣ Аришину говорить прямо: «Я велѣлъ губернаторамъ собирать монстры (уродовъ) и присылать къ тебѣ. Прикажи заготовить шкафы. Если бы я хотѣлъ присылать къ тебѣ монстры человѣческіе не по виду тѣлесъ, а по уродливымъ нравамъ, мѣста бы у тебя было для нихъ мало. Пускай шатаются они во всенародной кунсткамерѣ; между людьми они примѣтны».

103.

Въ отсутствіе государево изъ Петербурга пріѣзжіе изъ Иерусалима [греческіе] монахи, между прочими рѣдкостями поднесли императрицѣ несгарѣмый на огнѣ платокъ, яко отличительную святость. Государыня подарила имъ знатную сумму денегъ, и они вскорѣ послѣ сего уѣхали. По возвращеніи, ея величество показывала съ восхищеніемъ сію неоцѣненную вещь супругу своему, положенную въ серебряномъ ковчегѣ; а Петръ Великій, посмотрѣвъ и разсмѣявшись, сказалъ: «Это, Катенька, обманъ. А что дала денегъ бродягамъ за такую святость?» «Тысячу рублей», отвѣчала она. «Счастливы старцы, что до меня отсюда убрались», говорилъ государь. — «Кусокъ такого полотна привезъ я изъ Голландіи. Я заставилъ бы пряхъ ихъ другой лентъ въ Соловкахъ». Потомъ приказалъ Аришину принести изъ кунсткамеры то полотно и для доказательства при ней на огнѣ жечь, которое не сгорѣло. При семъ случаѣ рассказывалъ государынѣ, сколько разъ гвоздей и древа креста Спасителя выдалъ онъ въ католическихъ монастыряхъ въ путешествіе свое по Европѣ, а особливо въ вольномъ императорскомъ городѣ Ахенѣ.

104.

Колико Петръ Великій не терпѣлъ суевѣрія, только напротивъ божественные почиталъ законы и чтеніе Священнаго Пи-

санія ветхаго и новаго завета любилъ. О Библии говаривалъ его величество: «Сія книга премудрѣ всѣхъ книгъ; она учитъ познавать Бога и творенія Его и начертываетъ должности къ Богу и къ ближнему: разумѣть въ ней нѣкоторыя мѣста еще потребно вдохновеніе свыше. Учиться небесному — отвергнуть должно земныя страсти».

Въ 1716 году повелѣлъ онъ напечатать въ Амстердамѣ Библію въ листъ на голландскомъ языкѣ, оставляя на каждомъ листу половину пустого мѣста для припечатанія оныхъ на русійскомъ языкѣ подъ смотрѣніемъ синода въ Санктпетербургѣ, дабы чтеніемъ на природномъ языкѣ Библия пріучить охотниковъ и къ голландскому, яко языку, его любимому. Надобными языками для Россіи почиталъ онъ голландскій и нѣмецкій. «А съ Французами», говорилъ онъ, — «не имѣемъ мы дѣла».

Изъ духовныхъ особъ жаловалъ государь Стефана Яворскаго, митрополита Рязанскаго и Муромскаго, блюстителя патриаршаго престола, да Θεοφана Прокоповича, архіепископа Новгородскаго, которыхъ сочиненія и предикъ читывалъ и съ ними о духовныхъ дѣлахъ бесѣдовалъ.

105.

Его императорское величество, присутствуя въ собраніи съ архіереями, примѣтивъ нѣкоторыхъ усильное желаніе къ избранію патриарха, о чемъ неоднократно отъ духовенства предлагаемо было, вынувъ одною рукою изъ кармана къ такому случаю приготовленный Духовный Регламентъ и отдавъ, сказалъ имъ грозно: «Вы просите патриарха; вотъ вамъ духовный патриархъ, а противомыслиющимъ сему (выдернувъ другою рукою изъ ноженъ кортикъ и удара онымъ по столу) вотъ булатный патриархъ!» Потомъ вставъ пошелъ вонъ. Послѣ сего оставлено прошеніе о избраніи патриарха и учрежденъ святѣйшій синодъ.

Съ намѣреніемъ Петра Великаго объ установленіи духовной коллегіи согласны были Стефанъ Яворскій и Θεοφанъ Новгородскій, которые въ сочиненіи регламента его величеству помогали,

нахъ коихъ перваго опредѣлилъ въ синодѣ предѣдателемъ, а другаго — вице-президентомъ, самъ же сталъ главою церкви государства своего и нѣкогда, рассказывая о расприхъ патриарха Никона съ царемъ родителемъ его Алексѣемъ Михайловичемъ, говорилъ: «Пора обуздать не принадлежащую власть старцу; Богу изволившу исправлять мнѣ гражданство и духовенство, я имъ обое — государь и патриархъ; они забыли, въ самой древности сіе было совокупно».

106.

Петръ Великій, принявъ намѣреніе сдѣлать чрезъ искусныхъ скульпторовъ въ Италіи надгробные монументы и поставить ихъ въ честь: первый — генералу-адмиралу Францу Яковлевичу Лефорту, второй — генералу-фельдмаршалу Борису Петровичу Шереметеву, главному вождю російскихъ войскъ Шенну и генералу Патрикію Гордону, говорилъ объ нихъ тако: «Сіи мужи — вѣрностію и заслугами вѣчныя въ Россіи монументы. Я соединю по смерти героевъ моихъ виѣстѣ подъ покровительство героя святаго князя Александра Невскаго».

Желаніе его величества было поставить монументы въ монастырѣ святаго Александра Невскаго. Рисунки посланы были въ Римъ. Чтѣ же по онымъ воспослѣдовало, не извѣстно, понеже вскорѣ послѣ сего приключилась кончина сего великаго монарха.

107.

Немилостивники, дѣлая разные наветы и клеветы о невоздержанномъ будто житіи я о праздности митрополита Стефана Яворскаго государю Петру Великому, который его паче прочихъ духовныхъ особъ жаловалъ, называя твердымъ столпомъ церкви, — старался всячески привести сего достойнаго мужа въ немилость. Его величество, слышавъ неоднократно объ немъ такіа вѣсти, желалъ наконецъ удостовѣриться самымъ дѣломъ. Сего ради, не сказывая никому, вознамѣрился въ расмохъ посѣтить митрополита. Часу въ десятомъ ночью поѣхалъ къ нему на подворье и,

вошедъ нечаянно въ келію, засталъ его одного, трудящагося въ сочиненіи книги: «Камень вѣры», обкладеннаго кругомъ богословскими твореніями. Митрополита, незапнымъ посѣщеніемъ монарха удостоенный, хотѣлъ его потчевать, но государь, увидя на столѣ стоящія бутылки и мысля по наветамъ, что Стефанъ Яворскій виѣсто обыкновеннаго питія употребляетъ виноградное вино или водку, говорилъ: «Не трудись; я вынюю то, чтѣ пьетъ митрополитъ». Государь, наливъ изъ одной бутылки въ стаканъ напитокъ, пилъ и нашелъ, что то была брусничная вода; потомъ, посидѣвъ нѣсколько и бесѣдуя съ нимъ о духовныхъ дѣлахъ, прился за другую бутылку, нѣтъ ли тамъ водки, налилъ, отведать и ко удивленію своему обрѣтъ простую воду. Тогда вставъ, его величество объявилъ Яворскому откровенно, съ какими намѣреніемъ пріѣзжалъ къ нему. Наконецъ, утѣря его о продолженіи милости своей, сказалъ: «Клевета явится, днемъ худить; но непорочность явна и въ ночи. Прощай, будь спокоенъ; невинность защищаетъ Богъ».

Оставя такимъ образомъ митрополита, вздумалось государю полюбопытствовать тогда же о Теофанѣ: чтѣ онъ сей ночи дѣлаетъ. Сего ради пріялъ путь прямо къ нему. Подѣзжая къ жилищу его, увидѣлъ онъ много зажженныхъ свѣчъ. Двери были заперты. Онъ постучался. Отворили, усмотрѣли государя, кинулись къ Теофану и предварили извѣстіемъ о прибытіи его величества. Бывшіе у него гости искугались, столъ наполненъ былъ разными напитками и яствами. Но архіепископъ, съ веселымъ и бодрымъ духомъ встрѣтивъ радостно государя, шедшаго къ нему, и ниѣя показъ въ рукахъ съ венгерскимъ, возгласилъ: «Се женихъ грядетъ въ полнощи! Блаженъ рабъ, егоже обрящетъ бдяща; недостоинъ же паки, егоже обрящетъ унывающа! Здравіе и благоденствіе гостю не оцѣненному, велие счастье рабу я богомольцу твоему, егоже посѣтити благоволи!» Потомъ потчевалъ изъ сего покала виномъ, пилъ самъ, пили и гости. Такою разумною встрѣчею Петръ Великій былъ доволенъ, а Теофанъ, яко мужъ остроумный, улыбъ

при семъ случаѣ угодить разговорами, откровеннымъ обращеніемъ развеселить и угостить монарха такъ, что онъ, возвращаясь отъ него около полуночи во дворецъ, сказалъ ему: «У Стефана яко у монаха, а у Феодана яко у архіерея весело и проводить время не скучно. Мнѣ откровенность твоя пріятна. Всю предъ тѣмъ лицемерить, кто лжѣ не вѣритъ. Снажи-ка, отче, скоро ль нашъ патріархъ посѣтитъ?» Подъ симъ разумѣлъ онъ, скоро ль Феоданъ кончить сочиненіе Духовнаго Регламента. И когда Феоданъ отвѣчалъ: «Скоро, государь, я дошиваю ему расу», то его величество, улыбнувшись, сказалъ: «А у меня шапка для него готова».

108.

Его величество, присутствуя въ лѣтнемъ амбарѣ при вылитіи пушекъ, генералу-фельдцейхмейстеру Брюсу привнѣ говорилъ: «Когда слова не сильны о мирѣ, то сіи орудія метаніемъ чугунныхъ мячей непріятелямъ возвѣстятъ, что миръ сдѣлать пора».

109.

Безмѣрная любовь и охота Петра Великаго ко флоту и къ мореплаванію привлекали его часто въ лѣтнее время, будучи въ Петергофѣ, ѣздить на шлюпкѣ или на ботѣ въ Кронштадтъ почти ежедневно; когда же, за какими-либо дѣлами, не могъ побывать тамо, то забавлялся зрѣніемъ съ берега на вооруженные корабли. Въ одинъ день государь, вышедъ изъ любимаго домика, именуемаго Монъ-Плезиръ, вынулъ изъ кармана зрительную трубку, смотрѣлъ въ море и, увидѣвъ идущіе голландскіе корабли, государынѣ съ восторгомъ говорилъ: «Ахъ, Катенька, плывутъ къ намъ голландскіе гости. Пусть смотрятъ учителя мастерство ученика ихъ. Думаю, не похулятъ; я зѣло имъ благодаренъ». Потомъ отправилъ тотчасъ въ Кронштадтъ шлюпку, чтобъ прибывшихъ на сихъ корабляхъ шкиперовъ привезти къ себѣ; между тѣмъ ожидалъ ихъ съ нетерпѣливостію. Часу въ десятомъ въ вечеру пріѣхали шкипера въ Петергофъ, явились

прямо къ государю и по пріятельски ему говорили: «Здравствуй, императоръ Питеръ!» «Добро пожаловать, шкипера!» «Здорово ли ты живешь?» «Да, благодарю Бога!» «Это намъ пріятно». «Слушай, императоръ Питеръ! Сыръ для тебя, полотно жены наши прислали въ подарокъ супругѣ твоей, а пряники отдай молодому сыну». «Я благодарю васъ; сынъ мой умеръ, такъ не будетъ болѣе ѣсть пряники». «Пускай кушаетъ твоя супруга».

Его величество приказалъ потомъ накрыть столъ, посадилъ шкиперовъ и самъ ихъ потчивалъ. Они пили здоровье ихъ величества: «Да здравствуетъ много лѣтъ императоръ Петръ и императрица, супруга его! Слава Богу, мы теперь какъ дома! Есть что поить и поѣсть. Пріѣзжай къ намъ, государь Петръ! Мы хорошо тебя попотчуетъ. Друзья и знакомцы твои охотно тебя видѣть хотятъ; они тебя помнятъ». «Вѣрю, поклонитесь имъ. Я, можетъ быть, еще ихъ увижу, когда здоровье мнѣ позволитъ».

При семъ спрашивалъ его величество: сколько времени они въ морѣ были, не было ли противныхъ штурмовъ, какіе товары привезли и что наѣзжены изъ Петербурга обратно взять? И такъ, пробывъ съ ними часа съ два, съ удовольствіемъ чрезвычайнымъ наикъ въ Кронштадтъ проводить указалъ, сказать при прощаніи: «Завтра я вашъ гость».

Такимъ-то образомъ императоръ обходился съ голландцами и тако пріохочивалъ чужестранцевъ ѣздить въ Петербургъ, чтобъ установить въ Россіи коммерцію моремъ.

НВ. Извѣстно, что Петръ Великій, будучи въ Голландіи въ Сардамѣ, корабельному строенію учился. Путешествуя по указу его, былъ я самъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ показывали мнѣ жилище сего монарха¹⁾, постелю его, шкиперское платье, топоръ, тѣмъ плотничалъ, и прочія оставяныя вещи: вспоминая объ немъ не яко о государѣ, но о истинномъ другѣ своемъ, говорили: «Петръ—другъ нашъ, хотя великій царь». Тутъ находилась еще каменная

¹⁾ Изъ буды, гдѣ государь плотничалъ, Голландцы въ вѣчную память построили хорошій домъ, называемый домъ княжескій.

и деревянная точеная посуда, изъ которой онъ съ мастерами кушывалъ, и которую показываютъ за диво. Сіе было въ 1718 году, когда я чрезъ Голландію проѣзжалъ.

110.

Государь, прохаживаясь по картинной галлерей въ Монахъ-Плезирѣ и любуясь на морскія картины, до которыхъ былъ великій охотникъ, остановился при одной, представляющей четыре соединенные флота — российский, англійскій, датскій и голландскій, которыми флотами Петръ Великій въ 1716 году командовалъ съ прелебкою честью, дѣлая разные эволюціи, яко искусный вождь и адмиралъ, — съ восхищеніемъ Вильстеру¹⁾ и фонъ-Брунису говорилъ: «[Такое достоинство] едва ли кто въ свѣтѣ имѣлъ повелѣвать флотами чужестранныхъ народовъ и своими выѣстѣ. Я съ удовольствіемъ воспоминаю довѣренность тѣхъ державъ».

При такомъ изрѣченіи отъ восторга видны были на очахъ его слезы. Толякое-то душа его чувствовала утѣшеніе! Сія картина сдѣлана была нарочно въ Голландіи искуснымъ живописцемъ. Адамомъ Зилло и подарена была въ томъ же году бургомистромъ Витсеномъ. Его величество приказалъ граверу Пикарту съ оной вырѣзать на мѣди.

111.

Царь Петръ Алексѣевичъ въ малолѣтствѣ своемъ нашелъ въ селѣ Измайловѣ ботикъ, Голландцами при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ построенный, на которомъ въ Москвѣ на Просномъ прудѣ, на Москвѣ рѣкѣ и Яузѣ, а потомъ на Переяславскомъ озерѣ, плаваніемъ забавлялся. Сей-то незапно обрѣтенный ботикъ произвелъ въ юномъ государѣ, который прежде боялся воды, охоту къ построенію сперва малыхъ фрегатовъ, потомъ военныхъ кораблей и былъ причиною возрожденія великаго флота въ Россіи.

¹⁾ Вице-адмиралъ.

1723 года его величество приказалъ тотъ ботикъ привезти въ Санктпетербургъ, откуда отправленъ въ Кронштадтъ, гдѣ отъ всего флота прибытіе оного пальбою и другими морскими почестями поздравлено и въ память величайшихъ отъ того ботика на морѣ успѣховъ торжествовано. Въ сіе время моваръ на немъ былъ кормчимъ, въ греблѣ находились генералъ-адмиралъ Апраксинъ, два адмирала и адмиралтейскій полковникъ Головинъ, называемый Вася. При семъ случаѣ, когда по возвращеніи въ гавань произведенъ былъ залпъ, то государь, выходя изъ ботика, къ встрѣчающей его императрицѣ и ко всѣмъ министрамъ и флотскимъ адмираламъ сказалъ: «Смотрите, какъ дѣдушку (такъ называлъ онъ ботикъ) ввучаты веселятъ и поздравляютъ! Отъ него при помощи Божеской флотъ на югѣ и сѣверѣ, страхъ непріятелямъ, полза и оборона государству!» Во время стола, когда пили здоровье ботика, то Петръ Великій говорилъ: «Здравствуй, дѣдушка! Потомки твои по рѣкамъ и морямъ плаваютъ и чудеса творятъ; время покажетъ, лягся ли они и предъ Стамбуломъ».

Государь не токмо что самъ страстную охоту къ водяному плаванію имѣлъ, но желалъ также приучить и фамилію свою. Сего ради въ 1708 году прибывшихъ изъ Москвы въ Шлиссельбургъ царичъ и царевнъ встрѣтилъ на буерахъ, на которыхъ отсюда въ новую свою столицу и приплылъ. И когда адмиралъ Апраксинъ, верстахъ въ четырехъ отъ Петербурга, на яхтѣ съ пушечною пальбою ихъ принялъ, то Петръ Великій въ присутствіи ихъ ему говорилъ: «Я приучаю семейство мое къ водѣ, чтобъ не боялись впредъ моря, и чтобъ понравилось имъ положеніе Петербурга, который окруженъ водами. Кто хочетъ жить со мною, тотъ долженъ бывать часто на морѣ». Его величество подлинно сіе чинилъ и многократно въ Петергофѣ, Кронштадтѣ и Кроншлотѣ съ царскою фамиліею по морю ѣзжалъ, для чего и приказалъ для нихъ сдѣлать короткіе бостроки, юбки и шляпы по голландскому манеру. Прибывшія изъ Москвы и въ вышепоказанномъ плаваніи находившіяся были: царича Прасковья Тео-

дворниа, супруга царя Иоанна Алексѣевича, и дщери его царевны Едательна, Анна и Прасковья Ивановны, царевны же Наталія, Марія и Феодосія Алексѣевны.

Но какъ водяного плаванія по краткости лѣта казалось Петру Великому мало, то приказывалъ отъ дворца къ крѣпости на Невѣ ледъ разчищать, гдѣ на ботахъ и другихъ малыхъ судахъ, поставленныхъ на полоски и коньки, при вѣтрѣ подъ парусами съ флотскими офицерами и знатными господами, подобно какъ бы на водѣ, катались и проворно лавировали. Къ сему забавамъ приглашалъ и чужестранныхъ министровъ и зимовавшихъ голландскихъ шкиперовъ. На сихъ забавахъ потчивалъ всѣхъ горячимъ пуншемъ и однажды шкиперамъ говорилъ: «Мы плаваемъ по льду, чтобы зимою не забыть морскихъ экзерсисовъ». На сіе одинъ голландскій шкиперъ отвѣчалъ: «Нѣтъ, царь Петръ, ты не забудешь! Я чаю, ты и во снѣ все флотомъ командуешь».

112.

О Лефорть Петръ Великій говорилъ: «Когда бъ у меня не было друга моего Лефорта, то не видать бы мнѣ того такъ скоро, что вижу кнѣзъ въ моихъ войскахъ; онъ началъ, а мы довершили».

Государь отдавалъ каждому справедливость и не присвоивалъ себѣ трудовъ и славы постороннихъ людей. Надлежитъ знать, что Лефортъ учредилъ роту потѣшныхъ солдатъ, а потомъ и два полка гвардіи.

113.

Когда механикъ Нартовъ находился во Франціи, Англіи, Голландіи и Пруссіи, то государь въ небытность его принялъ къ себѣ въ службу одного токаряго мастера Англичанина, который бы въ точеніи помогать и машины содержать въ порядкѣ. По возвращеніи же Нартова въ Санктпетербургъ пакъ все было поручено въ его вѣдѣніе. Чужестранецъ, увидя отиѣнную государя къ Нартову милость и то, съ какими отличными искус-

ствомъ онъ точить, возревновалъ на него и, опасаясь, чтобы государь отъ службы его не уволить (ибо онъ жалованья получать по осьмисотъ рублей), началъ по зависти начатія Нартовымъ работы по выходѣ изъ токарной передѣлывать по своему и портить, дабы чрезъ таковое лукавство привести его у монарха въ немилость. Нартовъ терпѣлъ сіе отъ Англичанина нѣсколько разъ, но какъ нѣкогда фигуру, по повелѣнію государеву начатую, такъ поврежденною нашолъ, что и поправить оную было трудно, то и принужденъ уже былъ выговорить жестоко. Англичанинъ бранился и лѣзъ драться; но Нартовъ, оттолкнувъ отъ себя, ударилъ его кулакомъ по носу такъ сильно, что носъ отскочилъ и, упавъ на полъ, зазвенѣлъ (ибо носъ у Англичанина былъ приделанъ на пружинѣ). Въ сіе самое время его величество, въ другой комнатѣ прилежно трудившійся, услышавъ необычайный шумъ, всталъ и вошелъ къ нимъ и, увидѣвъ валяющійся на полу носъ, а Англичанина безъ носу, засмѣялся и спросилъ: «Что за шумъ?» Нартовъ, подойдя къ монарху, сущую правду разсказывалъ, а его величество терпѣливо слушалъ; потомъ, осмотря поврежденную вещь, Англичанину по голландски говорилъ: «Слушай! Ты — наемникъ, а онъ — мой! Точить онъ тебя лучше. Впередъ не шали, живи смирно, когда русскій хлѣбъ ѣсть хочешь, — кивако попотчую вздорнаго гостя дубиною¹⁾ и вышлю вонъ. Художники и ученые должны имѣть пріязнь, а не вражду». Потомъ велѣлъ Англичанину поднять отбитый носъ и опять работать, а чрезъ часъ позвалъ обоихъ къ себѣ и помирилъ. А за обѣдомъ, разсказывая императрицѣ смѣшную ссору надъ отшибеннымъ носомъ, весьма смѣялся и часто послѣ того при работахъ, смотря на Англичанина, смѣивался. Но чтобы доказать чужестранцу, сколь его величество знаніе и искусство въ подданныхъ своихъ отличать умѣетъ, то указалъ Нартову производить жалованья по

¹⁾ Сколько бъ вышло работы дубинѣ Петра Великаго, еслибъ посмотрѣть хорошенько на вздорныхъ гостей, которые не токаряны, но государственныя фигуры по малости портятъ!

тысячѣ рублей и подчинилъ ему Англичанина, а тѣмъ, укротя гордость, сдѣлать его смиреннымъ и послушнымъ.

114.

Петръ Великій, разговаривая съ графомъ Борисомъ Петровичемъ Шереметевымъ, съ князьями Голицынымъ и Репнинымъ о военныхъ дѣлахъ Людовика XIV и о славныхъ полководцахъ Франціи, съ геройскимъ духомъ произнесъ: «Слава Богу! Дожилъ я до своихъ Тюренновъ, но Сюллия еще у себя не вижу!» Россійскіе герои, поклонясь монарху, поцѣлювали у него руку, а онъ поцѣлювалъ ихъ въ лобъ.

115.

Послѣ Полтавской баталіи, въ шатрѣ при собраніи генераловъ, когда поздравляли государя съ побѣдою и пробитой шляпѣ его пулею дивились и благодарили Бога, что здравію царя никакого вреда не приключилось, — на то Петръ Великій отвѣчалъ такъ: «Ради благополучія государства я, вы и солдаты жизни не щадили. Лучше смерть, нежели позоръ! Сія пуля (указывая на шляпу) не была жребіемъ смерти моей. Десница Вышняго сохранила меня, чтобъ спасти Россію и усмирить гордость брата Карла. Сія баталія — счастье наше; она рѣшила судьбу обоихъ государствъ. Тако судилъ Промыслъ возвысить славою отчизну мою, и для того приносить будемъ благодареніе наше Богу въ день сей на вѣчныя времена».

116.

Когда государь желалъ учинить миръ съ Карломъ XII и о томъ ему предлагалъ, то король отвѣчалъ надменно: «Я сдѣлаю миръ съ царемъ тогда, когда буду въ Москвѣ». На сіе Петръ Великій сказалъ: «Братъ Карлъ все мечтаетъ быть Александромъ, но я не Дарій!»

117.

Всѣмъ извѣстенъ безчестный поступокъ Августа, короля Польскаго, который, струсивъ Карла XII, выдалъ генерала Паткуля, бывшаго Россійскимъ посломъ. Сей несчастный Паткуль по приказанію Карла былъ колесованъ, а потомъ отсѣченная голова взоткнута была на волю. Петръ Великій, увѣдомясь о такомъ безчеловѣчномъ поступкѣ, весьма сожалѣлъ о Паткулѣ и сказалъ: «Августъ труситъ научился у Поляковъ, а Карлъ свирѣпъ. Оба дадутъ Богу отвѣтъ за Паткуля. Кто жестокъ, тотъ не герой! Паткуль не заслуживалъ такого тиранства. Его весь свѣтъ оправдаетъ».

118.

Послѣ Полтавской баталіи, когда ушедшія съ генераломъ Левенгауптомъ войски въ полонъ сдались, тогда Петръ Великій къ предводителямъ своимъ говорилъ: «Благодарю Бога, теперь бремя тяжкое съ плечъ нашихъ свергнуто! Храбростию войскъ моихъ Карловы замыслы такъ разбиты, что трудно ему будетъ собирать ихъ въ одно мѣсто. Богъ устроитъ по своему. Карлу хотѣлось побывать въ срединѣ великой Россіи, но чятельно онъ теперь находится за Днѣпромъ у Турокъ».

119.

На другой день той же Полтавской побѣды представлены были предъ его величествомъ, яко побѣдителя, нѣе знатные шведскіе плѣнники. Онъ, принявъ ихъ милостиво, отдалъ имъ шпаты и сожалѣлъ о несчастіи ихъ и о государѣ ихъ немилосердивомъ. Потомъ угощалъ въ шатрѣ своимъ фельдмаршала Рейншильда, графа Линца и прочихъ генераловъ и пилъ за здоровье ихъ съ достопамятнымъ изрѣченіемъ: «Я пью за здоровье моихъ учителей, которые меня возвалъ научали!» И, выхваляя мужество и храбрость Рейншильда, пожаловалъ ему свою шпагу.

120.

Карлъ XII по сю сторону рѣки Ворсклы, при заложеніи редутовъ, такъ былъ сильно раненъ пулею въ ногу, что принуждены были отнести его въ лагерь. Петръ Великій, узнавъ о семъ, генераламъ своимъ говорилъ слѣдующее: «Жалью, что братъ мой Карлъ, проливъ много крови человѣческой, лить нынѣ и собственную свою кровь для одной мечты быть властелиномъ чужихъ царствъ; но когда разсудительно не хочетъ владѣть своимъ королевствомъ, то можетъ ли повелѣвать другими? Но при всемъ упорствѣ его, кровь его для меня драгоцѣнна, и я желаю бы миръ имѣть съ живымъ Карломъ. Я, право, не хочу, чтобы пуля солдатъ моихъ укоротила жизнь его».

121.

Петръ Великій, бесѣдуя въ токарной съ Брюсомъ и Остерманомъ, съ жаромъ говорилъ имъ: «Говорятъ чужестранцы, что я повелѣваю рабами, какъ вольничками. Я повелѣваю подданными, повинующимися моимъ указамъ. Сіи указы содержать въ себѣ добро, а не вредъ государству. Англическая вольность здѣсь не у мѣста, какъ къ стѣнѣ горохъ. Надлежитъ знать народъ, какъ онымъ управлять. Усматривающій вредъ и придумывающій добро говорить можетъ прямо мнѣ безъ боязни. Свидѣтели тому — вы. Полезное слушать радъ я и отъ послѣдняго подданнаго; руки, ноги и языкъ не скованы. Доступъ до меня свободенъ, — лишь бы не отягощали меня только бездѣльствомъ и не отнимали бы времени напрасно, котораго всякій часъ мнѣ дорогъ. Недоброхоты и злодѣи моя и отечеству не могутъ быть довольны; уда имъ — законъ. Тотъ свободенъ, кто не творитъ зла и послушенъ добру. Не сугублю рабство чрезъ то, когда желаю добра, шурство упрямыхъ исправлю, дубовыя сердца хочу видѣть мягкими; когда переодѣваю подданныхъ въ иное платье, завожу въ войскахъ и въ гражданствѣ порядокъ и приучаю къ людности, не жестокосердую; не тиранствую, когда правосудіе обвиняетъ злодѣя на смерть».

122.

Петръ Великій на славной Полтавской баталіи, предводительствуя войскомъ и вездѣ въ опаснѣйшемъ огнѣ находясь, храбростію и мудрымъ распоряженіемъ съ одною первою линіею, изъ десяти тысячъ состоящею, непріятельскую армию опрокинулъ и, обративъ въ бѣгъ, совершенно разбилъ, при чемъ фельдмаршала Рейншильда и прочихъ генераловъ въ полонъ взялъ. Тогда приказалъ паче всего падить и спасти жизнь Карла XII, непримиримаго непріятеля своего. Но, получивъ извѣстіе, что найдена на полѣ королевская качалка, въ дребезги разбитая, въ которой раненаго Карла носили, сожалѣлъ чрезвычайно о судьбѣ его и бездокоился, полагая его убитымъ, повелѣлъ искать между убитыми.

Не явный ли сіе знакъ истиннаго человеколюбія, а не тщетныя славы и гордости побѣдителя, впускаго въ смерти непріятеля торжества?

123.

Ивана Михайловича Головина государь весьма любилъ и жаловалъ и послалъ его въ Венецію, чтобъ онъ тамъ научился кораблестроенію и узналъ конструкцію галеръ, равно и италіанскому языку. Головинъ жилъ тамъ четыре года. По возвращеніи оттуда, монархъ, желая знать, чему онъ выучился, взявъ его съ собою въ адмиралтейство, повелъ на корабельное строеніе и въ мастерскія и, показывая, спрашивалъ обо всемъ; но отвѣты показали, что Головинъ ничего не знаетъ. Наконецъ, Петръ Великій спросилъ: «Выучился ли хоть по италіански?» Головинъ признался, что очень мало и сего. «Ну, такъ что жъ ты дѣлаешь?» спросилъ его государь. «Всемиловѣйшій государь», отвѣчалъ ему Головинъ; — «я курилъ табакъ, пилъ вино, веселился и учился играть на басу и рѣдко выходилъ съ двора». Какъ вспыхнулъ государь ни былъ, однако чистосердечнымъ и откровеннымъ признаніемъ былъ такъ доволенъ, что гѣнотъ его ознаменовалъ только титуломъ: «князь баса» и велѣлъ нарисовать его на картинѣ

съ курительною трубкою, сидящаго за столомъ, веселящагося и окруженнаго подгѣ музыкальными инструментами, а математическіе и прочіе инструменты брошенными вдали, въ знакъ того, что науки ему не нравились, и что выучился онъ только играть на басу. Сію картину видѣлъ и самъ у государя, и которою его величество любовался. При всемъ томъ Головинъ находился въ службѣ при адмиралтействѣ въ чинѣ генералъ-маіора. Петръ Великій любилъ его за прямоту, за вѣрность и за природныя таланты. Въ бесѣдахъ, гдѣ бывалъ государь, бывалъ и Головинъ, то между ближними своими называлъ его въ шуткахъ ученымъ человекомъ и знаткомъ корабельнаго искусства или Баасомъ¹⁾.

124.

1717 года, въ бытность Петра Великаго въ Парижѣ, приказалъ онъ сдѣлать въ одномъ домѣ для гренадеровъ баню на берегу Сены, и чтобъ они въ оной послѣ пару купались. Такое необыкновенное и для Парижанъ, по мнѣнію [ихъ], смертъ заключающее дѣйствіе произвело многочисленное собраніе Парижанъ. Они съ удивленіемъ смотрѣли, какъ солдаты, выбѣгая разгоряченные баннымъ паромъ, кидались въ рѣку, плавали и ныряли. Королевскій гофмейстеръ Вертонъ, находящійся при услугахъ императору, видя самъ сіе купанье, Петру Великому докладывалъ, (не зная, что то дѣлается по приказу государя), чтобъ онъ солдатамъ запретилъ купаться, ибо де всѣ перемерутъ. Государь разсѣявшись отвѣчалъ: «Не опасайтесь, господинъ Вертонъ! Солдаты отъ парижскаго воздуха нѣсколько ослабли, такъ заняливаютъ себя русскою банею. У насъ бываетъ сіе и зимою; привычка — вторая натура».

125.

Тамъ же государь, осматривая войски французскія, при чемъ были герцогъ Орлеанскій, дюки дю-Менъ и Гизъ, и возвратясь

¹⁾ Государь званіе Баса придаетъ Головину не по инструменту только баса, какъ выше показано, но называлъ его въ шутку Баасомъ по голландски, что значитъ мастеръ, ибо Головинъ корабельному мастерству не научился.

домой, князю Куракину, бывшему въ Парижѣ послу, сказалъ: «Я видѣлъ нарядныхъ куколъ, а не солдатъ. Они ружьями фехтуютъ, а въ маршѣ только танцуютъ».

126.

При отъѣздѣ изъ Парижа Петръ Великій сказалъ: «Жалѣю, что домашнія обстоятельства принуждаютъ меня такъ скоро оставить то мѣсто, гдѣ науки и искусства цвѣтутъ, и жалѣю при томъ, что городъ сей рано или поздно отъ роскоши и необузданности претерпитъ великій вредъ, а отъ смирады вымретъ».

127.

Его величество, увиди нечаянно въ столовой залѣ подъ великолѣпнымъ балдахиномъ поставленный портретъ супруги своей Екатерины, былъ весьма доволенъ дюкомъ д'Антинемъ, который сіе приготовить велѣлъ. Государь, сѣвъ за столъ противъ сего портрета, во время обѣда часто на оный смотрѣлъ и, будучи веселъ, дюку говорилъ: «Вы отгадали, я ее люблю, и васъ, какъ за учтивость, такъ и за неожиданное съ женою моею свиданіе, благодарю».

Между тѣмъ какъ обѣдъ часа съ два продолжался, славный живописецъ Риго, будучи въ другой комнатѣ, портретъ съ самаго Петра Великаго написалъ, и когда дюкъ д'Антинъ повесилъ оный его величеству, то государь, смотря на него и удивляясь сходству, показывалъ бывшему при немъ князю Куракину, Шафирову и Ягушинскому и говорилъ: «Право, похожъ». Потомъ приказалъ живописцу Риго оный докончить, за что и пожаловалъ ему сто лувдоровъ.

128.

Петръ Великій охотно желалъ заключить дружескій союзъ съ Франціею. Но первый министръ кардиналъ Дюбуа, руководимый ложными политическими планами, въ томъ препятствовалъ.

На сіе его величество сказалъ: «Господа думаютъ и разсуждаютъ о дѣлахъ, но слуги тѣ дѣла портятъ, когда ихъ господа слѣпо слѣдуютъ внушенію слугъ».

129.

На дорогѣ къ Парижъ, въ Бовѣ, тамошнимъ епископомъ приготовленъ былъ для государя великолѣпный обѣдъ, но его величество остановиться тамъ не разсудилъ, и когда сопутствовавшіе ему докладывали, что въ другомъ мѣстѣ такого обѣда не будетъ, то государь отвѣчалъ: «У васъ только и на умѣ, чтобъ пить да ѣсть сладко. Для солдата былъ бы сухарь да вода, такъ онъ тѣмъ и доволенъ; а здѣсь можно найти бѣлый хлѣбъ и вино».

130.

Въ 1714 году государь, будучи въ Финскомъ заливѣ со флотомъ, отъ Гельсингфорса къ Аланду претерпѣлъ великую опасность въ потерю самой жизни, ибо ночью поднялась жестокая буря, и весь флотъ находился въ крайнемъ бѣдствіи, и всѣ думали, что погибнуть. Его величество, увидѣвъ корабельщиковъ своихъ робость, рѣшился сѣсть на шлюбку и ѣхать къ берегу и, зажегши тамъ огонь, дать знать близость снаго. Бывшіе на кораблѣ его офицеры, ужасаясь отважности монаршей, всѣ пали къ ногамъ его и просили неотступно, чтобъ отмѣнилъ сіе гибельное намѣреніе и чтобъ имъ сіе исполнить повелѣлъ. Но государь, показывая подданнымъ на морѣ безстрашіе, не послушалъ ихъ, сѣлъ съ нѣсколькими гребцами въ шлюбку и поплылъ. Рулемъ его величество управлялъ самъ, а гребцы работали сильно въ греблѣ, но, борясь долго противу ярщахся волнъ, начали ослабѣвать и уже потопленія ожидали. Въ таковомъ ихъ отчаяніи Петръ Великій всталъ съ мѣста своего и въ ободреніе имъ кричалъ: «Чего боятесь! Царя везете! Кто велѣй, яко Богъ? Богъ съ нами! Ребята, прибавляйте силы!» Такая рѣчь возобновляла мужество во всѣхъ; пробился онъ сквозь валы до берега, куда

выпедь, зажегъ огонь и тѣмъ далъ знакъ флоту, что онъ счастливо туда прибылъ, и что они также недалеко отъ берега. Государь, весь водою измоченный, обогрѣвался у огня съ гребцами и спросилъ: «Есть ли на шлюбкѣ морской сбитень и сухари?» И когда сіе къ нему принесено, то разогрѣвъ сбитень, выпилъ стаканъ, сѣлъ сухарь, велѣлъ выпить стаканъ по два матросамъ и потомъ близъ огня подъ деревомъ, покрывшись парусиною, заснулъ.

131.

Апрѣля 27-го въ Парижѣ посѣщалъ государя правитель Франціи герцогъ Орлеанскій. Первое слово его величества къ герцогу было такое: «Радуюсь, что славной столицы вижу славнаго правителя!» На чтъ герцогъ отвѣчалъ: «А я за высокую честь поставляю видѣть самолично великаго государя и героя!» Разговоръ продолжался съ полчаса. Переводчикъ былъ князь Куракинъ. Въ свитѣ его величества находились князь Василій Долгорукой, Иванъ Бутурлинъ, Петръ Толстой, Шафировъ да генералъ-адъютантъ Павелъ Ягушинскій.

132.

Тамъ же, въ бытность государя на монетномъ дворѣ, при тисненіи медалей вдругъ одна золотая медаль поднесена была Петру Великому. Его величество, взглянувъ на нее и увидя портретъ свой, а на другой сторонѣ изображеніе знаменитыхъ дѣлъ его, сказалъ герцогу д'Анвиу, который ему сію медаль и отдавалъ: «Сей даръ столько мнѣ любезенъ, сколько любезны изображенныя на прочихъ медаляхъ дѣла Людовика XIV».

133.

Государь, отъѣзжая къ Дюнирхену и увидя великое множество вѣтряныхъ мельницъ, разсмѣявшись, Павлу Ивановичу Ягушинскому сказалъ: «То-то бы для Донъ-Кихотовъ было здѣсь работы!»

134.

Въ Кале Петръ Великій смотрѣлъ военныя экзерсиціи, потомъ любопытствовалъ видѣть огромнаго великана, по имени Николая, и увидя спросилъ: хочеть ли онъ быть у него. «Желаю, ваше величество, быть у васъ, только чтобъ не ѣхать чрезъ Берлинъ и не попасться въ руки короля Прусскаго; онъ непременно выпроситъ меня у васъ и сдѣлаетъ потсдамскимъ солдатомъ». «Правда», сказалъ государь, — «у него бы ты былъ въ шеренгѣ первый гренадеръ и флигельманъ, но у меня будешь первый мой гайдукъ. Не бойся! Потсдамскимъ воиномъ тебѣ не быть и короля не видать!» Почему я приказалъ отправить онаго моремъ въ Петербургъ, гдѣ по возвращеніи государевомъ служилъ и за столомъ у него стоялъ, что видалъ я самъ. Сей великанъ есть тотъ самый, который находится въ Санктпетербургской кунсткамерѣ.

135.

2-го іюня 1717 года, послѣ полудня, ѣздитъ государь въ Сентъ-Дени смотрѣть разныя сокровища, королевскія гробницы и славное зданіе монастыря. Увидя тамъ маршалу Тюренну поставленный мраморный монументъ, при которомъ поставленъ орелъ устрешенный, Петръ Великій спросилъ: «Что это значить?» И когда донесено было, что сія эмблема знаменуетъ Германію, подвигами сего славнаго героя въ ужасъ приведеную, то на сіе его величество сказалъ: «Потому-то сей орелъ пасмуренъ и не перистъ, что Тюреннъ крылья у него обстригъ. Достоиную мужу достойная и честь, когда Тюреннъ между королями погребенъ». Но между знатыми Россіянами государь разсуждая говорилъ: «Желалъ бы я видѣть гробницу Монтевукула; поставлены ль тамъ лиліи цвѣтущими?»

136.

Его величество, прибывъ въ голландскую крѣпость Намуръ, въ которой командовалъ графъ Гомпелъ, сѣлъ у воротъ на до-

шадъ и, сопровождаемый симъ графомъ и офицерами, поѣхалъ въ замокъ осматривать укрѣпленія, о которыхъ дѣлалъ свои примѣчанія и между разговорами съ графомъ и прочими сказалъ: «Господа офицеры, которые здѣсь меня окружаютъ и которые храбростію въ послѣдней войнѣ отличались, подають мнѣ пріятное воспоминаніе, какъ будто нахожусь теперь въ отечествѣ моемъ съ своими друзьями и офицерами». При семъ случаѣ государь разсказывалъ нѣ о осадахъ и сраженіяхъ, при которыхъ самъ присутствовалъ. Бесѣдою сихъ воиновъ былъ онъ такъ доволенъ, что радость на лицѣ его написана была безмѣрная.

137.

Генералъ-фельдцеймейстеръ графъ Брюсъ мужъ былъ ученый, упражнялся въ высокихъ наукахъ и чрезъестественному не вѣрилъ. Его величество, любопытствуя о разныхъ въ природѣ вещахъ, часто говаривалъ съ нимъ о физическихъ и метафизическихъ явленіяхъ. Между прочимъ былъ разговоръ о святыхъ мощахъ, которыя онъ отвергалъ. Государь, желая доказать ему нетлѣніе чрезъ Болжескую благодать, взялъ съ собою Брюса въ Москву и въ проѣздъ чрезъ Новгородъ зашелъ съ нимъ въ соборную Софійскую церковь, въ которой находятся разныя мощи, и показывая онѣя Брюсу, спрашивалъ о причинѣ нетлѣнія ихъ. Но какъ Брюсъ относилъ сіе въ пламату, къ свойству земли, въ которой прежде погребены были, къ бальзамированію тѣлесъ и къ воздержной жизни и сухояденію или пощенію, то Петръ Великій, приступя наконецъ къ мощамъ святаго Никиты, архієпископа Новгородскаго, открылъ ихъ, поднялъ ихъ изъ раки, посадилъ, развелъ руки и, наки сложивъ ихъ, положилъ, потомъ спросилъ: «Что скажешь теперь, Яковъ Даниловичъ? Отъ чего сіе происходитъ, что стѣбы костей такъ движутся, яко бы у живого, и не разрушаются, и что видъ лица его, аки бы недавно скончавшагося?» Графъ Брюсъ, увидя чудо сіе, весьма дивился и въ изумленіи отвѣчалъ: «Не знаю сего, а вѣдаю то, что Богъ

всемогущъ и премудръ». На сіе государь сказавъ ему: «Сему-то вѣрю и я и вижу, что свѣтскія науки далеко еще отстаютъ отъ таинственнаго познанія величества Творца, котораго можно, да вразумить меня по духу. Тѣлесное, Яковъ Даниловичъ, такъ при-
вязано къ плотскому, что трудно изъ сего выдраться».

138.

Петръ Великій, однажды разгнѣвавшись сильно на князя Меншикова, вспомнилъ ему, какого онъ происхожденія, и сказавъ при томъ: «Знаешь ли ты, что я разомъ поверочу тебя въ прежнее состояніе, чѣмъ ты былъ. Тотчасъ возьми кузовъ свой съ пирогами, скитайся по лагерю и по улицамъ, кричи: пироги подовые! какъ дѣлывалъ прежде. Вонъ! Ты не достоинъ милости моей». Потомъ вытолкнулъ его изъ комнаты. Меншиковъ кинулся прямо къ императрицѣ, которая при всѣхъ такихъ случаяхъ покровительствовала, и просилъ со слезами, чтобъ она государя умилостивила и смягчила. Императрица пошла немедленно, нашла монарха пасмурнымъ. А какъ она нравъ супруга своего знала совершенно, то и старалась впервыхъ его всячески развеселить. Минувался гнѣвъ, явилось милосердіе, а Меншиковъ, чтобъ доказать повинновеніе, между тѣмъ, подхватя на улицѣ у пирожника кузовъ съ пирогами, навѣсилъ на себя и въ видѣ пирожника явился предъ императора. Его величество, увидѣвъ сіе, разсмѣялся и говорилъ: «Слушай, Александръ! Перестань бездѣлничать, или хуже будешь пирожника!» Потомъ простя, пакки принявъ его по прежнему въ милость. Сіе видѣлъ я своими глазами. Послѣ Меншиковъ пошелъ за императрицею и кричалъ: «Пироги подовые!» А государь въ слѣдъ ему смѣялся и говорилъ: «Помни, Александръ!» «Помню, ваше величество, и не забуду: пироги подовые!»

139.

Государь пожаловалъ Нарту деревянный домъ близъ дворца, на углу Милліонной, гдѣ нынѣ палаты графа Брюса, за-

хаживалъ къ нему часто, бесѣдовалъ у него съ художниками, разсматривалъ тутъ работы ихъ, разсуждалъ о разныхъ мастерствахъ и на токарномъ станкѣ тачивалъ, говоря: «Я долженъ у моего механика и токарнаго мастера урокъ свой кончить». А какъ его величество любилъ мыльню, то указавъ на дворѣ его построить баню, нерѣдко въ оную съ дешиками хаживалъ; для тренія и паренья употреблялъ токарнаго ученика Левонтьева, который былъ мужикъ дюжій. Нѣкогда Левонтьевъ поддалъ на каменку столь много, что его величество, будучи на верхнемъ пому, смѣячись закричалъ ему: «Слушай, Левонтьевъ, не зажарь насъ живыхъ, чтобъ не сдѣлали насъ банными мучениками! Я, право, въ числѣ ихъ быть не хочу!» «Не бось, государь», отвѣчалъ парильщикъ, — «насъ старцы не любятъ». «Ты отгадалъ, сказалъ монархъ, — «однако не сдѣлай изъ насъ для нихъ копченой ряпухи!»

140.

1714 года, іюля 27-го, по полученіи у Гаугута надъ Шведами морской побѣды, гдѣ его величество, яко контръ-адмиралъ, командовавшій авангардомъ, шведскаго шаутбенахта Еришльда, весьма храбро защищавшагося, съ фрегатомъ и нѣсколькими галерами и прамами въ полонъ взялъ, и когда весь російскій флотъ въ Кронштадтъ возвратился, то учинено было въ Санктпетербургѣ торжество, куда привезены были шведскія галеры, прама и фрегатъ Еришльдовъ, Елефанъ или Слонъ называемый, подъ провожденіемъ російскихъ галеръ, фрегатомъ и самого того фрегата, на которомъ находился російскій контръ-адмиралъ царь Петръ Алексѣевичъ, яко побѣдатель, и за сію побѣду въ сенатѣ отъ князя-цесаря Ромодановскаго вице-адмираломъ пожалованъ. Ради сего уготованъ былъ славный обѣдъ у князя Меншикова, къ которому позваны были всѣ російскіе знатные господа, иностранные министры и шаутбенахтъ Еришльдъ приглашенъ. Сему государь оказывалъ великую милость и послѣ стола ко всѣмъ присутствовавшимъ особамъ говорилъ: «Здѣсь видите вы храб-

раго и вѣрнаго слугу своего государя, который достоинъ великія награды, и сколь долго пребудетъ онъ у меня, возьмѣть всю мою милость, хотя онъ и многихъ храбрыхъ Россіянъ побилъ». Потомъ, оборотясь къ Еришильду, съ улыбкой сказалъ: «Но я сіе прощаю вамъ, пребывая къ вамъ благосклоненъ». На чтò Еришильдъ, всенѣжайше благодарилъ, отвѣчалъ: «Хотя я государю моему служилъ честно, однако дѣлалъ то, чего должность требовала. Я не щадилъ живота, шелъ на смерть, но ея не нашелъ (ибо на сраженіи получилъ семь ранъ), и единое меня теперь то утѣшаетъ въ несчастіи моемъ, что и вашимъ царскимъ величествомъ, какъ великимъ морскимъ офицеромъ и вышнимъ вице-адмираломъ, въ полонъ взять и съ такою милостію отъ побѣдителя своего принять».

Не отдава ли при семъ справедливость отъ государя шведскому шаутбенахту, а отъ него—истинное признаніе монарху? Коль ясно видется великодушіе геройское противъ плѣннаго!

141.

Петръ Великій, начавъ службу въ сухопутномъ войскѣ [и во флотѣ] съ низшихъ чиновъ, происходилъ въ вышнія степени существенными трудами, по заслугамъ и достоинству, за баталіи и осады, при которыхъ, присутствуя особою своею, бывалъ то подчиненнымъ, то храбрымъ предводителемъ, въ сильнѣйшемъ огнѣ, съ безстрашіемъ и съ присутствіемъ духа, здраваго и рѣшительнаго разсужденія, въ опасныхъ случаяхъ противъ непріятелей, къ подданнымъ говорилъ такъ: «Побѣдить или умереть славно!» Наконецъ, достигнувъ до чиновъ сухопутной арміи до генерал-майорскаго, а во флотѣ до вице-адмиральскаго, получалъ и обыкновенное жалованье. И когда его величеству оное приносили, то говорилъ: «Сіи деньги — собственные мои; я ихъ заслужилъ и употреблять могу по произволу; но съ государственными доходами поступать надлежитъ осторожно: объ нихъ долженъ я дать отчетъ Богу».

Я самъ слышалъ сіи рѣчи изъ устъ монаршихъ.

142.

Его величество, бывъ въ Парижѣ на астрономической обсерваторіи, съ удовольствіемъ смотрѣлъ въ зрительную трубку на весь небесный сводъ и, обратясь къ бывшимъ съ нимъ Россіянамъ, съ восхищеніемъ говорилъ: «Вотъ для глазъ отвертая книга чудесъ Божиихъ, которая ясно показываетъ великую премудрость Творца! Бесѣдуя тѣломъ адѣсь, право мысля теперь тамъ! Я благодаренъ имъ, что зрѣніемъ и душою путешествую въ безконечности съ Вѣчнымъ Существомъ. Советовалъ бы я безбожникамъ и вольнодумцамъ учиться астрономіи и почаще быть на обсерваторіи, когда земной шаръ недостаточенъ имъ для увѣренія, и когда бродятъ по нему слѣпо».

143.

Случилось государю ѣздомъ идти изъ Преображенскаго села съ нѣкоторыми знатыми особами по Московской дорогѣ, гдѣ увидѣлъ онъ вдали пыль, потомъ скачущаго ѣздоваго или разсыльщика, машущаго плетью и кричащаго прохожимъ и ѣдущимъ такія [слова]: «Къ сторонѣ, къ сторонѣ! Шляпу и шапку долой! Князь-цесарь ѣдетъ!» А за нимъ вслѣдъ ѣдущаго на колымажкѣ, запряженной однимъ конемъ, князя Ромодановскаго, на которомъ былъ длинный бешметъ, а на головѣ сафьянная шапка. Лишь только поравнялся онъ съ ними, то государь, остановясь и не снимая шляпы, сказалъ: «Здравствуй, князь гнедигеръ геръ кейзеръ!» то-есть: мой милостивый государь кесарь! На сіе не отвѣчая князь ни слова, при сердитомъ взглядѣ, кивнулъ только головою, самъ продолжалъ путь далѣе. По возвращеніи его величества [въ Преображенское] и, не видя по обыкновенію въ комнатахъ своихъ Ромодановскаго, послалъ просить его къ себѣ изъ тайнаго приказа, гдѣ князь присутствовалъ; но князь отправилъ напротивъ къ нему грознаго рассыльщика съ объявленіемъ, чтобъ Петръ Михайловъ явился къ отвѣту. Государь, догадавшись тотчасъ о его гнѣвѣ, пошелъ на свиданіе. При вшествіи его величе-

ства Ромодановскій, не вставая съ кресель, спрашивалъ сурово такъ: «Что за слѣсъ, что за гордость! Уже Петръ Михайловъ не снимаетъ нинѣ цесарю и шляпы! Развѣ царя Петра Алексѣевича указъ не силенъ, которымъ указано строго почитать начальниковъ?» «Не сердись, князь-цесарь», сказалъ Петръ Великій, — «дай руку, переговоримъ у меня и помиримся». На что не отвѣчалъ Ромодановскій ни слова, [едва и какъ будто не хотя съ кресель приподнялся] и пошелъ рядомъ съ государемъ во дворецъ. Проходящему князю-цесарю черезъ передніе покои стоящіе гвардіи штабъ-офицеры и другіе господа кланялись низко, ибо они его зѣло боялись и воздавали ему почести предо всѣми отличнѣйшую. И какъ государь въ другомъ покоѣ остановился, то призвалъ сяхъ особъ предъ себя, велѣлъ поднести цесарю ковшечекъ отъемнаго вина, потому что онъ водки не любилъ, а себѣ и прочимъ — анисовой водки, а послѣ того предо всѣми говорилъ: «Я надѣюсь, что твое цесарское величество меня въ томъ проститъ, когда я передъ тобою не снялъ на дорогѣ шляпы. Сіе неучтивство произошло отъ твоего бешмета, въ которомъ сана твоего не позналъ. Еслибъ ты былъ въ пристойной униформѣ, то-есть, въ приличномъ камтанѣ, я бѣ отдалъ надлежащій по чину поклонъ». Какъ ни досаденъ будто бѣ былъ такой выговоръ князю-цесарю, однако подъ видомъ извиненія объясняя, что бешметъ ни мало не уменьшаетъ его чина и достоинства, государю сказалъ: «Я тебя прощаю». «Теперь мы по квитались съ тобою», отвѣчалъ улыбувшись государь и, обратясь къ предстоящимъ, продолжалъ слѣдующія слова: «Длинное платье мѣшало доселѣ проворству рукъ и ногъ стрѣльцовъ; они не могли ни работать хорошо ружьемъ, ни маршировать, то-есть, ходить. Для того-то велѣлъ я Лефорту пообрѣзать сперва жупаны и зарукавья, а послѣ слѣлать новые мундиры по обычаю Европы. Старая одежда похожа болѣе на татарскую, нежели на сродную намъ, легкую славянскую. Долгой бешметъ у татаръ — то, что у козаковъ казанигъ. Въ спальномъ платьѣ являться въ команду не годится».

Такое вразумленіе относилось не на Ромодановскаго, но на

тѣхъ упрямыхъ бояръ, которымъ новая одежда не нравилась, и какъ видно, учинено [было] сіе отъ обоихъ по условію, дабы князь-цесарь, яко любимый его величества бояринъ, подавалъ прочимъ въ преобразованіи одежды примѣръ. Съ тѣхъ поръ князь Ромодановскій не бѣжалъ болѣе въ бешметъ въ Преображенскъ.

144.

Петръ Великій, въ бытность свою съ государыней Екatherine Алексѣевною въ Гагѣ, осматривая любопытныя вещи въ городѣ и окрестностяхъ онаго, провѣдалъ, что находится тамъ одинъ математикъ, который увѣрялъ, яко бы сыскалъ онъ способъ узнавать долготу мѣстъ (longitude); а какъ его величество любопытствовалъ видѣть такое важное изобрѣтеніе, то и желалъ присутствовать своею особою при опытахъ, которые обѣщаль изобрѣтатель дѣлать своими инструментами, которые составляли такой компасъ, который показывалъ, по сказанію его, степени долготы и широты мѣстъ. Сей ученый мужъ устроилъ осьмоугольный шалашъ въ одномъ суднѣ, которое введено было въ гагскій большой прудъ; разставлялъ онъ шесть нумерованные, которыхъ плакъ имѣлъ въ томъ шалашѣ, и которые представляли пристани и разныя страны, а прудъ представлялъ яко бы пространство моря. Государь имѣлъ терпѣніе находится въ семъ закрытомъ со всѣхъ сторонъ шалашѣ болѣе трехъ часовъ съ графомъ Албельмарлемъ, съ княземъ Куракинымъ и съ нѣкоторыми депутатами Голландскихъ Штатовъ и съ симъ инвенторомъ. Гребцы, управлявшіе симъ судномъ, разъѣзжали всюду, а математикъ, запертый въ шалашѣ, означалъ и сказывалъ, въ которой сторонѣ пруда судно находилось, и подлѣ котораго шеста было. Петръ Великій дѣлалъ ему при томъ разныя возраженія; наконецъ засвидѣтельствовалъ, что сей человекъ далеко дошелъ въ изобрѣтеніи своемъ, познавая долготу и широту мѣстъ, но еще недостаетъ [въ томъ] нѣкотораго въ немъ совершенства, однако заслуживаетъ похвалу и награжденіе, говоря при томъ

Албелмарлю и прочимъ съ нимъ бывшимъ слѣдующее: «Я ни мало не хую алхимиста, ищущаго превращать металлы въ золото, механика, старающагося сыскать вѣчное движеніе (perpetuum mobile), и математика, домогающагося узнавать долготу мѣстъ, для того, что, изыскивая чрезвычайное, незапно изобрѣтаютъ многія побочныя полезныя вещи. Такого рода людей должно всячески ободрять, а не презирать, какъ то многіе противное сему чинятъ, называя такія упражненія бреднями».

Его величество подарилъ сему математику за трудъ сей 100 червонныхъ и приглашалъ его пріѣхать въ Россію, чтобъ онъ производилъ дальнѣйшіе опыты надъ симъ полезнымъ изобрѣтеніемъ въ его государствѣ, и обѣщалъ за сіе достойное награжденіе.

145.

При всѣхъ трудахъ и заботахъ государственныхъ государь иногда любилъ побесѣдовать и съ красавицею, только не болѣе получаса. Правда, любилъ его величество женскій полъ, однакожь страстью ни къ какой женщинѣ не притѣплялся и утѣшалъ любовный пламень скоро, говоря: «Солдату утопать въ роскоши не надлежитъ; забывать службу ради женщины не простительно. Быть плѣнникомъ любовницы хуже, нежели быть плѣнникомъ на войнѣ; у непріятеля свояя можетъ быть свобода, а у женщины оковы долговременны». Онъ употреблялъ ту, которая ему встрѣтилась и нравилась, но всегда съ согласія ея и безъ принужденія. Впрочемъ имѣлъ такіа молодецкія ухватки и такъ пріятно умѣлъ обходиться съ женскимъ поломъ, что рѣдкая отказать бы ему могла. Видали мы сіе не токмо дома, но и въ чужихъ государствахъ, а особливо въ Польшѣ, когда онъ на такую охоту съ Августомъ ѣзжалъ.

146.

Начално случилось его величеству увидѣть одну дѣвушку пріятнаго и красиваго лица, нарвскую уроженку, лѣтъ двадцати,

которая жила во дворцѣ у надзирательницы царскаго бѣлья и должность бѣлошвейки отиравала; а какъ она при красотѣ одарена была и умомъ, то государь, познакомивъ съ нею, нерѣдко ее у себя имѣлъ. Сколь скрытно сіе ни дѣлалось, однако какимъ-то образомъ провѣдала о семъ императрица. Сего ради, желая отличить отъ прочихъ сію фаворитку, вдругъ взяла ее къ себѣ вверхъ и опредѣлила ее своею камеръ-юфферою да и наряжала ее лучше прочихъ. Его величество о такомъ провѣствіи ничего не зналъ, ибо вскорѣ послѣ такой перемены случилось ему зайти въ комнаты своей супруги, гдѣ нечаянно и увидѣлъ свою знакомку. Такая незапная встрѣча удивила монарха и внутренно была непріятна. Онъ не смотрѣлъ на нее и оборотился прочь. Государыня, примѣтя сіе, старалась его развеселить и съ видомъ благопріятнымъ доносила ему такъ: «Хотя эта дѣвушка вашему величеству и незнакома, и я не имѣла прежде времени ее вамъ представить, однако, находя ее для себя надобною, приняла въ камеръ-юфферы. Я думаю, государь, вы выборъ мой милостиво примите и не похулите; я около себя дурныхъ держать не люблю, а она и хороша, и умна». Государю представленіе такое было совѣстно, ибо императрица сіе съ такою нѣжностію, ласкою и повиновеніемъ дѣлала, что онъ не сказалъ на сіе ни слова, улыбувшись вышелъ вонъ (понеже онъ такую тонкость въ мигъ позналъ) и послѣ сію дѣвушку некогда къ себѣ не зывалъ, да и вскорѣ послѣ того выдалъ ее за чиновнаго и богатаго ливондскаго дворнина, чтобъ тѣмъ доказать супругѣ своей, что камеръ-юффера ея не есть его такая любовница, къ которой бы онъ горячо былъ привязанъ.

147.

Когда государь вводилъ въ обычай собранія, въ которыхъ долженствовали стѣзжаться чиновныя особы вмѣстѣ съ женами и дочерьми, чтобъ веселиться общою бесѣдою, забавами и танцованьемъ, чего прежде не бывало, — то случилось нѣкогда, что на одномъ балѣ любимецъ его Меншиковъ пошелъ танцовать въ

шпаги. Его величество, увидя такую немощь, подошедъ къ нему, сорвалъ съ него шпагу, бросилъ ее въ сторону и близъ стоящимъ господамъ смѣясь говорилъ: «Не осудите его: онъ все думаетъ, что онъ передъ фрунтомъ на конѣ танцуетъ со шпагою».

Нѣкоторые сказываютъ, что государь, за сіе будто бы разсердился, ударилъ его въ щеку, но оное введено на государя отъ чужестранцевъ напрасно, которые по ненависти всячески старались приписывать монарху излишнюю жестокость.

148.

Петръ Великій, по возвращеніи изъ Персіи въ 1723 году, нашелъ разныя неурюстройства въ правленіи дѣлъ и преступленіяхъ, въ грабежѣ нѣкоторыхъ особъ, между прочими и князя Меншикова, который хотя чистосердечнымъ признаніемъ своимъ и освободился отъ тяжкаго наказанія, однакожъ учинено съ него было денежное взысканіе, лишены великихъ доходовъ да и потерялъ милость и любовь у государя. Императрица при семъ случаѣ была заступницею за Меншикова; она спасла его тогда отъ крайняго бѣдствія неотступнымъ прошеніемъ своимъ, на которое спускаясь, монархъ при прошеніи сказалъ: «Ей, Меншиковъ въ беззаконіи зачатъ, и во грѣсѣхъ родила мати его, а въ плутовствѣ скончаеть животъ свой. И если, Катенька, онъ не исправится, то быть ему безъ головы. Я для тебя его на первый разъ прощаю».

Сіе слышалъ я самъ, когда государь государынѣ въ кабинетѣ своемъ говорилъ. Чуть-чуть удѣлилъ Меншиковъ тогда отъ совершенной погребели, ибо его величество довѣренность свою къ нему уже потушилъ, имѣя на него разныя и важныя подозрѣнія.

149.

Въ началѣ января 1725 года, въ самой той мѣсяцъ, когда судьбою Всевышняго опредѣленъ былъ конецъ житія Петра Ве-

ликаго, и когда уже его величество чувствовалъ въ тѣлѣ своемъ болѣзненные припадки, все еще неутомимый духъ его трудился о пользѣ и славѣ отечества своего, — ибо сочинилъ и написалъ собственною рукою наказъ Камчатской экспедиціи, которая должна была провѣдывать и отыскивать мореходствомъ того, не соединяется ли Азія къ сѣверо-востоку съ Америкою, отдалъ онъ наказъ генералъ-адмиралу Апраксину, назначивъ самъ къ нему испытанію флотскаго капитана Витуса Беринга, а въ помощь къ нему Мартына Шпангенберга и Алексѣя Чиркова.

Я, будучи тогда безпрестанно при государѣ, видѣлъ самъ своими глазами то, какъ его величество сѣлится сочинять наставленіе такого важнаго предпріятія и будто бы предвидѣлъ скорую кончину свою, и какъ онъ былъ спокоенъ и доволенъ, когда окончилъ. Призванному къ себѣ генералъ-адмиралу вручивъ, говорилъ слѣдующее: «Худое здоровье заставило меня сидѣть дома; я вспоминалъ на сихъ дняхъ то, о чемъ мыслялъ давно, и что другія дѣла предпріять мѣшали, то-есть, о дорогѣ чрезъ Ледовитое море въ Китай и Индію. На сей морской картѣ проложенъ путь, называемый Авіанъ, назначенъ не напрасно. Въ послѣднемъ путешествіи моемъ въ разговорахъ слышалъ я отъ ученыхъ людей, что такое обрѣтеніе возможно. Ограда отечество безопасностію отъ непріятеля, надлежитъ стараться находить славу государству чрезъ искусства и науки. Не будемъ ли мы въ наследованіи такого пути счастливы Голландцевъ и Англичанъ, которые многократно покушались обыскивать береговъ американскихъ? О семъ-то написалъ инструкцію; распоряженіе же сего поручаю, Федоръ Матѣевичъ, за болѣзнь мою твоему попеченію, дабы точно по сими пунктамъ, до кого сіе принадлежитъ, исполнено было».

150.

Когда государь намѣренъ былъ предать всенародному сулу царевну Софію Алексѣевну и строгость закона надъ нею исполнять за послѣдній бунтъ, ея ухищреніемъ во время пребыванія

его въ чужестранныхъ государствахъ между стрѣльцами произведенный, дабы ей изъ монастыря освободиться и сдѣлаться самодержавною государынею, а Петра Алексѣевича на возвратномъ пути, не допустивъ до Москвы, убить, — то Лефорть, котораго государь любилъ паче прочихъ и совѣтовъ его слушалъ, представляя ему и великую славу, и великодушіе, его убѣждалъ, чтобъ онъ сестру свою простилъ еще разъ, на что получилъ такой отвѣтъ: «Ужели не знаешь того, какъ она посягала на животъ мой, хотя ей было тогда 14 лѣтъ?» «Такъ, государь», продолжалъ Лефорть; — «но вы не лишайте жизни ее для своей славы, которая должна драгоцѣннѣе вамъ быть, нежели мщеніе. Сіе оставить надлежитъ свирѣпости Турокъ, кои обгагрятъ руки въ крови братій своихъ; а христіанскій государь долженъ имѣть чувствованія милосердыя». Убѣжденный такимъ благороднымъ наставленіемъ, государь вздохнулъ, пожалъ плечами, простилъ Софью, пошелъ къ ней въ монастырь и чувствительные дѣлалъ выговоры, которые произвели въ ней и въ немъ слезы. И хотя при такомъ указаніи Софія защищала краснорѣчіемъ своимъ весьма сильно невинность свою, однако, обвиненная ясными доказательствами въ преступленіи своемъ, оставлена была на вѣчное заключеніе въ монастырѣ подъ стражею. Государь, по возвращеніи своемъ изъ монастыря, говорилъ Лефорту такъ: «Жаль, что Софія при великомъ умѣ своемъ имѣетъ великую злость и коварство».

Сію достопамятность слышалъ я отъ фельдмаршала князя Ивана Юрьевича Трубецкаго.

151.

Государь, поручая договоры чинить о мирѣ со Шведами, при мнѣ говорилъ Головкину, Брюсу и Остерману: «Я бы возвратилъ Шведамъ Ревель, да можетъ быть, отдалъ бы еще и болѣе, еслибъ король Англическій¹⁾ не хвасталъ, что я не могу

¹⁾ Георгъ I.

Ревеля удержать и долженъ его отдать. Я покажу ему теперь вопреки».

152.

Когда Шведы, обнищавъ деньгами, послѣ мира Петру Великому продавали распиленные мѣдные пушки, то государь сказалъ Брюсу: «Какъ дорого война не стоитъ, а деньги у меня есть. Такой торгъ полезенъ: мѣдь надобна, когда своей еще мало».

153.

Его величество, показывая мнѣ чертежъ новаго укрѣпленія Кроуштадта, выдуманнаго генераль-поручикомъ Минихомъ, и хвали его къ оборонѣ дотради, говорилъ: «Спасибо Долгорукову (который былъ въ 1721 году посланникомъ въ Польшу)! Онъ доставилъ мнѣ сего искуснаго инженера и генерала. Когда Саксонцы и Поляки не умѣли его въ службѣ своей держать, такъ я покажу имъ, что я умѣю достойныхъ и знающихъ генераловъ награждать». Послѣ сего поручилъ Миниху сдѣлать [проекты] Рогервикской гавани и Ладожскому каналу.

154.

О царевичѣ Алексѣѣ Петровичѣ, когда онъ привезенъ былъ обратно изъ чужихъ краевъ, государь Толстому говорилъ такъ: «Когда бъ не монахиня, не монахъ и не Киклиъ, Алексѣй не дерзнулъ бы на такое зло неслыханное. Ой, бородачи, многому злу корень — старцы и попы! Отецъ мой имѣлъ дѣло съ однимъ бородачемъ, а я съ тысячами. Богъ сердцемъ и судія вѣроломцамъ! Я хотѣлъ ему благо, а онъ всегдашній мнѣ противникъ». На сіе Толстой его величеству отвѣчалъ: «Кающемся и повинующемся милосердіе, а старцамъ пора обрѣзать перья и поубавить пуху». На это повторилъ его величество: «Не будутъ летать скоро, скоро!» И потомъ, взявъ головою вверхъ и въ горести пожавъ плечами, велѣлъ позвать Ушакова и Румянцева, которымъ далъ по особой бумагѣ.

155.

По тому же слѣдствію Толстому государь сказалъ: «Едва ль кто изъ государей сносилъ столько бѣдъ и напастей, какъ я! Отъ сестры былъ гонимъ до зѣла: она была хитра и зла. Монахиня несносна: она глупа. Сынъ меня ненавидѣтъ: онъ упрямъ. Все зло отъ подпускателей».

156.

По тому же дѣлу государь говорилъ: «Страдаю, а все за отечество! Желаю ему полезное, но враги демонскія пакости дѣлуютъ. Труденъ разборъ невинности моей тому, кому дѣло сіе невѣдомо. Единъ Богъ зрѣтъ правду».

157.

Корабельные мастера, подъ предводительствомъ Баса Ивана Михайловича Головина, сдѣлали пирушку, на которую приглашенъ былъ посторонній знатный чиновникъ, бывший прежде стрѣleckимъ головою и нѣсколько замѣшанъ въ ихъ бунтахъ, но чистосердечнымъ раскаяніемъ получалъ прощеніе и потомъ за долговременную службу и особенно оказанныя услуги обрѣлъ у его величества милость, а по отличному уму любовь и употребленъ былъ въ важныя дѣла. На той пирушкѣ, послѣ обѣда, гости слишкомъ подвеселились и другъ друга частымъ подношеніемъ стаканъ за стаканомъ подчивали, — то вышеупомянутый человѣкъ, уклоняясь отъ хмѣля, сѣлъ противъ комелька и притворился пьянымъ, дремлющимъ, шатавъ головою и снявъ съ себя парикъ; въ самомъ же дѣлѣ подслушивалъ рѣчи, которыя другія подгулившіе откровенно государю говорили. Государь, похаживая взадъ и впередъ и увидя плѣшивую голову сдѣшшаго на стулѣ хитреца, подошелъ къ нему, ударилъ ладонью слегка по голому темю раза два и сказалъ: «Притворство, господинъ Толстой! Послѣ, оборотясь къ предстоявшимъ, говорилъ: «Эта голова ходила прежде за евою головою, повисла, — боюсь, чтобъ не сва-

лилась съ плечъ». А притворицки, очнувшись, взглянувъ на государя, отвѣтствовалъ тотчасъ: «Не опасайтесь, ваше величество! Она вамъ вѣрна и на мнѣ тверда; что было прежде — не то послѣ, теперь и впредь». «Видите», сказалъ государь, — «онъ притворялся, а не пьянъ! Поднесите ему стаканъ три добраго флины¹⁾, такъ онъ поравняется съ нами и будетъ также сорочить²⁾».

158.

По возвращеніи генерала Бутурлина и тайнаго совѣтника Толстого отъ паревича Алексѣя Петровича, къ которому они посылаемы были отъ государя съ вопросами, его величество имъ сказалъ: «Теперь видите ясно, что онъ — другая Софья».

159.

Государь призывалъ къ себѣ въ чертежную генералъ-поручика Миниха и приказалъ ему сдѣлать проектъ укрѣпленій въ разныхъ удобныхъ мѣстахъ съ здѣшней лѣвой стороны отъ Риги по Двинѣ, а съ правой стороны отъ Риги къ морю до Пернова, отъ Пернова до Ревеля, отъ Ревеля до Нарвы и до самаго Петербурга, сказавъ ему: «Я надѣюсь въ этомъ по искусству вашему получить желаемое удовольствіе скоро».

160.

Къ большой достопамятности и къ отличному правосудію Петра Великаго служить доказательствомъ отмѣненное имъ жестокаго азіатское обыкновеніе лишать виновна тѣхъ наследниковъ, кои въ отцы учинили измѣну или пную вину противъ государя и тѣмъ заслуживали одно только праведное наказаніе, но вмѣсто того жены, дѣти ихъ, родственники, ничѣмъ невинные, за преступленіе родителей обще погибали или въ вѣчную ссылку

¹⁾ Флинтъ — грѣется пиво съ ковылкомъ, съ леденцомъ и съ лимоннымъ сокомъ.

²⁾ Сорочить, то-есть, болтать, какъ сороча.

ссылаемы были. Но Петръ Великій, по правосудію и великодушію своему отиѣнивъ сіе варварское узаконеніе, рассуждалъ: «Государю зазорно обогащаться стяжаніемъ подданнаго и невинное семейство его лишать имуществъ и пропитанія. Певинность возопіеть къ Богу».

161.

Государь рассказывалъ графу Шереметеву и генералъ-адмиралу Апраксину, что онъ въ самой молодости своей, читая Несторовъ лѣтописецъ, видѣлъ, что Олегъ посылалъ на судахъ войски подѣ Царьградъ, отъ чего съ тѣхъ поръ поселилось въ сердцахъ его желаніе учинить то же противъ вѣроломныхъ Турокъ, враговъ христіанъ, и отомстить обиды, которыя они обще съ Татарами Россіи дѣлали, и для того учредилъ кораблестроеніе въ способномъ мѣстѣ, и такую мысль его утвердила бытность его въ 1694 году въ Воронежѣ, гдѣ, обобравъ онъ мѣстоположеніе рѣки Дона, нашелъ способнымъ, чтобъ по взятіи Азова пройти и въ Черное море. Притомъ рассказывалъ имъ еще то, что первое его посѣщеніе города Архангельска породило въ немъ охоту завести тамъ строеніе судовъ, какъ для торговли, такъ и для морскихъ промысловъ. «А нынѣ при помощи Божіей», сказалъ онъ, — «когда есть Кронштадтъ и Петербургъ, и храбростію вашею завоеваны Рига, Ревель и прочіе города, то въ Архангельскѣ строящіеся корабли могутъ быть защитой противъ Шведовъ и другихъ морскихъ державъ. Вотъ, друзья мои, для чего полезно государю въ отцнзвѣ своей путешествовать и замѣчать то, что государству произвестъ можетъ сущую славу и процвѣтаніе!»

162.

Славный генералъ Патрикъ Гордонъ, оказавшій противъ Турокъ и Татаръ и при внутреннихъ мятежахъ противъ стрѣльцовъ храбрыя Россіи услуги, въ 1699 году заболѣлъ опасно. Государь, посѣщая его всадневно въ болѣзни, былъ при самой

его смерти, и когда скончался, то закрылъ его величество ему очю своею рукою и потомъ поцѣловалъ его въ лобъ, а при великолѣпномъ погребеніи сего мужа присутствовавшимъ чужестранцамъ и со слезами провозгласилъ: «Я и государство лишились усерднаго, вѣрнаго и храбраго генерала. Когда бъ не Гордонъ, Москвѣ было бы бѣдствіе великое». Потомъ, когда поставили гробъ въ могилу, то государь, кинувъ туда земли, сказалъ къ предстоящимъ: «Я даю ему только горсть земли, а онъ далъ мнѣ цѣлое пространство земли съ Азовомъ».

Сей чужестранецъ, по сказанію тѣхъ, кои его лично знали, любить былъ не только Петромъ Великимъ, но и подданными его. Смерть его была сожалѣніемъ всеобщимъ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

1.

Этотъ рассказъ составленъ по Вольтеру и главнымъ образомъ по Ж. Руссе. Первая фраза, служащая введеніемъ, разсказываетъ слѣдующія слова Вольтера изъ начала IX-й главы его «Исторіи»: «C'était une chose inouïe dans l'histoire du monde, qu'un roi de vingt-cinq ans qui abandonnait ses royaumes pour mieux régner». Далѣе повѣствованіе о приѣздѣ Петра въ Голландію и о пребываніи его въ Сардамъ съ 7-го августа до конца 1697 года почти цѣликомъ переведено изъ Руссе (II, 128—126, 129—131): «Aussitôt que le Czar fut arrivé à Emmerick, petite Ville sur les Frontières de la Gueldres, il abandonna ses Ambassadeurs à tous les fatigans honneurs du Ceremonial, et pris en diligence la route d'Amsterdam, où on peut dire qu'il brûloit d'arriver; effectivement il y arriva quinze jours avant la grande Ambassade n'ayant avec lui que sept jeunes Seigneurs du nombre desquels était le jeune Prince Sibirski... Le Czar passa Amsterdam comme un éclair, pour se rendre à Sardam dans une Barque qu'il avoit louée, et qu'il conduisoit lui-même habillé comme le sont les Matelots du Pays... Étant abordé il sauta le premier à terre tenant une corde pour amarrer sa Barque, afin d'être moins reconnu, il entra avec sa suite dans le premier Cabaret, et comme ceux-ci étoient habillés à la Rusienne, le Cabaret fut bientôt rempli de curieux... Le Czar pour s'arracher à la foule entra dans une chambre séparée et laissa son interprète au milieu de cette populace pour savoir ce qu'on disoit de lui. Il apprit par là qu'on savoit qu'il étoit à la suite de la grande Ambassade. L'interprète instruit fit entendre au peuple que pour eux ils étoient des particuliers qui venoient dans le Pays apprendre des métiers. Dès le lendemain le Czar se fit habiller comme le sont les Waterlanders, qui portent une courte casaque de frise rouge et de larges culottes de toile blanche, et comme avant de commencer son voyage il avoit appris assez de Hollandois pour se faire entendre surtout par rapport aux choses de la Marine, rien ne l'empêcha d'aller de tous côtés et de contenter sa curiosité. Le premier soin qu'il eut après celui de s'être déguisé, fut de s'acheter une Barque qu'on appelle Roeyer dans le Pays, et il y fit lui-même un Mat d'avant qui se démontoit en deux morceaux, parce que sans cela cette pièce auroit pris trop de place dans un si petit bâtiment, et c'est ce qu'avant

lui, on n'avoit pas encore vu ni imaginé. C'est dans cette Barque qu'il voguoit tous les jours de Sardam à Amsterdam pour s'accoutumer au gouvernement, et les jeunes Seigneurs qui étoient à sa suite faisoient la manœuvre d'assez mauvaise grace, et souvent en trébuchant, parce que le Czar, qui ne connoissoit point de peril, s'embarquoit indifféremment soit qu'il fit beau ou mauvais temps... Il s'étoit fait donner le nom de Pieter-Bas, c'est-à-dire, maître Pierre, et on ne pouvoit lui faire plus de plaisir que l'appeller ainsi, il caressoit ceux qui lui donnoient ce nom et tournoit le dos à ceux qui le traitoient ou de Monseigneur ou de Majesté. Руссе разсказываетъ также, какъ отыгрывалъ хранимое Петромъ вино, но не сообщаетъ никакихъ его рѣчей по этому поводу.

2.

Разсказъ о пребываніи Петра въ Ригѣ съ 1-го по 8-е апрѣля 1697 года заимствованъ у Мовиллона, который (I, 168, 169) сообщаетъ слѣдующее: «Le lendemain de l'arrivée des Ambassadeurs, une troupe de Russiens, parmi lesquels étoient quelques Ingénieurs étrangers, le jeune Menzikoff, et le Czar lui-même, à ce qu'on prétend, montèrent sur les ramparts sous couleur de promenade, et se mirent à examiner les fortifications de la Place, et même à en tracer les plans avec du crayon, s'il en faut croire le Comte de Dahlberg. Celui-ci informé de cette conduite, en envoya faire des plaintes au Général Le Fort, lui représentant combien on étoit délicat sur cet article dans les Villes de guerre en général, et dans celles qui sont Places frontières en particulier; qu'il savoit assez lui-même ce qui en étoit, et combien les Puissances Chrétiennes étoient sensibles sur ce point. Le Fort lui fit faire des excuses, l'assura qu'on n'avoit eu aucune mauvaise intention, et que cette curiosité étoit pardonnable à des Russiens qui n'avoient jamais vu de Place régulièrement fortifiée; que néanmoins il feroit en sorte que cela n'arrivât pas. En effet, dès le soir même il en parla au Czar, qui parut fort surpris du compliment du Gouverneur et il ne put s'empêcher d'en témoigner son chagrin à Mr. Le Fort. «On ne veut pas», lui dit-il, «que je voie les fortifications de Riga. J'espère de les voir un jour plus à mon aise, et de refuser au Roi de Suède ce que Dahlberg me refuse aujourd'hui».

3.

Разсказъ очень сомнительный. Въ Петергофскомъ Монпезирѣ дѣйствительно находится картина, изображающая молодого человека въ голландскомъ платьѣ, бесѣдующаго съ трактирною служанкой, работы Ян-Иозефа Гореманса младшаго (J. J. Goremans de Jonge, 1715—1759, прозваннаго такъ въ отнѣсѣ отъ своего отца и современника J. J. Гореманса де Оуде, 1682—1759); нѣтъ эта картина находится въ Императорскомъ Эрмитажѣ. Но изъ годовъ жизни портрета съ Петра въ бытность его въ Голландіи.

4.

Разсказъ о пребываніи Петра въ Англіи съ 10-го января по 21-е апрѣля 1698 года переведенъ въ сокращеніи изъ Руссе (II, 140—145). Такимъ образомъ, сдѣланная въ концѣ разсказа ссылка на воспоминанія графа Андрея Артамоновича Матвѣева можетъ относиться только къ извѣстіямъ о празднествѣ у герцога Лидса (Leeds) и о прощаніи съ адмираломъ Митчелемъ. Какъ видно изъ Журнала 206 года, праздники у герцога Лидса происходили 20-го апрѣля по старому стилю, на канунъ отплатиіа Петра изъ Лондона.

5.

Разсказъ о знакомствѣ Петра съ актрисой Кроссъ есть у Мовильона (I, 189, 190), но съ меньшими подробностями.

6.

О посѣщеніи Петромъ парламента въ Журналѣ 206 года упоминается подъ 2-мъ апрѣля стараго стиля.

7.

Изъ Журнала 206 года видно, что примѣрная морская баталія происходила 24-го марта по старому стилю. Разсказъ о ней переведенъ въ сокращеніи изъ Мовильона, который сообщаетъ слѣдующее (I, 190): «Le Roi n'épargnoit ni soins ni dépenses pour donner au Czar des marques de son estime, et comme il connoissoit sa passion pour la Marine, il voulut lui donner le plaisir d'un Combat Naval à la manière Européenne. Il manda pour cet effet l'Amiral Mitchel, et lui ordonna de tout préparer pour ce spectacle. La Flotte qui étoit à Spithead leva l'ancre, et s'étant avancée en mer, elle fut divisée en deux Escadres, qui ayant fait mutuellement tous leurs efforts pour gagner le vent, commencèrent un combat plus agréable que terrible. Le Czar considéroit attentivement tous les mouvemens des Vaisseaux; il les voyoit manœuvrer, se lâcher des bordées, et revirer avec une célérité surprenante. Il fut si charmé de ce spectacle, qu'il ne put s'empêcher de dire à ceux qui étoient auprès de sa personne, que le sort d'un Amiral Anglois étoit plus digne d'envie que celui du Czar de Moscou».

8.

По Журналу 206 года, Петръ прибылъ къ голландскимъ берегамъ 25-го апрѣля стараго стиля, а 29-го — въ Амстердамъ; слѣдовательно, май мѣсяцъ, какъ время его возвращенія, могъ быть указанъ только на основаніи иностранныхъ источниковъ, напримѣръ, Вольтера, который говоритъ: «Pierre retourna ...en Hollande, à la fin de mai 1698». На польско-

ваніе тѣмъ же источниками указываютъ и названіе думнаго дѣла П. В. Возницкаго истатскимъ секретаремъ: у Руссе, Мовильона и Вольтера третій посолъ называется «secrétaire d'état». Къ поѣздкѣ Петра въ Гартдорпъ съ Лефортомъ относится, вѣроятно, слѣдующая записка въ Журналѣ 206 года, подъ 29-мъ апрѣля: «Изъ Амстердама Десятникъ ъѣхалъ съ Францомъ Иконевичемъ въ Лоу и были въ нѣкихъ городѣхъ; бытности ихъ съ вѣдѣмъ».

9.

По всему вѣроятію, это одинъ изъ разсказовъ, паущихъ отъ графа А. А. Матвѣева (ср. выше № 4). О посѣщеніи герцога Лидса въ Журналѣ 206 года говорится подъ 20-мъ апрѣля: «Былъ Десятникъ у Корнартелова отца; тамъ кушали, и отъ него были въ Турѣ; пріѣхали въ четвергъ домой».

10.

Разсказъ о стрѣльцкомъ бунтѣ 1698 года, о неожиданномъ возвращеніи царя въ село Преображенское и о казни стрѣльцовъ составленъ по Руссе (t. II, pp. 159, 160) и по Мовильону (t. I, p. 194, 195). Омишательствъ патриарха Мовильонъ (t. I, pp. 222, 223) разсказываетъ, со ссылкой на Корбѣ, слѣдующее: «Cette boucherie (то-есть, жестока казни стрѣльцовъ) augmentant tous les jours, le Patriarche s'avisa d'aller, à la tête d'une procession, conjurer le Czar de pardonner à ce qui restoit encore de Rebelles. Ce bon Prélat portoit l'image de la Vierge entre ses mains, s'imaginant que Pierre seroit désarmé à cette vue: mais ce Monarque le regardant avec des yeux de colère: «Qu'as-tu de commun avec cette image?» lui dit-il. «Qu'as-tu à démêler en ces lieux? Retire-toi, et reporte ce tableau dans le lieu qui lui est destiné. Apprends que je crains Dieu, et que j'honore la Sainte Vierge autant que toi: mais sache en même tems qu'il est de mon devoir de pourvoir au salut de mes Peuples, et de châtier ceux qui ont voulu exciter dans mes états des troubles dangereux».

11.

Разсказъ о сардинскомъ карабелшникѣ Мусѣ заикствованъ у Мовильона (I, 233, 234), но у послѣдняго происшествіе приурочено не къ Архангельску, а къ Воронежу, гдѣ Петръ, какъ видно изъ Журналовъ 206 и 207 годовъ, находился въ ноябрѣ и декабрѣ 1698, а затѣмъ въ февралѣ 1699 года.

12.

Право исключительной торговли табакомъ въ Россіи было предоставлено Петромъ маркизу Барнартену по договору, заключенному съ нимъ 16-го апрѣля 1698 года, во время бытности царя въ Лондонѣ. Договоръ этотъ напечатанъ въ П. Собр. Зак., № 1628. О предваритель-

номъ свидѣаніи Петра съ англійскими купцами разказывается у Мовильона (I, 193 и 194) слѣдующее: «Un de ces Marchands, nommé Gilbert Heathcote, dit au Czar que l'établissement en question lui seroit encore bien plus avantageux, n'étoit la défense que le Patriarche Moscovite avoit faite à ceux de sa Communion de fumer du tabac, ce qui en bornoit le débit presque aux seuls Etrangers qui étoient en Moscovie. Sur quoi le Czar lui répondit: «Je mettrai ordre à cela quand je serai de retour chez moi». Такиимъ образомъ, и этотъ разсказъ Нартова оказывается основаннымъ на казенномъ источникѣ, а не только на устномъ сообщеніи резидента Весселовскаго.

18.

Указъ Петра о неупотребленіи уменьшительныхъ именъ см. въ П. Собр. Зак., № 1184. Распоряженіе объ отиженіи колѣнопреклоненія послѣдовало позже; по словамъ Штелина (Анекдоты, стр. 121), оно было издано тѣмъ, что въ первые годы по основаніи Петербурга уланъ не были въ немъ вымощены; моченіе ихъ началось не ранѣе 1714 года (Петровъ, Исторія С.-Петербурга, стр. 123, 124).

14.

Разсказъ о разговорѣ Петра съ польскимъ резидентомъ Лефортомъ составленъ по Мовильону (I, 227 и 214), который заимствовалъ его у Корба. У послѣдняго разговоръ царя съ резидентомъ записанъ подъ 14-мъ, а отъ Петра о королѣ Августѣ — подъ 5-мъ сентября 1698 года. Но въ обоихъ этихъ источникахъ ничего не упоминается о иррациональной будто бы Петромъ надеждѣ одновременно угощать своихъ гостей русскими виноградными виномъ. Должно впрочемъ замѣтить, что Петръ принималъ въкоторыя игры къ утвержденію если не винодѣлія, то виноградарства, какъ на Дону, такъ и въ Астрахани.

15.

Разсказъ о гавѣи Петра на генерала Шеная переведенъ довольно близко изъ Мовильона (I, 228—230), который ссылается на Корба. Корбъ сообщаетъ объ этомъ подъ 14-мъ сентября 1698 года, но болѣе кратко, а о словахъ Петра касательно своего воспитанія не говоритъ ничего; Мовильонъ же, приходя къ, прибавляетъ: «C'est ce qu'on lui a entendu dire plusieurs fois», — слѣдовательно, могъ бы привести въ доказательство своего показанія и другія свидѣтельства, кромѣ Корбова.

16.

Разсказъ о похоронахъ Франца Лефорта, умершаго 3-го и погребеннаго 10-го марта 1699 года, извлеченъ въ сокращеніи изъ Мовильона (I, 238—240), который въ свою очередь воспользовался дневникомъ Корба подъ 21-мъ марта того же года.

17.

О вѣнчѣ двухъ шведскихъ кораблей въ устьяхъ Невы, 6-го мая 1703 года, въ «Журналѣ Петра Великаго, I, стр. 65—68, читается слѣдующее: «Того же дня (2-го мая) въ вечеру получила вѣдомость отъ нашихъ караульщиковъ о приходѣ на взморье неприятельскихъ кораблей, и что они, приходя въ устье Невскому, учинили въ городѣ возгнать о своемъ приходѣ двумя выстрѣлами пушечными (будучи въ той надеждѣ, что люди ихъ въ городѣ сидятъ), и дня того по приказу Фельдмаршала вѣрно въ вечеру и по утру въ нашемъ обозѣ стрѣляли изъ пушекъ Шведскій козвуть по дважды, чтобъ на тѣхъ корабляхъ не дозволено было помянуть города ваять; дабы сами ихъ обмануть и какой надѣ имъ помыслили, что и удалось; понеже по тому козвуту приехали съ Адмиралскаго ихъ корабля ботъ или шлюпка для Лопчановъ. Изъ той шлюпки выходили солдаты и хатросы на берегъ; я наши, которые на караулѣ укрѣпясь въ лѣсу были, одного изъ нихъ поймалъ, а остальные ушли, который матросъ сказалъ, что надѣ той пришедшей эскадрой командуетъ Вице-Адмиралъ Нумерсъ. По томъ пришли 2 Шведскія судна, знамя и большій ботъ, и стали передъ устьемъ на якорь, для того, что опоздали, и въ устье войти не могли. По которымъ вѣдомостямъ Мая въ 6 день, Капитанъ отъ бомбардировъ и Поручикъ Менишковъ (понеже лѣтъ на морѣ знающихъ никого не было), въ 30 лодкахъ отъ обоихъ полковъ Гвардіи, которые того же вечера на устьѣ прибыли и скрылись за острокомъ, что лежатъ противу деревни Калициной къ морю; а 7 числа предъ свѣтомъ половина лодокъ пошла на ихую греблю возлѣ Васильевскаго острова подѣ стѣною снѣга лѣса и вѣхали оныхъ отъ моря, а другая половина съ веру на нихъ пустилась. Тогда неприятель тотъ часъ сталъ на парусахъ и выступилъ въ бой, пробиваясь назадъ къ своей эскадрѣ, (также и на морѣ стоящая эскадра стала на парусахъ же для выручки оныхъ), но узости ради глубины не могли скоро отойти лавирами; и хотя неприятель жестоко стрѣлялъ изъ пушекъ по нашимъ, однакоже наши не смотря на то, съ одною мушкетною стрѣлкою и гравати, (понеже пушекъ не было), оныя оба судна abordировали и взяли; а Мая 8 о полудни привели въ лагерь къ Фельдмаршалу оныя взятая судна: ботъ Адмиралской, именовавшийся Геланъ, на ономъ 10 пушекъ 3 фунтовыхъ, да Шнява Лотрель, на которой было 14 пушекъ... Мая въ 30-й день за то (никогда прежде бывшую) морскую побѣду было благодареніе Богу съ троекратною стрѣлкою изъ пушекъ и ружья, и при томъ командиры той партіи, которые вѣнчѣ получили, бомбардирскій Капитанъ и Поручикъ Менишковъ учинены Каналерами ордена святаго Андрея, а по томъ спуская медаль и постельничій господинъ Головинъ въ той акціи бывшій удостоенъ тою же каналеріею, которая пять наложки чрезъ Адмирала Графа Головина (яко первого того ордену Каналера); а прочіимъ офицерамъ даны медали золотыя съ цепями, а солдатамъ малая безъ цепей. Изъ сличенія разсказа Нартова съ этимъ повѣствованіемъ очевидно, что первый заимствовалъ изъ «Журнала», съ вѣко-

терими лишь совращеніями, съ подвожденіемъ слога и съ прибавкой отъ-зыма Петра о храбромъ поведеніи офицеровъ и солдатъ въ этомъ славномъ дѣлѣ.

18.

Указъ о ношеніи нѣмецкаго платья послѣдовалъ 30-го декабря 1701 года (П. Собр. Зак. № 1887). Слова, приписываемыя Нартовымъ Петру по этому случаю, воспроизводятъ приблизительно разсужденія Руссе (II, 166, 167) о значеніи этого нововведенія.

19.

Въ этомъ разсказѣ, вообще представляющемъ очень много неточностей, большая часть происшествій относится къ 1706 и 1707 годамъ; но бракъ Анны Монсы съ Кейзерлингомъ состоялся только въ юніѣ 1711 года.

20.

Разсказъ этотъ основанъ на «Журналѣ» Петра Великаго, гдѣ (I, 60, 61) читается слѣдующее: «Въ то же время (въ 1702 году) города Олонца Поль Ивандъ Окуловъ увидѣвъ о неприятелѣ, которые стояли въ Корельскомъ уездѣ на рубежѣ, собравъ охотниковъ паче порубежныхъ жителей дѣшнихъ съ 1000 человекъ, ходилъ за Шведскій рубежъ, и разбилъ непріятельскія, Рутозейскую, Гиппонскую и Сумерскую и Керикурскую, заставы. А было въ тѣхъ мѣстахъ непріятельскихъ людей человекъ съ 600, паче которыхъ убито человекъ около 400, а достальныя ушли; тутъ же взяли пѣскольно рейтарскихъ знаменъ, барабановъ, ружей всякаго и лошадей довольно; а провинца брахи наши люди столько, сколько могли съ собою взять, а достальное, чего не могли забрать, все сожгли». И здѣсь, какъ выше въ разсказѣ 17-мъ, слогъ подвожденъ, нѣкоторые подробности исключены, но за то прибавлены слова, будто бы сказанныя Петромъ. Нѣкоторое сходство съ этимъ разсказомъ представляетъ анекдотъ подъ заглавіемъ «Монархъ встрѣчается на пути съ вооруженнымъ священникомъ», сообщаемый со словъ извѣстнаго протоіерея Петра Алексѣева Голыковыхъ (Анекдоты, стр. 364, 365).

21 и 22.

Свиданіе царя Петра съ мореходомъ Августомъ II въ Варшѣ продолжалось съ 21-го по 27-е февраля 1701 года.

23.

Свиданіе царя съ Августомъ въ Торнѣ происходило въ 1703 году съ 26-го сентября по 14-е октября.

24 и 25.

Продолжительное пребываніе Петра въ Варшавѣ относится къ 1707 году, когда онъ находился здѣсь съ 11-го юлія по 4-е сентября. Указаніе Нартова въ приложеніи къ разсказу 25-му о томъ, что при царѣ состояли тогда князья А. Д. Меншиковъ и Г. О. Долгорукій, взято изъ «Журнала» Петра Великаго, ч. I, стр. 147 и 148.

26.

Нѣчто подобное сообщеніямъ въ этомъ разсказѣ рѣчь Петра находимъ и въ «Анекдотахъ» Штеллина, стр. 366—368. Штеллингъ опредѣляетъ время произнесенія этихъ словъ тѣмъ, что они были сказаны Петромъ «господину Н. Н., когда тотъ съезжался съ своего Посольства отъ двора, предъ окончаніемъ Шведской войны по заданію до Нинштатскаго мирнаго заключенія и тотчасъ двинулся къ двору» (русскому), и сообщаетъ, что слышалъ объ этомъ случаѣ отъ графа Андрея Ив. Остермана. Упомянутый Штеллингомъ «Н. Н.» есть, по всей вѣроятности, самъ Остерманъ, въѣздившій въ началѣ 1719 года не только на Аландскій конгрессъ, но и въ Стокгольмъ. По извѣстію французскаго агента Лави (Сборникъ Ими. Р. Исч. Общества, т. XI, стр. 14—16), Петръ держалъ въ томъ же смыслѣ рѣчь къ своимъ приближеннымъ въ январѣ 1719 года, предъ отъѣздомъ въ Олопецъ. Ср. также разсказъ 121-й.

27.

Разсказъ Нартова о томъ, что одинъ изъ стрѣльцовъ послалъ на жизнь Петра въ Троицкомъ монастырѣ предъ атакаемъ, отвергнуть Устряловымъ, какъ вѣрнѣйшій (Исторія Петра В., т. IV, ч. I, стр. 208).

30.

Въ этомъ разсказѣ идутъ рѣчи, безъ сомнѣнія, о маскарадѣ, устроенномъ въ Петербургѣ по полученіи извѣстія о заключеніи мира въ Нинштатѣ и продолжавшемся съ 11-го по 17-е сентября 1721 года (Походн. Журналъ 1721 г., стр. 74); Петръ на этомъ маскарадѣ явился дѣйствительно въ костюмѣ голландскаго матроса (Дневникъ Берггольма, I, 168).

31.

У Штеллина (Анекдоты, стр. 127—130, 288—290) есть также разсказъ о ласковомъ обращеніи Петра съ голландскими корабельщиками. Ср. также 109-й разсказъ Нартова. Происшествіе съ царемъ въ Нимвегенѣ, о которомъ упоминается въ разсказѣ 30-мъ, подробно описано у Штеллина (стр. 60—62) со словъ самого Д. А. Шенелена, при чемъ отъ-вѣсно по авторитетному пути государя въ Голландію 1716 года. Но, какъ видно изъ походныхъ журналовъ 1716 года, Нимвегенъ не лежалъ

на тогдашнемъ пути Петра. Впрочемъ отнеси посѣщеніе Финляндіи къ сентябрю 1717 года, когда царь, по возвращеніи изъ Франціи, еще разъ проѣзжалъ Голландію; но за вторую половину этого года не сохранилось никакихъ журналовъ.

32.

Готторпскій глобусъ былъ привезенъ въ Петербургъ въ 1715 году въ компаніи съ томъ самымъ эдапін, гдѣ прежде содержался приведенный изъ Персіи, но вскорѣ околѣбный слопъ; эдапінъ это находилось противъ почтового двора на пыльномъ Царницкомъ луку (Weber, Das veränderte Russland, I, 58, 59; Дневникъ Берггольца, I, 136, 164). Съ учениемъ о множествѣ мировъ Петръ могъ быть знакомъ по сочиненію Гюггелеса: «Книга мірозрѣнія», переведенному на русскій языкъ и дважды изданнымъ, въ 1717 и 1724 годахъ.

33.

Неблагопріятный отзывъ Петра о еврейхъ приведенъ и въ «Анекдотахъ» Штелина, стр. 42—46, при чемъ отнесено къ 1698 году.

34.

Подобный же рассказъ сообщается со словъ завѣдывавшаго кузнечной Шумахера въ «Анекдотахъ» Штелина, стр. 114—118. Устройство петербургской кузнечной начато въ 1714 году (Педарскій, Наука и литература при Петрѣ В., I, 53), а Арескинъ умеръ въ концѣ 1718 года (Weber, Das veränderte Russland, I, 331); следовательно, переданный Нартонимъ разговоръ Петра съ Ягужинскимъ долженъ относиться къ этому промежутку времени.

35.

Штелинъ (Анекдоты, стр. 149—152) рассказываетъ случай, какъ Петръ разговаривалъ на одного русскаго локотнаго кузнеца, выказавшаго неблагодарность къ своему учителю голландцу, — не означая впрочемъ времени этого происшествія.

36.

Въ этомъ рассказѣ рѣчь идетъ, вѣроятно, о томъ майорѣ Преображенскаго полка Карповѣ, который отличился при взятіи Нотебурга 11-го октября 1702 года, былъ при томъ жестоко раненъ и за свои подвиги пожалованъ деревнями (Журналъ Петра В., I, 56, 57); но пожалованіе послѣдовало не при его отставкѣ, такъ какъ Карповъ участвовалъ въ осадѣ Нарвы и былъ убитъ во время штурма 23-го іюня 1704 года (Писма и бумаги императора Петра Великаго, II, 419). Ср. подобныя слова Петра Великаго, но въ приписаніи къ другому лицу, въ «Анекдотахъ» Штелина, стр. 215—217.

37.

Петръ былъ въ Воронежѣ восемь разъ: въ первый—въ концѣ 1694 года, въ послѣдній—въ февралѣ 1709; но къ которому изъ этихъ посѣщеній относится данный рассказъ—опредѣлить нельзя.

38.

Распоряженіе Петра о собраніи русскихъ лѣтописей относится къ 1722 году (Соловьевъ, Исторія Россіи, т. XVIII, стр. 190). Изъ одиннадцати нелозичныхъ сочиненій, помѣщенныхъ въ этомъ рассказѣ Нартова, девять дѣйствительно были изданы въ русскомъ переводѣ при Петрѣ съ 1708 по 1724 годъ; что касается остальныхъ двухъ, а именно: «Токварнаго искусства» Плямбера и «Архитектуры» Леклерка, то о существованіи рукописныхъ переводовъ ихъ, хранящихся въ государственномъ кабинетѣ, упоминается и въ «Анекдотахъ» Штелина, стр. 266. Любопытно, что и Моисильонъ (II, 384) обратилъ вниманіе на работы Петра о переводѣ на русскій языкъ сочиненій по части техники.

39.

Отзывъ Петра о Царствѣ, выказанный будто бы при отъѣздѣ отсюда въ 1717 году и сходный съ тѣмъ, который находится въ этомъ рассказѣ, приходится и даже въ рассказѣ 126-мъ, ср. примѣчаніе къ сему послѣднему.

40.

Откопкѣ Кончанскія воды были открыты въ 1714 году; въ 1718 году построена была у колодца дзорецъ для парскаго крѣпиды, и только въ январѣ 1719 году Петръ впервые сталъ пользоваться этими водами на вѣстѣ (Походн. Журналъ 1719 г., стр. 113); между тѣмъ Арескинъ умеръ еще въ концѣ 1718 года; следовательно, Петръ не могъ съ нимъ бесѣдовать при вѣстѣ маріальскихъ водъ. Такимъ образомъ въ рассказѣ Нартова оказывается несообразность; но она можетъ быть устранена, если предположить, что разговаривать вмѣсто Арескина хотѣлъ назвать доктора Блументроста, который долженъ былъ сопровождать царя при послѣдующихъ посѣщеніяхъ имъ маріальскихъ водъ въ 1720, 1722 и 1724 годахъ.

41 и 42.

Описательное устройство токарной мастерской Петра въ его на-вѣстномъ домикѣ на Матербургской сторонѣ относится къ 1721 году (Петровъ, Исторія С.-Петербурга, стр. 205). Въ Походномъ Журналѣ этого года (стр. 21) уже подъ 4-мъ февраля находится записъ такого рода: «Его Величество позволилъ быть въ токарѣ и топить изъ разныхъ деревъ разныя фигуры; пужалъ дома... Быть можетъ, къ этому дню и относится рассказъ 41-й. Впрочемъ, подобныя же записи встрѣчаются и въ послѣдующіе годы.»

43.

У Голикова (Анекдоты, стр. 368—375), сообщается рассказ И. И. Неплюева о том, какъ Петръ разгнѣвался на своего денщика Ив. Мих. Орлова за его отлучку ночью, и какъ это обстоятельство послужило поводомъ къ открытію связи Орлова съ фрейлиной М. Д. Гамильтонъ, которая, желая скрыть своихъ незаконныхъ дѣтей, предавала ихъ смерти. Камень за это преступленіе относится къ 1719 году. Къ этому же году слѣдуетъ приурочить и происшествіе, рассказываемое Нартонимъ, если оно то же, что случай, сообщенный Неплюевымъ.

44.

Слова, будто бы сказанныя Петромъ послѣ неудачи подъ Нарвой 19-го ноября 1700 года, сообщены у Мовильона (т. I, стр. 283) въ слѣдующемъ видѣ: «Je sai bien que les Suédois nous battront longtems; mais au bout du compte, nous apprendrons à les battre, et nous les battrons en effet. Evitons les actions générales avec eux, et affaiblissons-les par de petits combats». Устряловъ (Исторія Петра В., т. IV, ч. 2, стр. 208) указываетъ на вѣрность сообщенія Нартоня касательно «мифическаго» Петра съ новонабравшимъ войскомъ вѣти подъ Нарву вторично въ 1700 году.

45.

Происшествіе, описанное въ этомъ рассказѣ, можетъ быть приурочено къ декабрю 1700 или къ январю 1701 года, когда, послѣ Нарвскаго пораженія, Петръ находился въ Москвѣ и былъ озабоченъ изготовленіемъ новой артиллеріи (Устряловъ, Исторія Петра В., I, стр. 70—72). То же происшествіе рассказано у Голикова, по вѣсто князя Ромодановскаго тамъ названъ князь Петръ Ивановичъ Прозоровскій, который въ первые годы XVIII вѣка дѣйствительно управлялъ приказами большой палаты. Голиковъ сообщаетъ анекдотъ со словъ его внука, князя А. А. Прозоровскаго.

46.

Сраженіе, въ которомъ В. П. Шереметевъ впервые разбилъ Швецовъ, бывшихъ подъ начальствомъ Шлиппенбаха, произошло подъ Гуммельсгофомъ или Гумоловомъ кнзю 18-го іюля 1702 года. Царь благодарилъ побѣдителя письмомъ отъ 17-го августа (Письма и бумаги императора Петра Великаго, II, 79).

47.

Мятава была взята 2-го сентября 1705 года, а 5-го сентября русскія войска заняли тамошній замокъ. Въ «Журналѣ» Петра Великаго (I, стр. 114) объ этомъ рассказывается такъ: «Когда караулы наши стали у Шведовъ принимать, тогда подъ церковью въ погребѣ, гдѣ кладутся тѣла Килзей Курландскія, увидѣли наши, что ихъ тѣла изъ гробовъ

выброшены и ограблены, что вида не смѣняли; но призвали Полковника Кперинга, у котораго взяли во свидѣтельство псаломъ, что его люди то сдѣлали, и по томъ приказали всѣ караулы». Нартонъ пользуется этимъ показаніемъ, прибавляя къ нему замѣчаніе, будто бы сказанное по этому случаю Петромъ. Любопытно впрочемъ, что въ рукописи «Журнала» извѣстіе объ ограбленіи герцогскихъ гробовъ шведскими солдатами собственноручно вписано царемъ, присутствующимъ при взятіи Мятавы (Устряловъ, Исторія Петра В., II, ч. 2, стр. 461).

48.

Сраженіе подъ Добрынь происходило 29-го августа 1708 года. О заступничествѣ князя Мих. Мих. Голицына за вѣнчанаго въ немилость князя Никиту Ив. Рерина сообщается у Балтши-Кавенскаго, Славяръ достоп. людей, 1836 г., т. II, стр. 85. Устряловъ (Исторія Петра В., т. IV, ч. 1, стр. 208) считаетъ этотъ рассказъ Нартоня невѣрнымъ.

49.

Ян. В. Брюсъ былъ первымъ русскимъ уполномоченнымъ во время мирныхъ переговоровъ со Швеціей въ Нимтатѣ съ мая по августъ 1721 года. Ср. выше принятіе въ рассказу 59-му.

50.

Въ этомъ рассказѣ идетъ рѣчь объ осадѣ Нарвы въ августѣ 1704 года. По взятіи ея послѣ штурма 9-го числа Петръ въѣхалъ въ городъ и прекратилъ производимый русскими войсками грабежъ. Сохранилось нѣсколько современныхъ свидѣтельствъ о словахъ, сказанныхъ царемъ по этому случаю (Устряловъ, Исторія Петра В., I, ч. 1, стр. 813; ср. Штедлингъ, Анекдоты, стр. 52, 53), но они не тѣ, что сообщаются Нартонимъ.

51.

О любимой собакѣ Петра Великаго Лизетѣ въ «Анекдотахъ» Штедлинга, стр. 392—395, есть особый рассказъ, быть можетъ, нѣкій отголосокъ въ настоящему рассказу Нартоня, но также безъ опредѣленія времени происшествія. Собака Лизета была у Петра еще въ 1707 году, такъ какъ въ это время царь велѣлъ въ честь ея назвать заложенную тогда шипу (Петровъ, Исторія С.-Петербурга, стр. 68).

52.

Завѣдываніе всѣми русскими крѣпостями было возложено на генералъ-фельдмаршала Я. В. Брюса указомъ 23-го мая 1720 года (П. Собр. Зак., т. VI, № 3588); если принять во вниманіе это обстоятельство, то передаваемыя въ настоящемъ рассказѣ слова царя слѣдуетъ отнести къ послѣднимъ годамъ его царствованія.

53.

Первымъ и единственнымъ при Петрѣ Астраханскимъ губернаторомъ былъ А. П. Волыпекій; назначеніе его на эту должность последовало въ началѣ 1719 года; онъ тогда же отправился въ Астрахань, но вскорѣ лѣтъ былъ вызванъ въ Петербургъ и возвратился въ свою губернію только въ концѣ 1721 года; въ 1722 году онъ опять отлучался ненадолго въ Москву и лишь съ лѣта этого года прожилъ въ Астраханской губерніи безвыѣздно до кончины Петра. Сообразно съ тѣмъ рассказъ Нартова можетъ быть приуроченъ къ этому послѣднему періоду.

54.

Приведенныя въ этомъ рассказѣ слова Петра могутъ относиться къ 1716 году, когда, предъ отъѣздомъ цари за границу, былъ составленъ архитекторомъ Гербекомъ проектъ проведенія каналовъ на Васильевскомъ островѣ и разрѣшено производство этихъ работъ (Петровъ, *Исторія О.-Петербурга*, стр. 114). По возвращеніи изъ-за границы осенью 1717 года Петръ уже выражалъ неудовольствіе по поводу дурного ихъ исполненія (ср. ниже № 69).

55.

Шведскій флотъ разбитъ былъ при Гангутѣ 27-го іюля 1714 года. 9-го сентября происходило торжественное поздравленіе цари въ чинѣ вице-адмирала, а 28-го — спускъ корабля «Шлютенбургъ», «на которомъ по спускѣ Господинъ Вице-Адмиралъ, и Силѣйшій Князь (Ромодановскій) и всѣ сенаторы веселились довольно» (Походы. *Журналъ 1714 года*, стр. 77). Ср. также рассказы 89-й и 140-й.

56.

Презаченіе Петра, сходное съ приведеннымъ въ этомъ рассказѣ, сообщается въ «Анекдотахъ» Штелина (стр. 134, 135) со словъ гофмаршала Д. А. Шеншелева, который сопровождалъ цари въ его заграничномъ путешествіи 1716 и 1717 годовъ. Въ предѣлахъ Польши Петръ находился съ февраля по май 1716 года.

58.

Работы объ устройствѣ укрѣпленій на островѣ Котляхъ занимали Петра еще съ 1703, а особенно съ 1716 года. Осенью 1721 года, показывая эти сооруженія французскому посланнику Камаредону, Петръ говорилъ о нихъ ему въ томъ же смыслѣ, какъ и Меншикову — по свидѣтельству Нартова, и выражалъ надежду, что всѣ работы будутъ окончены въ 1723 году (Сборникъ Имп. Р. Ист. Общества, т. XI, стр. 283—287).

59.

Петръ получилъ извѣстіе о подписаніи мирнаго договора со Швеціей въ Ништадтѣ во время своего плаванія въ Дубнѣ 3-го сентября 1721

года, а на другой день совершилось торжественное объявленіе о мирѣ въ Петербургѣ и начался рядъ празднествъ; 22-го октября, послѣ торжественнаго чтенія мирнаго трактата въ Троицкомъ соборѣ, последовало провозглашеніе императорскаго титула, и на рѣчь канцлера Головкина Петръ отвѣтилъ краткою рѣчью, которая по смыслу почти сходна со словами, сообщаемыми Нартовымъ; рѣчь эта помѣщена въ «Журналѣ» Петра Великаго, т. II, стр. 186; ср. ниже рассказъ 100-й, а также Сборникъ Имп. Р. Ист. Общества, т. XI, стр. 298.

60.

Коронованіе императрицы Елизаветы происходило въ Москвѣ 7-го мая 1724 года; слѣдовательно, происшествіе, рассказанное Нартовымъ, относится къ ближайшему предъ тѣмъ времени. Подобный же рассказъ со словъ адмирала А. Ив. Нагаева сообщенъ въ «Анекдотахъ» Голицына, стр. 459, 460.

61.

Въ послѣдніе годы жизни Петръ привыкъ обычай посѣщать Шлюсенбургъ въ октябрѣ мѣсяцѣ, 11-го числа праздновать тамъ его взятіе и затѣмъ отаравлялся осматривать работы на Ладожскомъ каналѣ, начатыя въ 1718 году. Безъ сомнѣнія, въ одной изъ такихъ поѣздокъ относится рассказъ Нартова, особенно если принять во вниманіе упоминаніе о Сестрорѣцкѣ; здѣшній заводъ основанъ въ 1721 году, а работы начаты на немъ въ 1724.

62.

Особенная милость, которою пользовались отъ Петра корабельные мастера, то-есть, морскіе инженеры, обращала на себя вниманіе англійскихъ дипломатовъ, находившихся при русскомъ дворѣ; такъ Джефферсонъ писалъ о нихъ, 3-го апрѣля 1719 года, своему правительству слѣдующее: «Они, на сколько могу судить, если долги останутся на службѣ царской, поставятъ цари хозяйномъ Балтійскаго моря. Одинъ изъ нихъ недавно увѣрялъ меня, что прожилъ цари еще тогда, у него были въ сорокъ линейныхъ кораблей, отъ 70 до 80 пушекъ каждый, да двадцать 30—40 пушечныхъ фрегатовъ, построенныхъ здѣсь и какъ нельзя лучше. Этихъ людей цари заботится особенно милостиво: жалованье они получаютъ большое, имъ платится оно аккуратно; они видятъ съ нимъ частыя собранія; гдѣ бы онъ ни былъ, тѣмъ бы ни при самыхъ многолюдныхъ собраніяхъ; гдѣ бы онъ ни былъ, тѣмъ бы ни не оставался, — кто-нибудь изъ нихъ сопутствуетъ ему. Этихъ людей не безцѣльно жалеть прилагать ихъ къ себѣ, чтобы они не покинули его. Предоставляю вамъ однако судить: входитъ ли въ интересы Россіи, особенно на морѣ, къ тому же могуществу, создаемаго руками англійскихъ подданныхъ» (Сборникъ Имп. Р. Ист. Общества, т. I, XI, стр. 515, 516; ср. стр. 536, 537). Эти слова подтверждаютъ рассказъ Нартова.

63.

Разсказъ этотъ долженъ быть приуроченъ ко времени послѣ 1719 года, такъ какъ сооруженіе Кронштадтскаго или Котлипскаго канала было начато въ этомъ году (Походы. Журналъ 1719 года, стр. 69).

64.

Изъ записки о службѣ Нартова, 1754 года, видно, что то время старшему его сыну Степану было тридцатый годъ, следовательно, онъ родился въ 1724 или 1725 году; но записи о бытности царя на крестинахъ у Нартова не оказалось въ походныхъ журналахъ Петра за эти годы, хотя тамъ встрѣчается много другихъ подобныхъ записей.

65.

Разсказъ этотъ относится къ 1724 году: 22-го января этого года царь разсматривать докладъ объ учрежденіи Академіи Наукъ, представленный ему лейбъ-медикомъ Елѣмистромъ (Певарскій, Исторія Имп. Академіи Наукъ, т. I, стр. XXX), а 1-го декабря того же года одобрилъ свои замѣчанія на проектъ академіи художествъ, подготовленный А. К. Нартовымъ (Сборникъ Имп. Р. Ист. Общества, XI, 558—562).

66.

Этотъ разсказъ относится, по всему вѣроятію, къ тому случаю, который приключился въ Петербургѣ весной 1719 года и давалъ поводъ представленія въ присутствіи государя и двора (Сборникъ Имп. Р. Ист. Общества, т. LXI, стр. 509; Weber, Das veränd. Russland, I, 360; ср. Дневникъ Берггольца, III, 92).

67.

Фейерверкъ, о которомъ говорится въ этомъ разсказѣ, былъ сожженъ въ Петербургѣ 22-го октября 1721 года, въ день второго триумфа по случаю Шпиттскаго мира (Походы. Журналъ 1721 г., стр. 76). Подробное описаніе его находится въ Дневникѣ Берггольца (I, 198—200), при чемъ авторъ замѣчаетъ, что «распорядитель фейерверка, какъ говорили, империалъ, и государь долженъ былъ самъ обо всемъ заботиться; но въ словахъ, приписываемыхъ Петру Нартову, Берггольцу, конечно, не упомянуть, для сравненія можно привести разсказъ Штелина (Анекдоты, стр. 404—407) о словахъ, сказанныхъ царемъ прусскому посланнику Мардефельду, что частіями потопили огнемъ онъ хотѣлъ приуготовить свой народъ къ огню боевому.

68.

Архитекторъ Лебловъ поступилъ въ русскую службу въ 1715 году и тогда же прибылъ въ Петербургъ; въ теченіе 1716 и 1717 годовъ онъ занимался планировкой разныхъ частей города и особенно Васильевскаго

острова, но встрѣчалъ противодействіе со стороны Меншикова. Петръ могъ въ этомъ убедиться по возвращеніи въ Петербургъ осенью 1717 года, и безъ сомнѣнія, къ этому времени относится случай, разсказанный Нартовымъ (Петровъ, Исторія С.-Петербурга, стр. 115—122, 141—143). Въ «Анекдотахъ» Штелина, стр. 242—246, разсказано то же происшествіе.

69.

Въ «Анекдотахъ» Штелина, стр. 199—203, есть также извѣстія объ «особенномъ раченіи Петра Великаго о дубахъ», но не приводится никакихъ его изреченій по этому поводу. Начало Петергофа восходить къ 1707 году, и вѣрнѣе зачатъ стала устроиваться дорога къ нему; въ 1716 году Петръ уже дѣлалъ распоряженія объ ея окончаніи (Гейротъ, Описаніе Петергофа, стр. 12).

70.

Разсказываемое здѣсь относится, безъ сомнѣнія, къ октябрю 1724 года, когда Петръ ѣздилъ въ Старую Русу (Походы. Журналъ 1724 г., стр. 21). Объ этой поездкѣ записывавшіе тогда работами по Ладожскому каналу Миллеръ сообщаетъ слѣдующее: «Проѣзжали въ Старую Русу и на обратномъ пути оттуда, Петръ осматривалъ Ладожскій каналъ, ... о которомъ онъ заботился съ особенною любовью, потому что, по его распоряженію, «капаль» этотъ долженъ былъ питать Петербургъ и Кронштадтъ и доставлять матеріалы для ихъ обстрѣлки; но намъ онъ хотѣлъ, импортировать къ себѣ товары и промышленныя богатства, ссылавшіеся предметы торговли Россіи съ остальною Европой, а также матеріалы, потребныя для оруженія и содержанія флота» (Записки фельдмаршала графа Миллера, стр. 25, 26). Любопытно, что уже въ 1719 году, то-есть, на второй годъ по началу работъ по прорытію Ладожскаго канала, шведскій дипломатъ, аккредитованный при русскомъ дворѣ, Дж. Джефферсъ, обратилъ вниманіе своего правительства на важное экономическое значеніе этого предпріятія, которое «открыло сообщеніе между самыми восточными частями перскихъ владѣній, С.-Петербургомъ и Балтійскими морями» (Сборникъ Имп. Р. Ист. Общества, т. LXI, стр. 535, 536).

72 и 73.

Распоряженія о преслѣдованіи клевнущихъ и ложнообвиняющихъ были издаваемы Петромъ неоднократно, между прочими въ 1715 году (П. Собр. Зак., т. V, № 2906), и въ Духовномъ Регламентѣ 1721 года; допроче клевнущихъ и ихъ наказаніе возлагалось на гражданскія власти, почему это дѣло могло касаться и Деніса съ тѣхъ поръ, какъ въ 1718 году онъ былъ назначенъ генералъ-полицеймейстеромъ (Петровъ, Исторія С.-Петербурга, стр. 124).

74.

Приведенныя въ этомъ разсказѣ слова Петра относятся, быть можетъ, къ 1718 году, когда злоупотребленія Меншикова были уже хорошо из-

поставить свидѣтельство графа Ротенбурга, французскаго посланника при томъ же Прусскомъ королѣ; по словамъ этого дипломата, Петръ говорилъ: «Король Пруссій любитъ ловить рыбу, да чтобы не промочить ногъ» (см. статью Е. Lavisse: «Le règne du grand Frédéric» въ «Revue des deux mondes», 1-er octobre 1890, p. 592).

85.

Графъ В. П. Шереметевъ умеръ 17-го февраля 1719 года въ Москвѣ, 14-го апрѣля 1712 года, при прѣздѣ его въ Петербургъ, царь устроилъ ему торжественную встрѣчу съ залпами судовой и крѣпостной артиллеріи, а по похваламъ фельдмаршала приказалъ похоронить его въ Александро-Невскомъ монастырѣ (Петровъ, Исторія С.-Петербурга, стр. 90, 200). Разсказъ Нартова, безъ сомнѣнія, имѣетъ въ виду эти случаи.

86.

Въ этомъ разсказѣ Нартова очевидная хронологическая ошибка: рѣчь идетъ о Гренгамовомъ сраженіи, за которое князь М. М. Голицынъ дѣйствительно была пожалована шашка, осыпанная брилліантами; но сраженіе это происходило не въ 1719 году, а въ 1720, іюля 27-го.

87.

Упомянутый въ этомъ разсказѣ высочайшій указъ напечатанъ въ П. Собр. Зак., за № 4450, подъ заглавіемъ «о званіи монашескомъ, объ опредѣленіи въ монастыри оставшихся солдатъ и объ учрежденіи семинарій и госпиталей».

88.

Должность генераль-прокурора учреждена была указомъ 12-го января 1722 года, и вслѣдъ затѣмъ, 18-го января, на нее назначенъ былъ П. Н. Жуковскій (Сборникъ Имп. Р. Ист. Общества, т. XI, стр. 447); между тѣмъ князь Л. О. Долгорукій умеръ въ званіи сенатора еще 24-го іюня 1720 года. Такимъ образомъ, въ разсказѣ Нартова можетъ быть усмотрѣно противорѣчіе, но оно устранилось, если мы примемъ во вниманіе, что еще въ силу указа 2-го іюня 1718 года на Жуковскаго возложено было наблюденіе за порядкомъ дѣлопроизводства въ коллегіяхъ, что впоследствии пошло въ обязанность генераль-прокурора (Ивановъ, Опытъ біографій генераль-прокуроровъ, стр. 1, 2). Слѣдовательно, разсказъ Нартова можетъ быть приуроченъ ко времени съ іюня 1718 по іюль 1720 года.

89.

О возведеніи царя въ чинъ вице-адмирала въ 1714 году см. разсказы 55-й и 140-й и примѣчанія къ нимъ; ср. также разсказъ 141-й. У Штелина (Александръ, стр. 93—95) есть разсказъ о томъ, какъ оди-

нѣмъ нѣсколько малочинныхъ иностранцевъ, состоявшихъ въ русской службѣ, дали Петру понять, что они съ нетерпѣніемъ ждутъ новшествъ, въ чемъ и были удовлетворены.

90.

Разсказанный здѣсь пропущеніе должно быть отнесено къ началу 1724 года, такъ какъ, по свидѣтельству Походнаго Журнала за этотъ годъ (стр. 4), Петръ въ январѣ и февралѣ усердно записался точеніемъ паникады для церкви въ Олонецкихъ маріальныхъ водахъ. Никѣ это паникады находилась въ соборѣ св. Петра и Павла въ С.-Петербургской крѣпости. Въ «Анекдотахъ» Голубева, стр. 132—134, разсказано то же пропущеніе, по вѣсто Нартонъ введенъ какой-то солдатъ, и притомъ прибавлено, что сцена его столкновенія съ Манинскими была изображена въ сѣнхъ токарной въ видѣ картины.

91.

О заграничномъ путешествіи А. К. Нартонъ см. во введеніи.

92.

По смыслу приведенныхъ здѣсь словъ Петра надобно полагать, что онъ былъ сказанъ по смерти Карла XII (30-го ноября 1718 г.), о чемъ царь получилъ официальное извѣстіе 28-го февраля 1719 года, въ бытность свою на Олонецкихъ маріальныхъ водахъ (Походн. Журналъ 1719 г., стр. 117), но прежде прекращенія сообщеній на Ахандскомъ конгрессѣ, что происходило въ сентябрѣ того же года.

93.

Время пропущенія словъ, приведенныхъ въ этомъ разсказѣ (если только онъ былъ сказанъ Петромъ), конечно, не возможно опредѣлить, такъ какъ Петропавловская крѣпость строилась въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, начиная съ 1703 года; но поименованіе этого изреченія въ «Почтествованіяхъ» Нартонъ любезно, какъ выраженіе очевидно распространено еще въ XVIII вѣкѣ мысли, давшей впоследствии поводъ къ знаменитому стихотворенію Пушкина, а раніе того въ картинѣ возмущенія Петербурга, набросанной Ватюжниковъ въ статьѣ «Прогулка въ академію художества».

94.

18-го іюля 1722 года Петръ выступилъ изъ Астрахани съ флотомъ, а 20-го пришелъ на морье, гдѣ, вѣроятно, и происходило описанное Нартонимъ купанье (Походн. Журналъ 1722 г., стр. 50).

95.

Высадка русскаго войска на берегъ въ устьѣ Аграхани началась 28-го іюля 1722 года, а вслѣдъ затѣмъ происходило устройство лагеря (Походн. Журналъ 1722 г., стр. 6 и слѣд.).

96.

Торжественное вступление царя въ Дербентъ состоялось 23-го августа 1722 года (Походы. Журналъ 1722 г., стр. 12), а въѣздъ царя въ Москву по возвращении изъ Персидскаго похода совершился 18-го декабря (Дневникъ Берггольда, II, 846 — 849). Весьма сомнительно, чтобы Петромъ были произнесены слова, приписываемыя ему въ этомъ рассказѣ, ибо весь рассказъ Вартова, несмотря на ссылку его на генерала Левашова, отзывается жившими происхождениемъ; по крайней мѣрѣ, въ современномъ дневникѣ французскаго адвоката М. Марэ (Journal de Mathieu Marais, II, 408, 409) находимъ слѣдующую запись, безъ сомнѣній, записанную изъ тогдашнихъ газетъ: «Le Czar est rentré en triomphe à Moscou, de la conquête de la ville de Derbent en Perse. C'est Alexandre qui l'a fait bâtir, et il a surpassé le conquérant. On lui a dressé un arc de triomphe avec deux Reconnâces, l'une qui offre le plan de la ville à Alexandre, l'autre qui on offre les clefs au Czar. Audessus de cette première il y a une inscription: «Fama vetus», et audessus de la seconde: «Fama nova». Comme si l'on disait: Voilà la vieille renommée, et voilà la nouvelle, et on a mis aussi ce vers latin:

Struxerat hanc fortis, sed fortior hanc coepit urbem». Составитель «Полнѣтнованій», разумѣется, не могъ знать дневника Марэ, начатаго только въ половинѣ шестидесяти вѣка, но несомнѣнно, что оба рассказа восходятъ къ какому-то одному общему источнику.

97.

Петръ стоялъ лагеремъ подъ Тарку съ 8-го по 16-е августа 1722 года (Походы. Журналъ 1722 г., стр. 8, 9).

98.

Царь посѣтилъ хана Аюгу въ его кочевьи 13-го июня 1722 года (Походы. Журналъ 1722 г., стр. 42—44).

99.

Самъ Нартонъ ставитъ этотъ рассказъ въ связь со слѣдующими, 100-мъ; поэтому можно думать, что приведенныя здѣсь слова царя были сказаны во время празднествъ по случаю Никитинскаго мира въ 1721 году.

100.

Слова Петра, приведенныя въ этомъ рассказѣ, выражаютъ въ простой формѣ ту же мысль, какую онъ высказалъ въ своей рѣчи, произнесенной 22-го октября 1721 года, при принятіи имъ императорскаго титула. Ср. выше примѣчаніе къ рассказу 89-му.

101.

Разсказанное здѣсь происшествіе должно относиться ко времени до 1719 года, такъ какъ лейбъ-медикъ Арескинъ умеръ въ концѣ 1718 года.

102.

Разсказъ этотъ несомнѣнно относится къ 1718 году, такъ какъ въ началѣ его, 13-го февраля, состоялся указъ о дозволеніи со всей Россіи уроковъ и рѣдкостей въ купечеству (Пекарскій, Наука и литература при Петрѣ В. I, 64).

103.

Если рассказъ Нартова точенъ въ томъ отношеніи, что Петръ говорилъ о платкѣ изъ горнаго льна въ присутствіи Арескина, то этотъ случай долженъ отнестись ко времени не позже конца 1718 года. Если же имя Арескина названо здѣсь не ошибкой, то сообщеніе Нартова можетъ быть поставлено въ связь съ замѣткой французскаго посланника Кампредона, что однажды, во время московскихъ празднествъ по случаю Никитинскаго мира, въ концѣ января и началѣ февраля 1722 года, царь показывалъ своимъ гостямъ кусокъ полотна, сотканнаго изъ азбеста, и подпалъ его къ огню, чтобы доказать его негорючесть (Сборникъ Имв. Р. Ист. Общества, т. XLIX, стр. 50 и 51).

104.

Охотный рассказъ находится и въ «Анекдотахъ» Штелина, стр. 408—413.

105.

Ничто подобное разсказано въ «Анекдотахъ» Штелина, стр. 352—354, при чемъ происшествіе отнесено къ 1721 году и сдѣлана ссылка на графа А. П. Вестушева-Римина и на И. А. Черкасова. Ср. также предисловіе, записанное сыномъ П. Алексѣевичемъ (Р. Архивъ 1863 г., ст. 697, и Р. Вѣстникъ 1864 г., № 1, стр. 320—323). Вѣроятно однако отчасти рассказъ Нартова въ 1720 году, когда, въ февралѣ мѣсяцѣ, Духовный Регламентъ былъ разсматриваемъ сперва государемъ, а потомъ духовными вѣстями и санаторомъ.

106.

Это, кажется, единственное извѣстіе о предположеніи Петра соорудить въ Александро-Невскомъ монастырѣ памятникъ Лефорту, Шереметеву, Шепару и Гордону. Изъ самаго разсказа Нартова видно, что проектъ относился къ самымъ послѣднимъ годамъ жизни великаго государя.

107.

Разсказъ о томъ, какъ Петръ отнесся къ доносу одного духовнаго лица относительно «соблазнительной жизни» Феофана Прокоповича, пере-

дашь и въ «Анекдотахъ» Голыкова, стр. 422—423, со словъ Г. Н. Теплова Ф. А. Торновскій, въ своей статьѣ о Стефанѣ Лаврскомъ (Труды Киевской духовной академіи 1864 г., № 6, стр. 157, 158), сравнилъ рассказы Голыкова и Нартова, замѣтилъ, что въ передачѣ послѣдняго «анекдотъ очевидно недостоверенъ. Изъ многихъ заключающихся въ немъ несообразностей укажемъ на одну: когда былъ сочиненъ «Камень вѣры» (1713—1716 гг.), Стефанъ жилъ въ Москвѣ, а Феофанъ—въ Киевѣ; следовательно, государь не могъ въ одинъ вечеръ быть у того и другого. На это можно возразить тѣмъ, что ошибка Нартова въ данномъ случаѣ ограничивается лишь указанием на «Камень вѣры», и что Петръ могъ заставить Стефана не за явиться, а за какиибудь другими трудомъ. Стефанъ и Феофанъ находились одновременно въ Петербургѣ съ 1718 по 1721 годъ, и въ этому періоду, ознаменованному холодною зимою и Лаврскому, ничто не препятствовало бы приурочить рассказы Нартова. Бить можетъ впрочемъ, что весь анекдотъ есть только позднѣйшая выдумка, сочиненная съ цѣлью выставить данъ сравнительную характеристику образа жизни обоихъ архіереевъ.

108.

Этотъ рассказъ долженъ быть приуроченъ, кажется, къ 1714 году: 21-го февраля этого года Петръ присутствовалъ на Петербургскомъ литейномъ дворѣ при ятлѣ пушекъ, а вѣдѣвъ вѣдѣвъ писалъ находившемуся въ Москвѣ Брюсу: «Понеже здѣсь вѣдѣвъ дѣлать заводится начало, гдѣ и наша артиллерія имѣетъ быть, того ради поможу мастеровымъ людямъ немедленно вытѣсти сюда (понеже ятлѣ великое плѣтъ здѣсь) и сажу къ изразнику прѣзжай». По прѣздѣ Брюса Петръ, 11-го апрѣля 1714 года, снова посетилъ литейный дворъ (Походы. Журналъ 1714 года, стр. 5, 8; Голыковъ, Дѣянія Петра В., V, стр. 561).

109.

Случай, сообщенный здѣсь Нартовымъ, долженъ относиться ко времени позже 25-го апрѣля 1719 года, когда послѣдовала кончина малолѣтняго царевича Петра Петровича. Для сравненія съ этимъ рассказомъ Нартова можно указать на сходные рассказы Штелина (Анекдоты, стр. 127—130, 288—290).

110.

Рассказъ этотъ относится ко времени позже 1716 года, такъ какъ командованіе надъ четырьмя союзными флотами Петръ принялъ въ августѣ этого года въ виду Конскаго (Походы. Журналъ 1716 г., стр. 33 и слѣд.). Онъ любилъ вспоминать этотъ эпизодъ своей жизни и рассказывать о немъ, между прочимъ, герцогу Голштинскому 26-го марта 1723 года (Дневникъ Вержольца, III, 162).

111.

Прибытіе царя въ Петербургъ послѣдовало 20-го апрѣля 1708 года. Извѣстіе о томъ выводится изъ «Журнала» Петра Великаго, т. I, стр. 150, 151, откуда, вѣроятно, и заимствовано вѣдѣвъ рассказомъ. Значительный ботикъ Петра Великаго привезенъ былъ въ Шлюссельбургъ 27-го мая 1723 года, затѣмъ 30-го торжественно приведенъ въ Петербургъ, а 11-го іюня вѣдѣвъ флотомъ въ Кроншлотъ (Походы. Журналъ 1723 года, стр. 15, 19).

113.

Изъ записки о службѣ Нартова, 1754 года, видно, что, состоя при царѣ, онъ сперва получалъ триста, а затѣмъ шестьсотъ рублей годового жалованья; въ 1723 году онъ подавалъ царю челобитную о поощреніи своего ордена, но ходатайство его не было удовлетворено до самой кончины Петра. Такимъ образомъ, въ рассказѣ Нартова обнаруживается неточность, поразительная тѣмъ болѣе, что дѣло касается его самого. Во всякомъ случаѣ, если происшествіе, сообщаемое въ этомъ рассказѣ Нартова, имѣетъ какую-либо достоверность, то оно должно быть приурочено къ 1723 году, во времени предъ подачею челобитной. Целью однако не заботиться иностранца и самого происшествія: который оба отшибившись «носа» на друзей, которыхъ будто бы обладалъ мастеръ аппликаций, очень походилъ на вымыселъ; не возникла ли она изъ того, что при Петрѣ былъ токарный мастеръ Юрій Курновъ, умершій ранѣе 1723 года, и о которомъ упоминается въ той же челобитной Нартова?

114.

Разсказанное здѣсь можетъ относиться только ко времени до 1719 года, такъ какъ въ февралѣ этого года уже скончался одинъ изъ упоминаемыхъ Нартовымъ собесѣдниковъ Петра, графъ В. П. Шереметевъ.

116.

Этотъ рассказъ взятъ изъ Вольтеровой «Histoire de Charles XII». Въ книгѣ IV-й, описанъ сраженіе при Головчинѣ, 6-го іюля 1708 года, и занятіе Карломъ Могиленомъ, за которымъ могло послѣдовать движеніе Шведовъ въ Москвѣ, Вольтеръ продолжаетъ: «Le czar, qui vit alors son empire, où il venait de faire naître les arts et le commerce, en proie à une guerre capable de renverser dans peu tous ses grands desseins, et peut-être son trône, songea à parler de paix: il fit hasarder quelques propositions par un gentilhomme polonois qui vint à l'armée de Suède. Charles XII, accoutumé à n'accorder la paix à ses ennemis que dans leurs capitales, répondit: «Je traiterai avec le czar à Moscou». Quand on rapporta au czar cette réponse hautaine: «Mon frère Charles», dit-il, «prétend faire toujours l'Alexandre; mais je me flatte qu'il ne trouvera pas en moi un Da-

rière». Монахъ отнесся съ недоуменъ въ этому разсказу и, приведя его только въ примѣчаніи (I, 427), замѣтилъ, что не нашелъ ему подтвержденія въ своихъ источникахъ. Но Вольтеръ повторилъ его и въ своей «Исторіи Петра Великаго» (т. I, гл. 16).

119.

Этотъ разсказъ заимствованъ въ сокращеніи изъ Вольтеровой: «Histoire de Charles XII» (livre IV). Для сличенія приводимъ подлинникъ: «Il (l'empereur) fit aux généraux suédois l'honneur de les inviter à sa table... Prenant un verre de vin: «À la santé», dit-il, — «de mes maîtres dans l'art de la guerre». Rehnsköld lui demanda qui étaient ceux qu'il honorait d'un si beau titre. «Vous, messieurs les généraux suédois», reprit le czar. «Votre Majesté est donc bien ingrate», reprit le comte, — «d'avoir tant maltraité ses maîtres!» Le czar, après le repas, fit rendre les épées à tous les officiers généraux et les traita comme un prince qui voulait donner à ses sujets des leçons de générosité et de la politesse qu'il connaissait».

121.

Рѣчь Петра, приведенная въ этомъ разсказѣ, сходна съ тѣми, которыми сообщены выше въ разсказѣ 26-мъ. Ср. примѣчаніе къ сему послѣднему.

122.

Этотъ разсказъ заимствованъ у Руссе, въ сочиненіи котораго, при описаніи Полтавскаго сраженія (III, 125, 126), читается слѣдующее: «Sa Majesté Czarienne, qui se trouvoit portant, voyant l'Ennemi en fuite et entièrement défait, donna ordre que l'on fit quartier, et que surtout on sauvât le Roi, son Ennemi. Sa Majesté donna dans cette action des preuves non seulement de valeur, mais aussi de son expérience dans l'art militaire, par la sage disposition qu'elle fit elle-même de ses troupes, en sorte qu'il n'y eut que la première ligne, forte de dix mille hommes qui eut part à l'action... Quand on rapporta à Sa Majesté Czarienne qu'on avoit trouvé la lièvre du Roi de Suède toute en pièces sur le champ de bataille, elle témoigna une inquiétude extraordinaire du sort de ce Prince dont elle plaignoit la destinée, et elle donna ordre de le chercher parmi les morts».

123.

Разсказъ этотъ заимствованъ у Монахъ (II, стр. 335, 336), который сообщаетъ слѣдующее: «Un Comte Gallowin, que le Czar estimoit beaucoup à cause de sa bravoure, et qu'il avoit fait Major-Général, quoiqu'il n'eût pas trente ans accomplis, fut envoyé par ce Monarque à Venise, pour y apprendre tout ce qui regarde la Construction des Vaisseaux et la Langue Italienne. Il y demeura quatre ans, et à son retour Pierre le Grand voulut voir ce qu'il savoit faire, et le mena aux Chantiers; mais il s'appar-

cut bientôt qu'il ne connoissoit pas même les principes de l'Art. Il crut qu'il auroit peut-être mieux réussi dans la Langue Italienne, mais Gallowin lui confessa qu'il n'en savoit pas un mot. «Hé que diable avez-vous donc fait à Venise?» lui dit le Czar. «Stre», répliqua-t-il, — «j'y ai fumé ma pipe, j'y ai bu du brandevin, et ne suis presque pas sorti de ma chambre. Il auroit payé cher sa négligence, si le Monarque ne l'avoit pas aimé autant qu'il faisoit. Il se contenta de faire peindre ce paresseux sous le titre de Kubes Bana, ou de Maître-Prince, environné d'instrumens de Mathématiques; raillerie qui auroit pu mortifier tout autre que Gallowin». Въ передачѣ Нартова разсказъ Монахъ несколько измѣненъ и дополненъ замѣчаніемъ, что Нартовъ самъ видѣлъ помянутую картину у царя. Но не слѣдуетъ ли думать, что это былъ не портретъ И. М. Голанина, а просто изображение бражника съ трубою въ зубахъ, обычный сюжетъ голландскихъ живописцевъ? Нартовъ могъ перетолковать по своему сюжетъ картины подобно тому, какъ до сихъ поръ въ Факусовѣ и Ренатиковѣ, въ Омбурнѣ и Татамѣ имѣли пачуть въ тепловѣ, а живыхъ лицъ, современныхъ Грибоѣдову и Пушкину.

124.

Извѣстія Нартова о пребываніи Петра въ Парижѣ, сообщаемыя въ этомъ и нѣсколькихъ слѣдующихъ разсказахъ, замѣчательны тѣмъ, что сопровождаются очень точными хронологическими данными. Такъ какъ въ «Журналѣ Петра Великаго» извѣстія объ этомъ времени очень кратки, то слѣдуетъ думать, что составитель «Повѣствованій» пользовался для своихъ разсказовъ кнѣгами Руссе и Монахъ (быть можетъ, и Вольтера) или же сообщеніями официальной парижской «Gazette» и «Le ponteau Mercure», служившихъ источниками для этихъ авторовъ; кое-что Нартовъ могъ записать и по разсказамъ очевидцевъ изъ своего бытства въ Парижѣ уже послѣ пребыванія тамъ царя. Поэтому нельзя отвергать вполнѣ и разсказы Нартова о купаньи русскихъ гренадеровъ въ Сѣнѣ.

125.

Смотръ французской гвардіи происходилъ 5-го іюня 1717 года (Походн. Журналъ 1717 г., стр. 18). Упомянутое о герцогахъ де-Менѣ и Гизъ указываетъ на то, что Нартовъ пользовался въ данномъ случаѣ кнѣгой Руссе, гдѣ (III, 430, 431) этотъ смотръ описанъ подробно; отсюда между прочимъ можно видѣть, что вѣсто Гизъ надобно читать Гизъ (de Guiches). Отъявъ о французскихъ войскахъ прибавленъ русскими авторомъ.

126.

Неблагоприятное сужденіе Петра о Парижѣ выходитъ также въ разсказѣ 29-мъ. Источникъ этого разсказа намъ неизвѣстенъ, но, по всему вѣроятію, его надобно искать въ какомъ-нибудь французскомъ первоисточникѣ или сатирическомъ сочиненіи; по крайней мѣрѣ нѣчто подобное читается въ одномъ французскомъ памфлетѣ 1780-хъ годовъ:

«On prétend que lorsque le Czar Pierre I vint à Paris, un courtisan prit la liberté de demander ce qu'il pensoit de cette grande et superbe ville. «Ce que je pense», répondit-il, — c'est que si j'en étois le souverain, je la brûlerois» (Les Entretiens de l'autre monde sur ce qui se passe dans celui-ci. Londres. MDCCCLXXXIV, p. 317).

127.

Петръ посетилъ герцога д'Антона 18-го мая 1717 года (Roussset, III, 428). Въ Походномъ Журнале 1717 года не упоминается объ этомъ посещении, хотя говорится (стр. 17), что въ этотъ день «послѣ обѣда снискавалъ верхову», чего, въ свою очередь, не сообщаетъ Руссе; напротивъ того, у Волтера есть извѣстіе о писаніи портрета, при чемъ прибавлено, что это было для царя неожиданностью. О томъ, что Петръ выразилъ удовольствіе, увидѣвъ портретъ царичи въ домѣ герцога, говорится только въ одной французской книгѣ, которая не могла быть извѣстна Нартону, именно въ «Mémoires sur la Régence» Дюжас. Рѣчи царя по этому поводу составляютъ собственную прибавку Нартова.

129.

Разсказа о томъ, какъ Петръ не желалъ обѣдать у епископа города Бовѣ, не встрѣчается въ тѣхъ французскихъ печатныхъ источникахъ, какіе могли быть доступны Нартону. Тѣмъ не менѣе, сумность сообщеннаго имъ факта вѣрна, какъ это обнаруживается изъ недавно обнаруженнаго письма одного изъ лицъ, на обязанности которыхъ лежало принимать дара на пути его слѣдованія изъ Кале въ Парижъ: Нартонъ ошибся только тѣмъ, что назвалъ городъ Бовѣ вмѣсто Амьена; изъ упомянутого же документа видно, что въ епископскомъ домѣ въ Амьенѣ дѣйствительно былъ приготовленъ парадный обѣдъ, но Петръ отказался его принять, къ немалому оторченію вѣстнаго начальника де-Вермажа (онъ же и авторъ письма; см. статью Э. Бартеляки «Le czar Pierre en France» въ «Revue Contemporaine» 1866 г., кн. I, и сообщеніе М. М. Ковалева въ «Русской Старинѣ» 1875 г., т. XIII, стр. 113, 114). Это совпаденіе свидѣлельства французскаго архивнаго документа съ сообщеніемъ Нартова всего лучше доказываетъ, что онъ пользовался устными свѣдѣніями о пребываніи Петра во Франціи.

130.

Морская кампанія Петра въ 1714 году подробно описана въ Походномъ Журнале этого года, но помѣщенныя тамъ извѣстія все-таки не даютъ возможности опредѣлить, къ какому дѣлу плаванія относился происшествіе, рассказанное Нартонимъ. Въ Журнале наиболѣе бурное состояніе моря означено дважды: во первыхъ, 7-го и 8-го іюля, когда русскій флотъ дѣйствительно находился между Гельсингфорсомъ и Аландскими островами, и вторыхъ, съ 30-го августа по 5-е сентября, когда флотъ находился у Березовыхъ острововъ; въ наибольшей опасности

оуда былъ 1-го сентября, когда оторвало много шлюпокъ и ботовъ и, въ случаѣ продолженія шторма, предполагалось было рубить мачты на корабляхъ.

131.

Число 27-го апрѣля (или по новому стилю 8-е мая) указано Нартонимъ согласно какъ съ Походнымъ Журналомъ 1717 года, стр. 13, такъ и съ Руссе, III, 421. Свѣдѣнія о свѣтѣ Петра и объ его разговорѣ съ регентомъ прибавлены Нартонимъ.

132.

Посѣщеніе молеханаго двора, 1-го іюня 1717 года (Поход. Журналъ, стр. 18), описано у Руссе (III, 427) и Мовильона (II, 286) болѣе подробно, чѣмъ у Нартова.

133.

Петръ проѣзжалъ Дюнкеркѣнъ 14-го апрѣля 1717 года (Поход. Журналъ 1717 г., стр. 11, 12). Ни о какихъ рѣчахъ царя по поводу дюнкеркскихъ мельницъ нѣтъ извѣстій; но можно замѣтить, что Петръ, еще будучи въ Парижѣ, при посѣщеніи фабрики гобеленовъ очень восхищался коврами, на которыхъ были и изображенны похождения Дон-Кихота (Roussset, III, 429).

134.

Въ Кале Петръ пробылъ съ 17-го по 23-е апрѣля; 17-го осмотрѣлъ французскія войска и крѣпость, а 18-го «осмотрѣлъ французскаго большого, который тѣмъ великъ» (Поход. Журналъ 1717 г., стр. 12).

135.

О посѣщеніи Петромъ Сент-Дени не записано въ Походномъ Журнале 1717 года, но оно отмѣчено у Руссе (III, 424) подъ 2-мъ іюня новаго стиля, впрочемъ безъ тѣхъ подробностей и разговоровъ, которые сообщены Нартонимъ.

136.

Въ Намюрѣ Петръ былъ 14-го и 15-го іюня 1717 года (Поход. Журналъ 1717 г., стр. 21); Руссе (III, 423) довольно подробно разсказываетъ о пріемѣ царя графомъ Гошменемъ, но не сообщаетъ никакихъ рѣчей, связанныхъ будто бы Петромъ.

138.

Ср. далѣе разсказъ 148-й.

139.

Этотъ разсказъ долженъ относиться къ самымъ послѣднимъ годамъ жизни Петра. Изъ описанія, поданнаго ему Нартонимъ въ мартѣ 1723

года, видно, что въ то время любимый товарищ царя еще жилъ «въ чужей квартирѣ».

140.

Побѣда русскаго флота надъ шведами при Гангутѣ описана въ Походномъ Журналѣ 1714 года, стр. 66, 67; а о пожалованіи Петра вице-адмираломъ 9-го сентября того же года упоминается тамъ же на стр. 77. Рассказъ о празднованіи по этому случаю у Меншикова и о разговорѣ Петра съ Еришальдомъ заимствованъ Нартковымъ у Мовильона (т. II, pp. 208, 209), гдѣ читается слѣдующее: «Il y eut (въ домѣ князя Меншикова) un grand festin, pendant lequel le nouveau Vice-Amiral parla avec éloge du Centre-Amiral Suédois. «Vous voyez», dit-il, — «Messieurs, un brave et fidèle serviteur du Roi de Suède, qui s'est rendu digne par ses exploits et par son courage de l'estime de tout le monde, et pour qui j'aurai toujours moi-même beaucoup d'égard et de considération tant qu'il sera avec moi, quoiqu'il m'ait tué un bon nombre de braves sujets. Mais», ajouta-t-il en parlant à Ehrenschild, — «je vous pardonne, et vous pouvez compter sur mon amitié». Le Vice-Amiral Suédois répondit, que quelque action éclatante qu'il eût pu faire pour le service de son Maître, il n'avoit fait que son devoir; qu'il avoit cherché la mort sans pouvoir la rencontrer. «Et ce n'est pas une petite consolation pour moi», continua-t-il, — «d'être le prisonnier de Votre Majesté, et de me voir traité si favorablement, et avec tant de marques de distinction par un aussi grand Officier de Mer, qu'on vient d'élever avec justice à la charge de Vice-Amiral». Op. такой же рассказъ у Руссе, III, 350, 351.

141.

По смыслу этого рассказа надобно полагать, что слова Петра о правѣ его получать жалованье не чину относятся къ тому времени, когда онъ находился вице-адмираломъ, то-есть, въ періодъ съ 1714 по 1721 годъ; но Нартковъ ошибается, низведя его въ то же время генералъ-майоромъ; по сухопутной арміи Петръ еще съ 1709 года числится генералъ-лейтенантомъ, а съ 1714 — генераломъ (Устряловъ, Исторія Петра Великаго, т. IV, ч. I, стр. 482, 483).

142.

О посѣщеніи Петромъ Парижской обсерваторіи не упоминается въ Походномъ Журналѣ 1717 года, но есть краткія свѣдѣнія у Руссе (III, 432) и Мовильона (II, 265). Кроме того, объ этомъ говорится въ одной странной книжкѣ, подъ заглавіемъ: «Le Czar Pierre Premier en France», сочиненной Г. Ле-Вланомъ (Hubert Le Blanc) и изданной въ Амстердамѣ въ 1741 году. Это вовсе не историческое сочиненіе; авторъ его хоти ничего не рассказываетъ о томъ, что дѣлалъ Петръ въ столицѣ Франціи, а выводитъ его въ рядъ вымышленныхъ сценъ, чтобы написать сатиру на нравы французскаго общества и на распространенныя въ немъ

идей; такъ, глава, гдѣ Петръ изображенъ осматривающимъ обсерваторію, даетъ автору поводъ отнестись съ провѣей къ философіи Декарта и къ идеямъ Фонтенелли о множествѣ мировъ. Названъ не подвѣяться, что въ «Повѣствованіяхъ» Нартова встрѣчается замѣтованіе изъ этой книги, а между тѣмъ не поддѣлать сомнѣнія, что рѣчь, по словамъ Нартова, будто бы обращенная Петромъ къ россиянамъ, сопровождавшимъ его въ Парижскую обсерваторію, есть упрощенная передѣлка слѣдующихъ словъ, произнесенныхъ въ уста царя Ле-Вланомъ: «Le Globe de la Terre est un Livre fermé, à cause de tant d'empêchemens qui rendent si difficile de se procurer l'examen de sa surface; on ne l'ouvre qu'en voyageant, pour en parcourir les feuillets qui sont les Royaumes. On s'y instruit de ce que c'est quel'homme, à la vue de la variété des établissemens qu'il s'y est fait; mais le Ciel est un Livre ouvert, où l'on peut lire et parcourir des espaces immenses sans sortir de chez soi. Je parle aux yeux, qu'il existe une futilité, Être nécessaire, qui ait distribué les corps lumineux et opaques dans le fluide de la Substance étherée avec tant d'ordre, qui l'y maintienne par son concours actuel, et qui ait la puissance d'y décaler lorsque les Vertus morales vont être opprimées par le mouvement physique, en lui laissant libre son cours, et qu'il plait à l'Auteur de la Nature de faire sentir qu'il n'a pas perdu son domaine, et que même sa domination est essentielle dans l'Univers, quoiqu'il paroisse si fort tenir à la Machine» (Le Czar Pierre en France, t. I, pp. 167, 168). Op. такой рассказъ 71-й.

144.

Этотъ рассказъ относится къ пребыванію Петра съ Екатериной въ Парижъ въ мартѣ 1717 года (Походн. Журналъ 1717 года, стр. 2, 3) и заимствованъ изъ Руссе (III, 400, 401), гдѣ читается слѣдующее: «Pendant leur séjour le Czar ne manqua point de voir tout ce qu'il y a de curieux aux environs, et comme il se trouva alors un Mathématicien qui prétendoit avoir trouvé la Longitude, Sa Majesté voulut assister aux expériences que cet inventeur proposoit de faire de plusieurs instrumens qu'il avoit construits, qui consistoient surtout en une boussole, qui, selon lui, montrait les degrés de Longitude aussi bien que ceux de Latitude, et par le moyen de laquelle il trouvoit d'abord le Méridien et sous quelle longitude on étoit sur une Mappemonde couverte. Cet homme avoit fait construire une cabane octogone dans une barque qu'on fit entrer dans le Vivier de la Haye, il avoit enfoncé dans ce Vivier plusieurs perches numérotées dont il avoit un plan dans la cabane, et qui formoient du Vivier une vaste Mer dont ces perches étoient ou des ports ou des côtes différentes. Le Czar eut la patience de rester plus de trois heures avec le Comte d'Albemarle, quelques Députés des Etats de Hollande et cet homme dans cette cabane fermée de tous côtés. Des gens qui étoient dans la barque la faisoient voguer de côté et d'autre, et le Mathématicien enfermé dans la cabane désignoit dans quel endroit du Vivier la barque se trouvoit et auprès de quelle perche; le Czar lui faisoit des objections qui souvent l'embarassoient, et il avoua depuis que cet homme étoit allé fort loin dans la découverte des Longitudes, mais qu'il n'avoit pas encore perfectionné cette utile invention».

145.

Ср. выше рассказ 24-й.

146.

Приведенный из этого рассказ слова Петра о Миничеве Соловьев сопоставляет с письмом отъезжающего князя к царю в начале 1723 года, когда Миничев был уличен в незаконном расширении своих владений и должен был просить в том же прощении, и также обращает внимание на заступничество Екатерины (История России, т. XVIII, стр. 156, 157).

149.

Собственноручная инструкция Петра, данная капитану Верингу, написана была 6-го января 1725 года и сопровождалась особым наставлением ему от генерал-адмирала графа Ф. М. Апраксина (Вахтинъ, Русские труженники моря. Первая морская экспедиция Веринга для решения вопроса соединяется ли Азия с Америкой, стр. 86, 87).

150.

Большая часть этого рассказа переведена из Монахона (I, 216, 218), как можно видеть по следующему выписку: «Mr. Le Fort, le seul de ceux que le Czar affectionnoit qui osât ou qui sût lui donner des leçons sur la véritable gloire, l'engagea à pardonner encore cette fois à sa Soeur. «Elle a conspiré contre ma vie», lui disoit le Czar, — «qu'elle n'avoit pas encore quatorze ans». «N'importe», répliquoit Le Fort, — «Votre Majesté ne doit point la faire mourir, à moins, Sire, que votre vengeance ne vous soit plus chère que votre gloire. C'est affaire aux Turcs à tremper leurs mains dans le sang de leurs frères; mais un Prince Chrétien doit avoir d'autres sentimens». Le Czar pardonna à Sophie, il se contenta de lui aller faire les reproches les plus sanglans, qui se terminèrent par des larmes de part et d'autre. Sophie employa toute son éloquence pour se justifier, et peu s'en fallut que le Czar ne la crût innocente. Au sortir du Monastère, où il avoit fait cette étrange visite, il ne put s'empêcher de dire à Le Fort, que Sophie étoit un grand génie, et que c'étoit seulement dommage qu'elle fût si méchante».

151.

Брюкс и Остерманъ были отправлены в Нингате для переговоров о мире со Швецией в апреле 1721 года, и очевидно, к этому времени относятся слова Петра, сообщенные в настоящем рассказе.

152.

Рассказ этот относится к 1721 году, когда Миничъ был принят в русскую службу и, немедленно приступив к составлению

проекта укреплений Кронштадта и Рогервикса (Восточного порта), окончил эту работу «къ совершенному удовольствию» царя, с чемъ самъ свидетельствуетъ въ челобитной, поданной въ 1767 году. Въ 1723 году Петръ велѣлъ Миничу осмотрѣть работы Ладожскаго канала и, по слушаніи его доклада, 18-го января 1724 года приказалъ «савальное дѣло по управленію поручить ему» (Записки фельдмаршала графа Миниха, стр. 25, 26, 283).

154.

Разговоръ Петра съ И. А. Толстымъ, сообщенный въ этомъ рассказѣ, Соловьевъ приурочиваетъ ко второй походкѣ января 1718 года, когда допрошена была Афросяня Федорова и сыномъ показаніями окончательно убедила виновность царевича Алексея въ глазахъ царя (Исторія Россіи, XVII, 216).

155.

Слова Петра, приведенныя въ этомъ рассказѣ, слѣдуетъ отнести, очевидно, къ тому же времени, какъ и разговоръ царя съ Толстымъ, изложенный въ рассказѣ 154-мъ.

156.

Сообщенныя въ этомъ рассказѣ слова Петра, по мнѣнію Соловьева, принадлежатъ составленію духа царя въ то время, когда, послѣ допроса Афросяни и собственными признаніями царевича Алексея, 18-го июня 1718 года, опредѣленіе виновности покойнаго было предоставлено на судъ вѣнчанаго духовенства, министровъ, сенаторовъ и генералитета (Исторія Россіи, XVII, 216).

157.

Вариантъ этого рассказа находится въ Запискахъ Порошина (изд. 1881, стр. 18, 19) въ слѣдующемъ видѣ: «О Толстомъ говорилъ его преемственность Никита Ивановичъ (Панин), какъ онъ вѣнчанъ былъ въ бунтахъ стрельцовъ противъ государя... Случалось, когда государь Петръ Великій въ компании подвешивался, и Толстой тутъ, то государь, снявши съ него парякъ и колота его по вѣшн, товарищамъ: «Голова, голова, кабы не такъ ужал ты была, даво бы я отрубилъ тебя жалѣемъ».

158.

Слова Петра, записанныя Нартовымъ въ этомъ рассказѣ, относятся къ 22-му июня 1718 года, когда Толстой былъ посланъ къ царевичу Алексею въ вопросы (Соловьевъ, Исторія Россіи, XVII, 220—222).

159.

Ср. выше рассказ 158-й.

161.

Разсказъ этотъ долженъ быть отнесенъ во времени до февраля 1719 года, когда умеръ графъ Е. П. Шереметевъ.

162.

Нѣкоторыя подробности въ разсказѣ Нартова о смерти Гордона напоминаютъ разсказъ о томъ же въ Дневникѣ Корба (русс. переводъ, стр. 303), но еще не даютъ повода заключать, чтобы составитель «Полѣстиковалій» могъ пользоваться этимъ источникомъ. Отамна Петра о Гордовѣ у Корба нѣтъ.

Дополненіе къ примѣчанію 94-му.

Происшествіе, описанное въ этомъ разсказѣ, упоминается также въ «Описаніи Каспійскаго моря», составленномъ Р. Ф. Миллеромъ по журналамъ Ф. И. Софмонова (С.-Пб. 1763, стр. 79 и 80). Выписка изъ рукописнаго «Екстракта» тѣхъ же журналовъ, относящаяся къ упомянутому происшествію, сообщена въ «Русской морской библиотекѣ» А. П. Совекова, 2-е изданіе подъ редакціей В. К. Шульда. С.-Пб. 1883, стр. 97.